

К 90-летию милиции и ВЧК

А. А. Абрамовский

**В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ...
(Правоохранительные органы Урала
в первый год советской власти)**

Челябинск
2008

ББК 67.99 (2190)

А 16

Абрамовский, А. А. В борьбе с преступностью... (Правоохранительные органы Урала в первый год советской власти) : монография / А. А. Абрамовский. – Челябинск : ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. – 176 с.

ISBN 978-5-93654-053-0

Научный редактор:

Абрамовский А. П., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Российской академии военно-исторических наук.

В монографии доктора исторических наук А. А. Абрамовского показан процесс формирования системы правоохранительных органов на Урале в первый год пролетарского государства. Раскрывается механизм образования местных отделов советской милиции, чрезвычайных комиссий, аппаратов уголовного розыска. Делается акцент на роли отрядов Красной гвардии в обеспечении правопорядка в уральских городах и поселках.

ББК 67.99 (2190)

ISBN 978-5-93654-053-0

© А. А. Абрамовский, 2008

© ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

История советских правоохранительных органов до настоящего времени изучена не в полном объеме. Основными причинами этого в первую очередь явились прежние резко тенденциозные ура-положительные установки партии в исследовании этой проблемы, а также огромная масса закрытых, засекреченных документов в советско-российских архивах.

Необходимо отметить, что за последние годы происходят явно позитивные сдвиги в изучении этого вопроса. Наиболее полно освещаются процессы становления различных правоохранительных структур (ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, судов, милиции и др.) в первую очередь в центре, и явно недостаточно внимания уделяется раскрытию регионального аспекта. И даже исследуя местные особенности образования силовых структур, современные ученые слабо изучают первоначальный, переходный на пути к новому государству период. Мало кто в наше время может оспорить постулат о том, что МВД и ФСБ XXI-го века являются правопреемниками советских учреждений милиции и госбезопасности. А формирование последних началось, практически, сразу же после Октябрьской революции 1917 года.

В условиях отсутствия у большевиков и левых эсеров четкой программы создания новой правоохранительной системы, особо важное значение в первый год пролетарского государства имела компетентность, целеустремленность, инициатива местных органов власти и их руководителей. От энергии и умения которых напрямую зависел ход образования учреждений по охране общественного порядка, обеспечения личной, имущественной безопасности граждан и борьбы с преступностью. Данный субъективных фактор определял неравномерность и волнообразность процесса в регионах, в том числе, конечно же, и на Урале. Этим, не в малой степени, объясняется и довольно длительное функционирование некоторых правоохранительных институтов не только Временного, но и даже царского правительства (милиция, пенитенциарная система и др.)

Вполне понятно, что исторический процесс непрерывен, и он таков, каков есть. Поэтому мы постарались максимально достоверно, опираясь на многочисленные и разнообразные источники,

реконструировать ход формирования органов охраны порядка, уголовного розыска и государственной безопасности в первый год советского государства.

Большевики искали свои формы отправления правоохранительной функции (например, всеобщее вооружение народа), но в конечном итоге вернулись к «классическим» силовым структурам (милиции, патрулям, уголовному розыску, агентурной работе и пр.).

В представленной монографии исследуется проблема формирования системы правоохранительных органов на Урале. Рассматриваются многие аспекты, влиявшие на ее структуру, штаты и эффективное функционирование. Устанавливаются общероссийские закономерности и региональные особенности этого процесса.

Создание пролетарских силовых структур в первую очередь происходило по инициативе и под контролем советов различных уровней. Исполнительные комитеты которых как по команде из центра, так и по своей инициативе в своей структуре организовывали комиссариаты и отделы (внутренних дел, административные, управления, военные и др.), создававшие в губерниях, уездах и волостях отряды Красной Гвардии, отделы милиции, чрезвычайные комиссии и пр.

Данные советские учреждения функционировали в соответствии с законодательством центральных органов власти, а также актами местного правотворчества. Декреты ВЦИК и Совнаркома в первый год пролетарского государства изобиловали общими, неконкретными, социально-классовыми нормами. И местные советы по-своему их трактовали и дополняли своим региональным законодательством. На основании которых образовывались своеобразные органы власти и, порой, правоохранительные структуры (комитеты самообороны, бюро разведки и др.).

В книге сделан акцент на обеспечение охраны правопорядка в каждой из четырех уральских губерний в отдельности, что позволяет на конкретных примерах проследить процесс одновременного создания силовых структур на территории Урала. Как раз местная практика, не в малой степени и уральская, заставит большевистское руководство отказаться от теории всеобщего вооружения народа и тем более от воплощения ее в практику, подготовит почву к созданию профессиональных силовых структур.

В монографии уделяется внимание возникновению организации профессионального подразделения по борьбе с преступностью – уголовного розыска. Показан процесс его трансформации еще Временным правительством из прежнего царского сыска. На примере этого института ярко иллюстрируется преемственность советских и правоохранительных структур Временного правительства.

Кроме того, нами изучен первоначальный этап становления советского уголовного права, нарушителями норм которого и занимаются сотрудники уголовного розыска во все времена и при всех политических режимах. Рассмотрены основные республиканские и местные источники этой правовой отрасли.

В последнем разделе восстановлен историко-правовой процесс образования органов государственной безопасности. Их создание в центре и на местах, и что особенно важно, проанализированы правовые основы деятельности чрезвычайных комиссий, дана правовая оценка первым процессуальным нормам чрезвычайного следствия и первых примеров внесудебных репрессий.

Проведенное исследование позволило установить конкретных организаторов правоохранительных структур не только губернского, но, что особенно ценно, уездного, волостного, поселкового уровня. В приложении к монографии приводятся фамилии и краткие биографические сведения чекистов, милиционеров и других представителей силовых учреждений уральской глубинки.

РАЗДЕЛ 1. ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Глава 1. Создание местных комиссариатов внутренних дел и отделов управления

Организацию и руководство деятельностью большей частью правоохранных структур осуществлял Народный комиссариат по внутренним делам и его подразделения местных исполнительных органов власти. Первым руководителем НКВД, вошедшим в члены Совета Народных Комиссаров, был большевик А. И. Рыков, который как писала советская историческая наука 4 (17) ноября «дезертировал из состава правительства». И уже 17(30) ноября постановлением Совнаркома наркомат возглавил Г. И. Петровский.

Народный комиссариат по внутренним делам, как центральный административный орган, был ответственен перед Всероссийским съездом советов, ВЦИК, его президиумом и Советом Народных Комиссаров. Наркомат состоял из коллегии, отделов (местного управления - М. Я. Лацис, по делам земского и городского самоуправления - А. П. Смирнов, иностранных подданных - И. С. Уншлихт, беженцев - А. М. Джибит и др.) и секретариата. Функции его не были определены каким-либо нормативным актом. Первоначально они формировались либо для выполнения конкретных указаний правительства, или же складывались в процессе работы, в том числе и при исполнении прямых просьб о помощи с мест. Последнее условие хорошо иллюстрирует ходатайство советского руководства Вятки о помощи в разрешении двух проблем: острого недостатка четких управленческих инструкций и полное отсутствие денежных средств. «Ввиду того, что приказы, декреты центральной власти к нам не доходят, очень трудно управлять губернией и своевременно принимать те или другие меры, а потому обращаюсь к тов. Народному комиссару по внутренним делам в срочном порядке сообщить все, что относится к управлению губернией, также и по военным делам приказы и декреты о демобилизации армии. Затем я вынужден обратиться к вам со следующей просьбой, так как

все учреждения объявили забастовку, и мне не удастся получить ассигновку из губернского казначейства на содержание служащих комиссариата, я прошу вас, товарищи, оказать мне поддержку и выслать с посланным хотя бы на первые самые острые нужды одну тысячу рублей. В местном совете солдатских и рабочих депутатов нет ни одной копейки», - сообщалось в декабре 1917 года в центр. (1) Необходимо отметить, что реакция последнего и его ответы были не всегда оперативны и конкретны. В первые месяцы как Советское правительство, в том числе и НКВД, так и большевистское руководство не имели четкой программы и концепции управления регионами. Характерным примером этому, можно сказать «образцом» указаний центра местным советам является ответ ЦК РСДРП(б) от 16 февраля 1918 года на просьбу Уржумского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов Вятской губернии о высылке инструкции по организации советской работы и, в частности, по взаимоотношению с прежними учреждениями самоуправления. Высшая партийная власть дала расплывчато-классовый совет: «Руководствоваться теми декретами, которые вышли... Конечно, точных инструкций по этому вопросу не напишешь, а надо иметь в виду только интересы народной бедноты и применительно к этим требованиям строить свою работу... Вы делаете большую ошибку, если ждете точных указаний. В этом деле необходима самостоятельность и инициатива. Если вы будете делать ошибки – не беда, так как на ошибках именно учатся». (2) Отсутствие своевременных, четких указаний наркомата объяснить острейшим кадровым дефицитом. В первые месяцы руководству НКВД пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам – прежних чиновников МВД под конвоем приводили на работу и под угрозой ареста заставляли исполнять свои прежние должностные обязанности.

Малая советская энциклопедия, изданная в начале 30-х годов, лукаво утверждала, что НКВД, как орган диктатуры пролетариата, в корне отличался от царского министерства внутренних дел, не только по своему социальному значению, но и по формам и методам деятельности. «НКВД ни в коем случае не является органом, охраняющим центр от «посягательств» мест, - подчеркивала энциклопедия, - он не является средоточием того бессмысленного количества функций, которое было харак-

терно для МВД полицейского государства, выполняя долгое время функцию «связи центра с местами», НКВД в отличие от МВД, командовавшего органами местного самоуправления никогда не брал на себя распорядительных функций в отношении местных органов». (3)

В конечном итоге функции Наркомвнудела в первые месяцы свелись к следующему: разрабатывал проекты декретов советской власти; издавал инструкции к уже опубликованным декретам, касающимся организации власти; давал заключение по проектам законов, подготовленным другими ведомствами, ведал вопросами местного самоуправления, наблюдал за исполнением в областях и губерниях указов, распоряжений центральной власти; давал разъяснения по общим организационным вопросам; следил, чтобы во главе управления на местах стояли лица, поддерживающие советскую власть; разбирал жалобы на действия местных советов; осуществлял организацию милиции, сбор и обработку статистических сведений о преступлениях; ведал вопросами гражданства; въезда и выезда за пределы советской республики и др. (4) Кроме того, комиссариат по внутренним делам обладал законодательной функцией, издал ряд актов общегосударственного значения – постановления о рабочей милиции, о передаче жилищ в ведение городов, о жилищном моратории и др. (5)

Подразделения НКВД организовывались и в уральском регионе при исполнительных комитетах советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые сами определяли свою компетенцию. «Организация народной власти Советов в губернии, проведение в жизнь декретов, изданных центральной революционной властью и установление в губернии порядка, отвечающего воле и интересам трудового народа – рабочих, солдат и крестьян», - говорилось в обращении Уфимского губревкома к населению от 7 декабря 1917 года. (6) Реализовывали эти задачи, в особенности последнюю, правоохранительные учреждения. В первую очередь в советских структурах создавались отделы и управления по внутренним делам во главе с комиссарами. НКВД в конце 1917 года в своем обращении к совдепам «Об организации местного самоуправления», определяя общую компетенцию данных учреждений, указывал, что комиссариатам внутренних дел «надлежит объединять деятельность всех органов управления на местах»,

вполне естественно, и правоохранительных учреждений. (7) Таким образом, перед региональными отделами внутренних дел стояла задача и по организации и руководству Красной гвардией, рабочей милицией и др. Деятельность данных учреждений исполнительных органов советов в первые месяцы новой власти кратко оценил нарком Петровский: «Поезжайте от губернского до волостного Исполкома – кто дал первый план – Комиссариат внутренних дел, кто дал инструкции – тоже Комиссариат внутренних дел». (8)

В Башкирии председатель губернского военно-революционного комитета А. И. Свицерский одновременно занимал еще и должность комиссара по внутренним делам, его заместителем являлся большевик И. Г. Правдин. (9) Зимой-весной 1918 года данные подразделения образовывались в структурах уездных и волостных исполнительных комитетов совдепов. Еще 9 декабря 1917 года Кусинским волостным советом рабочих депутатов был организован «распорядительно-исполнительный орган» – революционный комитет. Его задачи были аналогичными с задачами губернского революционного комитета и простирались на весь Кусинский район. В составе ревкома работали комиссариаты по внутренним делам (Артемов) и общественной безопасности (Лепешкин). Последнему на втором заседании чрезвычайного исполнительного органа было поручено «реорганизовать имеющуюся при совете Красную гвардию, и так называемую рабочую милицию», - отмечала губернская пресса. (10) Тем самым совдепы стремились обеспечить поддержание должного общественного порядка и организовать борьбу с преступностью. В начале апреля, например, III-й Бирский уездный съезд советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов образовал совнарком в составе которого был учрежден комиссариат по внутренним делам (Белозеров). (11) От уездной не отставала и волостная власть: при Тропининском, Бураевском, Клебаковском, Никольском и других волсовдепах работали такие комиссариаты. (12) В Стерлитамакском уезде отделы внутренних дел были созданы в Ишпарсовской и Верхоторской волостях, при исполкоме совета рабочих и крестьянских депутатов Богоявленского завода. (13) В Уфимском уезде – при Сафаровском, Караякуновском волсоветах. (14)

В Уфимской губернии, как и по всей стране, после марта 1918 года (подписания Брестского мира) происходила постепенная смена левоэсеровского руководства на большевистское на всех властных уровнях. Так, например, в мае 1918 года комиссаром внутренних дел Златоустовского уездного совнаркома вместо левого эсера Бурдина-Коваля (бывшего регента церковного хора) стал большевик И. Д. Елагин. (15) Под его руководством советские учреждения по реализации правоохранительной функции создавались в местностях уезда.

Вполне естественно, данные учреждения органов исполнительной власти образовывались и в других губерниях Урала. Например, в Вятской - к апрелю 1918 года при Малмыжском уисполкоме работали комиссариаты «внутренних дел (по управлению уездом), ...общественной безопасности». Более того, последний практически в обязательном порядке организовывался при волостных советах уезда. (16)

В Челябинске Оренбургской губернии в составе исполкома совета рабочих и солдатских депутатов функционировал комиссариат по внутренним делам. Важной задачей, наряду с организацией советских учреждений, стоящей перед ним, являлось обеспечение безопасности граждан, предупреждение и раскрытие преступлений, а также надзор за надлежащим санитарным состоянием города и многое другое. В этих целях была упразднена милиция Временного правительства и ее функции перешли к созданному Штабу охраны города, являвшемуся структурным подразделением комиссариата внутренних дел. В своих постановлениях и решениях в качестве председателя совета, заместителя председателя военно-революционного комитета и комиссара внутренних дел Е. Л. Васенко, как и все его коллеги, разрабатывал нормы административного, уголовного и уголовно-процессуального права. Например, приказом № 34 от 5 марта (20 февраля) 1918 г. военно-революционного комитета, подписанным Васенко, устанавливались нормы проведения первоначальных следственных действий – обысков, и арестов. Эти оба процессуальных действия должны были производиться только по предписаниям военно-революционного комитета или ордерам Штаба охраны города. Ордер должен быть подписан начальником Штаба, иметь печать, в нем в обязательном порядке должна

быть указана фамилия и должность лица, производящего обыск. Лица, производящие самоличные обыски, в соответствии с этим приказом подвергались «наказанию по всей строгости революционного времени, вплоть до расстрела». Помимо вышеуказанных действий в компетенцию комиссариата внутренних дел входили и другие вопросы. «Конфискация золота, реквизиция помещений, отправка автомобилей в Оренбург, выдача разрешений на ношение оружия, опись имущества братьев Покровских, рассмотрение жалоб и т.д.», - отчитывался Васенко общему собранию Челябинского совета. (17)

С созданием в структуре НКВД отдела местного управления в его ведение были включены вопросы регионального администрирования, наблюдение за неуклонным проведением в жизнь всех декретов, распоряжений и постановлений центральной власти, контроль за процессом организации советов, а также созданием и работой правоохранительных структур (милиции, ЧК и др.) на местах. Реализовывал он эти задачи путем образования вновь или замены комиссариатов внутренних дел на отделы управления (самоуправления) при исполнительных комитетах советов всех уровней. (18) По первым результатам изучения и обобщения опыта советского строительства на местах НКВД сделал и первые шаги по структурной организации этих учреждений, разработав и направив в январе 1918 года в регионы инструкцию о создании отделов местных советов и их исполнительных органов власти. В последних в обязательном порядке должны функционировать отделы управления, которые могут разделяться на подотделы и отделения. (19)

На Урале этот процесс затянулся до начала гражданской войны. III-й областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов в январе 1918 года возложил на совдепы исполнение основных правоохранительных функций. В принятой 29 января резолюции «Об организации и задачах областного советского аппарата» указывалось, что советы «производят реквизицию и конфискацию, налагают штрафы, закрывают контрреволюционные органы печати, производят аресты и распускают общественные организации, призывающие к активному противодействию и свержению Советской власти». (20) Для реализации этих задач съезд наметил структуру областного и региональных исполни-

тельных комитетов. Все планируемые отделы сосредоточивались по двум группам: административно-военной и хозяйственной. Первая включала в себя «главный отдел, юстиции, управление и военный... Во главе каждого отдела должен быть особый комиссар», - подчеркивал в докладе «Об организации и задачах областного советского аппарата» член облсовета И. М. Мальшев. И далее он определил важнейшие задачи этих структур: «Работа отдела управления будет связана с работой военного отдела. Задача этого отдела (отдела управления): вести идейное руководство работой Советов на местах, укреплять власть на местах». (21) На съезде были избраны руководители областных исполнительных органов, комиссаром управления стал И. Я. Тунтул, его товарищем – С. В. Мрачковский. (22)

Процесс создания этих отделов начался на Урале. В Вятской губернии на первом заседании губисполком был «разбит на отделы», первым из которых стал – по самоуправлению (комиссары Клестов, Шишкин и Лобовиков). (23) В Нолинском, Яранском и других уездах функционировали комиссариаты по самоуправлению. (24) В феврале 1918 года при Вятском городском совете рабочих и солдатских депутатов вместо упраздненных городской думы и управы создана коллегия по самоуправлению в составе шести человек. В ее компетенцию помимо общей – «неуклонно следить за проведением в жизнь декретов Совета Народных Комиссаров», входило и обеспечение всех сфер жизнедеятельности горожан, в том числе и их безопасности. (25) В Пермской губернии отделы управления образовывались не только на губернском или уездном уровне, но и в крупных городах и промышленных предприятиях. Они были созданы, например, в Камышловском (комиссар Подпорин), Соликамском (Щупин), Пермском (Осипович) и других уездах, а также на Воткинском (Баклушин), Нижне-Тагильском (Майер) и Алапаевском (Абрамов) заводах. (26) В Уфимской – на волостном уровне, например, в структуре Месягутовского волсовета имелся комиссариат управления. (27)

Весной 1918 года в условиях обострения классовой борьбы, участившихся открытых вооруженных конфликтов, повышенной активности так называемых контрреволюционных элементов организацию отделов управления на местах взял под жесткий

контроль НКВД. В губернии и области направлялись директивы и указания по созданию и организации работы данных подразделений и отправлению ими, в том числе, правоохранительной функции. Согласно майской директиве Наркомвнудела № 5066 / 2541 в регионах там, где еще не были созданы, организовывались отделы по управлению. При них, в первую очередь «должны существовать комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем». (28) Во исполнение данного указания центра Вятский губисполком 30 мая 1918 года «временно сконструировал комиссию из существующей уже при городском Совете, передав такую в ведение Отдела по управлению губернией». (29) Денежное содержание ЧК включалось в смету указанных подразделений советов. Кроме того, «право контроля действий комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией предоставляется местным отделам управления», - определялось п. 14 Инструкции по организации и деятельности ЧК, принятой Вятским губернским съездом комиссаров отделов управлений уездных исполкомов. (30)

В первые месяцы советской власти в отсутствие четкой системы центрального руководства правоохранительными учреждениями в сферу деятельности отделов управления, прежде всего губернского уровня, помимо чекистских подразделений входили и структуры по руководству рабочей милиции. Народный комиссариат внутренних дел, наряду с инструкциями, направлял на места и специальные указания по наименованию и компетенции данных подразделений отделов управления - в числе трех рекомендовалось создание подотделов милиции или народной советской охраны. (31) В циркуляре от 30 апреля 1918 года НКВД разъяснял совдепам: «При постановке дела советской народной охраны (милиции) решительно отделить это от военного. Дело милиции должно всецело находиться в ведении отдела управления при Совете (отдел по внутренним делам). Смешение и того и другого вредит организации новой армии, так и правильной постановке дела народной охраны». (32) Уже на начальном периоде гражданской войны отделом местного управления НКВД были разработаны два проекта: декрет и Положение о народной рабоче-крестьянской охране (советской милиции), утвержденные коллегией Наркомвнудела 5 июня 1918 года. (33) Эти проекты дей-

ствовали вплоть до утверждения Народными комиссарами юстиции и внутренних дел в октябре 1918 года Инструкции об организации советской рабоче-крестьянской милиции. (34)

Постепенно с развитием в регионах красногвардейских и военно-дружинных структур, а также в тех местностях, где милиция скомпрометировала себя активной службой Временному правительству даже после октября 1917 года, милицейские части советами упразднялись. Отдел управления Вятского губисполкома 6 апреля 1918 года разослал такой циркуляр № 324 в адрес уездных исполкомов, и вскоре процесс ликвидации милиции охватил практически всю территорию губернии. (35) Вместо старой начали образовываться подразделения новой советской милиции.

Одной из основных функций уральских отделов управления в условиях крайней хозяйственной разрухи являлось оказание помощи комиссариатам финансов в наполнении бюджетов местных советов, в первую очередь путем обложения капиталистов дополнительными, преимущественно денежными налогами, и НКВД требовал проведения такой жесткой политики. Циркуляр от 22 февраля 1918 года с пометкой «Весьма срочно» так аргументировал проведение таких конфискаций: «В защиту Советской власти рабочий и крестьянин жертвует всем, что у него есть... Борьба требует громадных материальных средств... их у пролетариата нет. К несению этой тяжести должна быть привлечена буржуазия. Все ею награбленное у народа должно пойти на спасение завоеваний народа. Поэтому приступайте к общему беспощадному обложению имущих классов». (36) Уральские совдепы успешно реализовывали эти требования центра. Так, например, в июне 1918 года исполком Усольского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Пермской губернии, поручил отделу управления «выяснить число капиталистов в пределах уезда, назначить ко взысканию с них 500 тысяч рублей, которые распределить сообразно их состоятельности... Наложить контрибуцию на соликамского архимандрита в сумме 50 тысяч рублей», - говорилось в одном из властных решений. (37) В Вятский губернский комиссар управления аналогичные директивы направлял не только в уездные, но и в волсовдепы. «Прошу волостной совет принять меры к обложению имущих

классов по возможности беспощадно по их состоянию, несмотря на их слезы. Берите все, что можно», - указывала губернская власть 5 марта 1918 года Щепелевскому волсовету крестьянских и солдатских депутатов. (38) Вполне естественно, к реализации этих задач привлекались правоохранные структуры – милиция, ЧК, Красная гвардия и др. «Исполнительный комитет постановил: обложить местных капиталистов на сумму в 10 миллионов рублей на нужды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, призванной на защиту страны и революции. Предложить капиталистам эту сумму в трехдневный срок. А в случае неисполнения предложения, конфисковать имущество, арестовать и предать суду революционного трибунала... Взыскание обложения с капиталистов поручить Центральному штабу Красной гвардии», - утверждалось в постановлении Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов 26 февраля 1918 года. (39)

В целях повышения эффективности деятельности исполнительных органов власти на Урале наряду со съездами комиссаров юстиции проводились аналогичные форумы руководителей отделов по управлению. В мае такой съезд прошел в областном масштабе, затем – по регионам. Вятский губернский съезд комиссаров по управлению уездами состоялся 5 июня 1918 года, обсуждались вопросы организации и деятельности отделов управления на местах, создания народной милиции на новых началах и др. Кроме того, съезд постановил организовать при отделе управления губисполкома комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. (40) Это был передовой опыт уральских советов, так как 1-й всероссийский форум председателей губсоветов и заведующих губернскими отделами управления состоялся позже, в период с 30 июля по 1 августа, в Москве, когда большая часть территории уральских губерний уже была в руках белых. Съезд уделил внимание организации правоохранительных органов, была принята отдельная резолюция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», в которой говорилось: «Признавая невозможным всеобщее вооружение всего населения в настоящий момент крайнего обострения классовой борьбы как в городе, так и в деревне... съезд признает необходимым организацию рабоче-крестьянской милиции». (41)

Помимо отделов внутренних дел и управления отправлением правоохранительной функции занимались и иные подразделения исполнительных комитетов советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На вышеуказанном областном съезде советов Урала в числе многих решался вопрос и об организации охраны общественного порядка. Для чего, в первую очередь, создавались административные отделы. «Все обязанности по управлению бывшей милицией возлагаются на административный отдел при Совете, - определялось решением областного съезда советов Урала, - на обязанности административного отдела лежит охрана революционного порядка и безопасности как общественной, так и личной, приведение в исполнение постановлений Совета, установленных судов и пр. как реальную силу, вместо прежних милиционеров административный отдел получает в свое распоряжение красногвардейцев из Красной гвардии своего совета». Таким образом, руководство самой многочисленной правоохранительной структурой первоначально поручалось административным учреждениям исполкомов. И далее съезд постановил, что также как экономический (хозяйственный), административный отдел должен создаваться при каждом совдепе и в обязательном порядке разбиваться на подотделы. (42)

Решения областной власти постепенно начали реализовываться в регионах. Пермский губисполком постановлением «Об организации советского аппарата» от 21 января 1918 года в своей структуре образовал административный отдел, «функциями, которого является: а) организация Советской власти на местах и связь с местными Советами; б) инструктирование местных Советов; в) борьба с контрреволюцией и охрана революционного порядка». Комиссаром этого учреждения стал левый эсер П. К. Сивков. (43) Отдел приступил к работе, уже в конце января в адрес уездных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был направлен циркуляр «О немедленной организации Советской власти на местах». Требовалось в кратчайшие сроки установить новую власть в регионе, в первую очередь путем создания или слияния разнородных советов и их исполнительных органов в единое учреждение. Одновременно перед пролетарскими властными структурами ставились чисто правоохранительные задачи: «... 4. Как можно бдительнее стоять на страже против контрреволюционеров,

а в случае обнаружения таковых приступать к энергичным мерам, вплоть до ареста, о чем сообщать в губернский исполнительный комитет. 5. Приступить к немедленному уничтожению кумышкочварения, так как и в этом зле, мы видим контрреволюционную выходку. К чему привлечь волостные и сельские советы». (44)

До решений губернской власти, в конце октября 1917 года в Ревдинском горном округе при советах рабочих депутатов образовался административный отдел. (45) После установления в феврале 1918 года в Ирбитском уезде новой власти, при уисполкоме были образованы отделы, в том числе и административный. (46)

В январе 1918 года при совете комиссаров Шадринского уездного совдепа был учрежден комиссариат административной и общественной безопасности. Возглавил его командир городского красногвардейского отряда Гаревских, который вскоре, в конце января, «сложив полномочия, уехал на военную службу в свою часть». Военно-революционный комитет новым комиссаром назначил одного из своих членов – матроса М. Петрова. (47) Наряду с организацией работы Красной гвардии и старой милиции по охране общественного порядка, в компетенцию данного учреждения входило обеспечение должного режима въезда и выезда через железнодорожный вокзал; борьба с мешочничеством и спекуляцией; выдача разрешений на ношение нарезного огнестрельного оружия, а также изъятие такового и наложение штрафа на его незаконных владельцев и др. (48) 2 марта 1918 года произошла реорганизация Шадринского совнаркома, новым главой данного ведомства, получившего название административный отдел, стал Аргентов. (49)

В соответствии с решением уездной власти отделы административные и общественной безопасности должны были создаваться на местах при волисполкомах. И как показала практика к лету 1918 года они были организованы практически при каждом исполкоме низшего звена учреждений советской власти. (50) В целях их эффективной деятельности по поручению Шадринского совета комиссары Аргентов и Гаревский (комиссар юстиции) в апреле 1918 года выработали для данных учреждений соответствующую инструкцию. (51)

Проанализировав практику замещения должности комиссара общественной безопасности (позже – административного) Шад-

ринского совнаркома, можно отметить определенную чиновничью чехарду в уральских исполнительных органах власти уездного уровня. Комиссар Аргентов являлся третьим по счету начальником, но не последним: после него до начала гражданской войны данным учреждением успели поруководить еще два человека – Габов (52) и Попов. (53)

Создавались данные структуры и при исполкомах советов других уральских губерний. Так, например, в Уфимской губернии в Стерлитамакском уезде – при Мелеузовском волисполкоме. (54) В Белебеевском уезде помимо уисполкома, административный отдел был создан в Куручевском, Аксаковском, Бакалинском и других волсоветах. (55) В конце февраля 1918 года Сарапульский уездный съезд советов крестьянских депутатов возложил «на исполнительный комитет заведование отдельными отраслями по управлению уездом». Для чего были созданы отделы, в том числе, и административный. (56)

После 1-го губернского съезда советов был сформирован новый состав Оренбургского губисполкома, в его структуре образованы комиссариаты, в том числе организационно-административный (Филонов) и административный (С. М. Цвиллинг – председатель губисполкома). (57) Второй Челябинский уездный съезд советов крестьянских и казачьих депутатов, проходивший в период с 15 по 24 февраля 1918 года постановил, что в составе волостных исполкомов должны функционировать административные отделы. (58)

В Вятской губернии, например, мартовским решением Елабужского уездного исполкома на местах при волостных советах в обязательном порядке образовывались административные отделы. (59)

Глава 2. Военные отделы совдепов – организаторы Красной гвардии

Отправлением правоохранительной функции одновременно с отделами внутренних дел, управления, административных, общественной безопасности ведали и военные комиссариаты. Блок этих учреждений занимал важнейшее место в штатном расписании исполнительных органов советской власти в уральском регионе. III-й областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов в январе 1918 года определил главную задачу военного отдела: «Создать социалистическую армию. Для диктатуры пролетариата необходима вооруженная сила, на которую мы могли бы в нужный момент опереться. Мы отказываемся от формы вооружения всего народа, так как считаем, что только революционные классы должны быть вооружены, но этот (вопрос) разрешится в секции, подробно же детали организации военной силы выяснятся на съезде Красной гвардии». (1) Кроме этого, одной из основных функций Красной гвардии, ставшей основой советских вооруженных сил, в первые месяцы советской власти являлось подавление контрреволюционных выступлений и охрана общественного порядка в городах и поселках уральского региона. Областное военное ведомство возглавил Ш. И. Голощекин, к нему уже в феврале 1918 года перешло командование красногвардейскими частями. В соответствии с решением 1-го Уральского областного съезда Красной гвардии все отряды и дружины зачислялись в резерв Рабоче-Крестьянской Красной Армии. «Является вооруженной социалистической армией уральского пролетариата и беднейшего крестьянства и имеет своей целью: а) стоять на страже власти Советов рабочих и крестьянских депутатов и созданных ими центральных и руководящих учреждений; б) охранять завоевания революции и вооруженной рукой бороться за великие идеи социализма», - определял общую, и в том числе правоохранительную, компетенцию красногвардейских подразделений Устав дружин резерва РККА. (2)

В структуре Пермского губисполкома был создан отдел для «руководства делами чисто военного характера, организации Красной Гвардии, учета и распределения оружия», - подчеркивалось в местной официальной печати. (3) При местных советах

в обязательном порядке «должны быть, взамен старых, отживших правительственных учреждений, организованы в первую очередь следующие отделы:... 12. военный», - устанавливала апрельская резолюция Пермского губернского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Об организации Советской власти на местах». (4)

В административных центрах губернии этот процесс шел не плавно, не одновременно, а прерывисто и волнообразно. На территории Екатеринбургского и других уездов советская власть установилась не одновременно во всех местностях. Уже утром 26 октября 1917 года после получения известий из Петрограда исполком Екатеринбургского городского совета рабочих и солдатских депутатов, отстранив от должности комиссара Временного правительства Толстухова, объявил себя единственной легитимной властью в городе и начал мероприятия по установлению новой власти в городе и уезде. Одной из первых была создана своеобразная правоохранительная тройка (Доброклонский, Архангельский, Зайд), которой «поручена была охрана города», - сообщила 29 октября газета «Уральский рабочий». (5) А уже 23 ноября в структуре Екатеринбургского совета создан военный отдел. (6) Комиссар Селянин сообщал собранию городского совета, что «военный отдел поставил целью... поднятие революционного порядка...». (7) Одной из основных функций данных учреждений являлось подавление антисоветских выступлений. Так, например, военный комиссар Екатеринбургского уездного совета, лидер уральских анархистов-коммунистов П. И. Жебенев, неоднократно возглавлял красногвардейские отряды по ликвидации волнений в Березовском, Невьянском, Режевском заводах, в поселке Багаряк. (8) Также в октябре 1917 года в Ревдинском горном округе при советах рабочих депутатов был образован военный отдел. (9)

После установления в феврале 1918 года в Ирбитском уезде советской власти, в составе исполкома были образованы отделы, в том числе военный. «Отделы работают плохо, кроме военного», - отмечалось в сводках городского управления. Аналогичный отдел Шадринского совдепа «приступил к организации Красной Армии, но вследствие недостатка оружия дальнейшее увеличение числа красноармейцев было прекращено», - сообщалось в сводке Информотдела Уралуправления. (10) В этот же период времени

военные отделы создавались в Мензелинском, Уржумском, Усольском и Чердынском уисполкомах. (11) В последнем данное подразделение работало довольно-таки успешно, в том числе и по организации правоохранительной деятельности вверенных частей. «Организовывались военным отделом отряды Красной гвардии, - отмечалось в одном из советских отчетов, - контрреволюционные вспышки, бывшие в волостях, благодаря темноте масс и погромной агитации местных кулаков, в корне были пресечены». (12) Военные комиссариаты образовывались и при волостных органах советской власти, например, при Шайтанском волисполкоме Екатеринбургского уезда. Аналогичные отделы были созданы в структуре заводских советов Верх-Исетского горного округа. (13)

В ряде уральских регионов частями Красной гвардии напрямую заменялись прежние правоохранительные учреждения. Так, например, в Верхотурском уисполкоме был образован военный отдел, организовавший вместо «упраздненной городской и уездной милиции отряды Красной Армии», - отмечалось в сводке Информационного отдела Уралуправления. (14) Таким образом, охрана общественного порядка и борьба с преступностью передавалась в ведение воинских частей.

В Челябинске Оренбургской губернии в составе исполкома совета рабочих и солдатских депутатов работал комиссариат по военным делам (В. К. Садлуцкий). (15) Данные подразделения создавались и в местностях уезда. Раннее упомянутый Второй Челябинский уездный съезд советов крестьянских и казачьих депутатов постановил, что в составе исполкомов создается и военный отдел. Одной из основных функций которого «для защиты Советской власти и активной борьбы с контрреволюцией» являлась организация боевой крестьянской дружины. Определялся ее руководящий орган - «в военном отделе исполнительного комитета Совета крестьянских и казачьих депутатов организуется уездный штаб крестьянской и казачьей боевой дружины. Уездный штаб ведет учет всех волостных и сельских боевых дружин», - отмечалось в решениях съезда. Списки дружинников «с особым отзывом о каждом» хранились в данном департаменте. (16) Интересно, что вопросами формирования боевых дружин занимались и другие отделы исполкомов. Так, например, «в крестьянскую

секцию исполнительного комитета (Челябинского совета – авт.) ежедневно поступают заявления с мест с просьбой разрешить формирование крестьянских боевых дружин, – сообщали 16 мая местные «Известия», – в настоящее время в секции имеется семь уже рассмотренных заявлений от волостных Советов: Травянского, Бутырского, Сухоборского, Косулинского, Ново-Кочердыкского». (17)

Аналогичный процесс происходил и в других регионах Урала, в частности в Башкирии. В губревкоме «военное дело» было возложено на поручика Евлампиева, (18) с сообразованием губисполкома военную секцию возглавил прапорщик Молужьянц. (19) Это учреждение с первых дней активно боролось с преступностью – такой разновидностью спекуляции, как мешочничество. «... Постановлено ни одного пуда мешочникам не отпускать и вести борьбу с последними. Для чего... сформировать команду в 300 чел. – по 100 чел. От каждого полка», – приняло решение 16 ноября 1917 года общее собрание военной секции с представителями полковых и ротных комитетов. (20)

Создавались военные структуры при региональных исполнительных органах власти. В начале апреля 1918 года в составе Бирского совнаркома был учрежден военный комиссариат, которым руководил Макаров, его товарищ – Вострецов. (21) Последний функционировал и при исполкомах Месягутовского, Тастубинского, Усть-Икинского и Верхнекичигинского волсовдепов Златоустовского уезда. (22) Важной функцией военного отдела Нордовского волсовета крестьянских депутатов Стерлитамакского уезда являлось обучение военному искусству жителей региона. «Организовать при волостном исполкоме учебную организацию для обучения населения военному делу и о введении всеобщего вооружения населения с 15 до 30 лет с тем, чтобы оружие хранилось при волостных исполкомах. Занятия проводить по возможности в более свободное время, дабы удержать завоеванную свободу и власть Советов Российской Федеративной Республики», – говорилось в одном из решений волисполкома. (23)

С первых дней (7 декабря 1917 года) работы Вятского тогда еще временного губисполкома в его структуре был «открыт» военный отдел в составе трех человек (Сорокажердиева, Юрьевского и Лапина). Первоочередные задачи данного учреждения были довольно-таки четко определены, в его компетенцию вхо-

дили «дела местного гарнизона, по охране города, по общегосударственным военным делам, об учете оружия и по делам организации Красной гвардии». Таким образом, в контексте нашего исследования важна такая функция военного отдела, как «охрана города», конечно же, в первую очередь через создание и организацию правоохранительной деятельности красногвардейских отрядов. Помимо этого, данному отделу губернская власть поручала выработку и ряда уголовно-процессуальных норм и положений, в частности, одним из первых необходимо было «разработать вопрос о производстве обысков». Для реализации задач губисполком предоставил право руководству отдела расширять свой состав за счет начальника гарнизона (поручик Мышкин), представителей от полкового комитета, других воинских частей и Красной гвардии (24) В начале января 1918 года был избран постоянный состав Вятского губисполкома, военный отдел возглавили комиссары Гординов (депутат от Глазовского уезда) и Юферев, одновременно являвшийся «старшим товарищем» (первым заместителем) председателя губисполкома. (25) К марту 1918 года в функции военного отдела входили также «охрана железнодорожного полотна, мостов и разоружение проходящих эшелонов», - говорилось в одном из совдеповских отчетов. (26)

По примеру центра и губернской власти аналогичные силовые учреждения с различными наименованиями стали создаваться при исполнительных органах власти местных советов. В январе 1918 года в только что образованных исполкомах Уржумского и Яранского уездных советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов были учреждены «военно-технические отделы», (27) В марте в составе Елабужского уездного исполнительного комитета функционировала коллегия по военным делам, (28) в апреле при Малмыжском у исполкоме - военный комиссариат (29) Военные структуры создавались при советах отдельных предприятий. Так, например, в мае 1918 года данный отдел функционировал на Ижевском заводе. (30) В ряде волостей вместо военных отделов образовывались штабы Красной гвардии. Такое боевое учреждение было создано, например, в составе Куменского волысполкома Вятского уезда. (31) В условиях обострения криминальной обстановки, нехватки сил красногвардейских частей и дружин военные комиссариаты к охране общественного порядка, продовольственных складов, транспорта и т. п. привлекали регулярные

части бывшей царской армии, дислоцировавшиеся в уральском регионе. Так, в Екатеринбург 15 января 1918 года специально прибыла рота 327-го Корсуньского пехотного полка для охраны станции и своевременной отправки хлеба. Уфимский губисполком направил в распоряжение советских продовольственных органов «105 человек вооруженных солдат, предназначенных исключительно для охраны хлебов в уезде». (32)

В отсутствии четких и своевременных директивных указаний центра и губернской власти на местах создавались смешанные учреждения по руководству правоохранительными структурами Урала. В конце февраля 1918 года после ликвидации волостного земства Верхне-Уфалейским советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Пермской губернии «для управления всеми отраслями местной жизни» организованы комиссариаты, в том числе и военно-административный (комиссар И. А. Палкин). (33) В Уфимской губернии к марту 1918 года в составе Леузинского волисполкома в числе четырех работал и военно-административный отдел. Одним из первых его мероприятий – создание сельской дружины численностью 40 человек. (34)

Результаты местного правотворчества были учтены при подготовке и издании декрета «Об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам», принятом Совнаркомом 8 апреля 1918 года. «Для проведения в жизнь мероприятий по учету годного к военной службе населения, его призыву, формированию вооруженной силы Российской Советской республики, - отмечалось в преамбуле закона, - обучению поголовно всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян военному делу, управлению войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд» предусматривалось создание довольно-таки стройной региональной системы военно-административных органов. Устанавливалась четкая иерархия военных комиссариатов, для каждого из которых было разработано отдельное положение по его компетенции и организации деятельности. Уже низшее звено – волостной комиссариат наделялся чисто правоохранительной функцией – возбуждать уголовное преследование «за несоблюдение учета, уклонение от всеобщего обучения военному делу или учебных сборов», - устанавливал данную норму п. Г. первой главы декрета. (35)

Однако, как показала практика, Совнарком вплоть до гражданской войны так и не добился всеобщей организации военных

учреждений при исполкомах советов на местах. ВЦИК и Совнарком 18 мая направил предписание «Всем Советам о проведении в жизнь в недельный срок декрета об организации на местах комиссариатов по военным делам». В документе указывалось, что во многих регионах до сих пор существуют «бесформенные военные отделы», не получившие статус военных комиссариатов. «Не мало и таких мест, где задачи местного военного управления не выделены из советских органов общего управления», - далее отмечалось в предписании. (36) Центральная власть первым условием по созданию Красной армии, способной отстоять Советскую республику от внешних и внутренних врагов, определяла наличие хорошо налаженного аппарата военного управления на местах. «Настоящим распоряжением вменяется в обязанность председателям местных Советов председателям местных военных отделов, где таковые имеются, провести в жизнь в недельный срок...декрет от 8 апреля», - требовали ВЦИК и Совнарком. (37) Однако в регионах не спешили с реализацией и этого предписания. Уже в ходе гражданской войны, 8 июня 1918 года, вновь ВЦИК и Совнарком направили очередное предписание «Всем Советам о необходимости немедленного создания на местах окружных, губернских, уездных и волостных военных комиссариатов». (38)

Мы солидарны с мнением исследователя В. С. Скрובה о том, что важную роль в строительстве частей первоначально Красной гвардии, затем Красной Армии на Урале сыграли съезды военкомов и представителей военных отделов губерний и уездов, состоявшиеся в марте и апреле 1918 г. Организатором съездов явился Уральский областной комиссариат по военным делам. Съезды способствовали обобщению опыта военного строительства и выработке единых установок по наиболее важным вопросам. В докладе в Москву об итогах первого съезда военных комиссаров руководство облвоенкомата (Ш. И. Голощекин. С. А. Анучин, Н. И. Уфимцев) сообщало, что на съезде приняты решения по организационным и техническим вопросам. Признано целесообразным всю Уральскую область разделить на шесть окружных военных комиссариатов с центрами в Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Вятке, Уфе, Оренбурге. Съезд определил штаты военно-административных органов и красноармейских формирований. Областным комиссариатом, указывалось в докладе, «уже разработана дислокация войск Уральской области и схема их организации», «приняты энергичные меры по учету всякого

артиллерийского, интендантского, инженерного имущества, поступающего от демобилизованных запасных частей». (39)

Помимо вышеуказанных отделов исполнительных органов власти, создание и деятельность которых строилась в основном с правительственными указаниями, местное творчество давало примеры и других советских учреждений, занимавшихся охраной общественного порядка и борьбой с преступностью. Постепенно при исполнительных органах советской власти расширилась сеть департаментов, организовывавших отправление правоохранительной функции. Названия советских структур исполнительных комитетов по организации новой власти, в том числе и должного правопорядка, были разнообразны. В составе Куменского волисполкома Вятского уезда, например, был образован отдел земского хозяйства, по существу исполнявший функции комиссариата по внутренним делам. «На который возложена административная часть по управлению, проводятся в жизнь все распоряжения правительства и местного Совета крестьянских депутатов и принимаются все меры воздействия к укреплению Советской власти», - говорилось в апреле 1918 года в одном из отчетов в адрес уездной власти.(40) В Благовещенском волостном совете рабочих и солдатских депутатов Уфимской губернии были образованы отделы охраны; продовольственный и снабжения с подотделами реквизиционным и по борьбе со спекуляцией. (41) В Кунгуре Пермской губернии в ноябре 1917 года в составе военно-революционного комитета был создан комиссариат по охране города, его возглавил левый эсер прапорщик Антропов. (42) В Вятском уезде к апрелю 1918 года, практически, в каждом селении были сформированы деревенские комитеты, в число функций которых входило обеспечение «общественной безопасности и порядка... спокойствия, охрана неприкосновенности личности и жилища», - говорилось в отчетах этих органов местной власти. (43) При совдепе Ижевского завода в ноябре 1917 года был образован «комитет по охране революции». (44)

Мы согласны с мнением профессора права В. М. Курицина о том, что к весне 1918 года система советских высших органов государственной власти и государственного управления в основных чертах уже сложилась. Завершился процесс организации государственного аппарата на местах. Однако не было еще ни структурного единообразия в строительстве местного аппарата, ни достаточно стройного и согласованного взаимодействия центра

и местных учреждений советской власти, не была разграничена компетенция различных звеньев государственного аппарата, не четко определялось их правовое положение. (45) Выше рассмотренная сложившаяся система органов управления правоохранительными подразделениями уральского региона служит органичным примером этому выводу.

И это было вполне естественным и объяснимым явлением, так как в подавляющем большинстве советов, как в центре, так и на местах к власти пришли лица, ранее вообще не имевшие навыков управленческой деятельности. При наличии скудных и зачастую противоречивых ведомственных правительственных директив они, во многом, по-своему подходили к организации и деятельности структур, вверенных для руководства, приспособляя их работу к конкретным условиям с учетом региональных особенностей. Характерным примером этому служит доклад «Об установлении Советской власти в гор. Вятке» губернского комиссара Лупарева в адрес Совнаркома, датированный 6 декабря 1917 года: «Совет рабочих и крестьянских депутатов только что был избран и, хотя все члены совета стоят на платформе ВЦИК, но работников, как организаторов... совершенно нет, ввиду чего работа очень осложняется и затруднена». (46) По мере возрастания и усложнения задач, возникавших и стоявших перед советским государственным аппаратом, усложнялись и его функции и, вполне естественно, структура учреждений их осуществлявших. В столицах и регионах накапливался первый опыт по управлению новым государством.

Итог советского правотворчества по структурной организации учреждений исполнительной власти в центре и на местах был сделан первой Конституцией пролетарского государства. В Совнаркоме, как правительственном учреждении «по управлению делами» РСФСР, образовывалось 18 комиссариатов, в том числе по внутренним и военным делам. Местные советы, согласно ст. 58, «для текущей работы... из своей среды» избирали исполнительные комитеты в составе не более пятнадцати членов. Последние «образуют соответствующие отделы вот главе с заведующими отделами», - определял структуру исполнительных органов власти Основной Закон. (47)

РАЗДЕЛ 2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН НА УРАЛЕ

Глава 3. Всеобщее вооружение народа: система органов правопорядка Прикамья

В Пермской губернии по мере установления пролетарской власти советы, в первую очередь уездных центров, приступили к ликвидации учреждений Временного правительства и созданию своих, в т. ч. и правоохранительных органов. К таковым, в первую очередь, относились Красная гвардия, боевые дружины, штабы охраны и др., в отдельных местностях оставалась милиция. Екатеринбургский окружной совет рабочих и солдатских депутатов, проинформировав телеграммой местные советы о переходе власти в Петрограде к военно-революционному комитету, потребовал от них взятия таковой в свои руки. Помимо этого указания и ряда других организационных велений Окрсовдеп определял: «Милицию всецело подчинить Совету, ...организовать Красную гвардию, если милиция ненадежная, оружие передать Красной гвардии». (1) На основании данного приказа местные органы власти принимали свои аналогичные решения, в том числе и по созданию силовых структур. 31 октября 1917 года Нижне-Салдинский волисполком, например, постановил: «Немедленно сделать собрание Красной гвардии, вооружить ее, расставить караул, взять под охрану телеграф, станцию и пр.». (2)

Необходимо отметить, что Красная гвардия и боевые рабочие дружины нередко создавались по инициативе трудовых коллективов. С первых дней Октябрьского переворота уральский рабочий класс начал добиваться упразднения прежних властных структур. Уже 27 октября 1917 года общее собрание рабочих Пермского завода Лесснера приняло решение: «Немедленно потребовать от местных Советов взять власть в свои руки и устранить всех административных лиц, назначенных Временным правительством, как-то: комиссара труда, комиссара губернского, начальника милиции и др., ... переизбрания Советов и немедленного вооружения рабочих, желающих создать свою Красную гвардию». (3) Для комплектования и командования был «выбран руководящий

орган в составе семи человек». За один только месяц численность красногвардейского отряда возросла с 60 до 250 человек (частично за счет присоединившихся рабочих других предприятий). Основной проблемой, обозначившейся уже в столь короткий срок, явилось то, что отряд был «не совсем сформирован и обучен, а главное - не все члены снабжены оружием», - говорилось в одном из отчетов заводского комитета. (4) В этот же период красногвардейские подразделения создавались и на других заводах. Например, на Синячихинском Алапаевского горного округа отряд насчитывал 20 человек (командир П. Т. Елькин). С бойцами проводились систематические занятия, «военное обучение проходило по вечерам после работы по четыре часа в день», - вспоминал красногвардеец В. Д. Гурьев. (5) «Установить в предприятии полный порядок и трудовую дисциплину, - брали на себя обязательства перед Совнаркомом 7 декабря 1917 года представители центрального совета фабзавкома Богословского горного округа после его национализации, - организовать вооруженную охрану как вверенного имущества, так и свободы рабочих и крестьян». (6) Аналогичные процессы происходили на заводах Сергинско-Уфалейского горного округа. (7)

Но так было не на всех предприятиях Пермской губернии, принимались и диаметрально противоположные решения. Кыштымский комитет РСДРП(б), сообщая 12 ноября 1917 года в ЦК партии о мероприятиях по установлению и упрочению советской власти, высказал свое негативное отношение к институту Красной гвардии: «Было приступлено Советом рабочих депутатов к организации Красной гвардии, но за отсутствием оружия Красная гвардия так и осталась на бумаге, записавшиеся (более 100 человек) без наличия оружия считали гвардию бесполезной организацией. Надобности теперь в ней нет». Секретариат ЦК РСДРП(б) быстро поправил уральцев: «... К вопросу о Красной гвардии. Вы считаете, что в ней нет надобности теперь. По-видимому, ставя так вопрос, вы упускаете из виду лозунг о всеобщем вооружении народа, о народной милиции, так как Красная гвардия является первым звеном этой милиции, а потом отнюдь не следует оставлять этой идеи и всеми мерами заботиться о добывании оружия». И кыштымцы, в конечном итоге, вынуждены были реализовать эту адресную партийную директиву.

22 января 1918 года в новом докладе в ЦК сообщалось, что «Красная гвардия пока немногочисленная, но действует неусыпно. Несколько дней назад словила провозимое из Златоуста оружие в виде турецких ятаганов и кинжалов, предназначенное, как выяснилось, для вооружения белой гвардии в соседнем, Каслинском заводе; в связи с этим были произведены обыски и на этой почве возникло погромно-контрреволюционное движение, для чего пришлось послать туда нашу гвардию. Движение в настоящее время ликвидировано... Ведется следствие». (8)

К декабрю 1917 года отряды Красной гвардии были созданы и функционировали на станциях Пермь I (55 человек), Пермь II (44 постоянных дружинника-«ударника» и 45 – в резерве), в Городском (25) и Балашовском районах губернского центра. Определенным образцом комплектования Красной гвардии можно назвать Мотовилихинский кузнечный завод. В Красную гвардию от каждого 25 рабочих завода, избирался один «наиболее надежный и испытанный» пролетарий. Он освобождался от производственных заданий, а выбравшие его товарищи из своего заработка отчисляли ему прежнюю зарплату. «В настоящее время в распоряжении Мотовилихи находится 600 человек в полной боевой готовности, - сообщал 2 декабря 1917 года на конференции Пермских городских районов РСДРП (б) один из ее руководителей П. И. Малков, - устроены штабы, где все время производится посменное дежурство красногвардейцев. Формирование гвардии продолжается, и в скором времени будут вооружены и обучены 1000 человек». (9) Данный партийный форум, проанализировав состояние дел по организации красногвардейских структур в городе, принял следующее решение: «Заслушав доклады с мест и обсудив вопрос о значении Красной гвардии, Первая Пермская конференция городских районов РСДРП признает, что создание крепкой Красной гвардии - одна из самых главных задач партии пролетариата, ибо быстрый рост обострения классовых противоречий неизменно влечет к углублению гражданской войны. Конференция признает необходимым строить Красную гвардию как классовую армию пролетариата, ставящую себе задачей борьбу за утверждение Советской власти пролетариата и полупролетариата города и деревни. Таким образом, не являясь партийной, гвардия будет революционной классовой организацией». (10) Постепенно этот

процесс из губернского и уездных центров переместился в волости и отдельные населенные пункты. Собрание жителей села Ялушенского Ярославской волости Ирбитского уезда 24 декабря 1917 года постановило организовать Красную гвардию и решить вопрос «откуда достать для нее оружие». (11)

Вопрос о вооружении народа и в частности солдат-дезертиров, возвращавшихся с фронта в свои деревни, остро обсуждался в декабре 1917 года Пермским советом рабочих и солдатских депутатов. И губернская власть решила: «1) Вопрос о вооружении деревни должен быть проведен организованным путем. 2) Раздача оружия уходящим солдатам не создаст организованного пользования оружием, а лишь распылит его зачастую не только без всякой пользы для революции, но, может быть, даже во вред. 3) Лишь вооружение по приговорам сельских и волостных сходов через полковые комитеты и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов может создать организованную силу в деревне, направленную для борьбы с контрреволюцией». (12)

Отсутствие необходимого вооружения у организованной части народа в условиях острой криминогенной обстановки имело и другие последствия для новой власти. В конце 1917 года часть екатеринбуржцев, объединившихся в партию «Розового креста», потребовало от местных властей, в условиях разгула грабежей и насилий (когда жители не могли сами защитить себя, т. к. властями у них было изъято огнестрельное оружие) организовать уличные патрули из горожан-мужчин старше 18 лет. Предлагалось разделить Екатеринбург на отдельные участки в целях более эффективного патрулирования именно жителями данных территориальных единиц. (13) Насколько реальной была эта угроза, установить не удалось, потому что местные органы советской власти оперативно прибегли к помощи иных вооруженных сил. В декабре 1917 года Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов привлек «Северный летучий отряд», направленный Советом Народных Комиссаров для установления новой власти на Южном Урале, к наведению порядка в селах и городах, в первую очередь, для организации борьбы с бандитизмом. Уже несколько недель на обывателей Екатеринбурга особый страх наводила банда «Ваньки Каина». Моряки под руководством мич-

мана С. П. Павлова за двое суток обезвредили это преступное сообщество, бандиты были осуждены и расстреляны. (14) Вскоре разрозненные городские красногвардейские отряды были объединены в Центральный штаб под командованием матроса П. Д. Хохрякова. Необходимо отметить, что практика руководства красногвардейскими подразделениями через систему штабов быстро распространилась на территории не только Пермской, но и других уральских губерний. К весне 1918 года практически во всех крупных административных центрах региона командование отрядами Красной гвардии осуществлялось через штабную систему. В тех же случаях, когда штабы не создавались, красногвардейские части находились в непосредственном подчинении местных советов, в первую очередь военных комиссариатов.

Несмотря на начавшийся процесс образования новых пролетарских правоохранительных структур на местах, в первые месяцы советской власти прежняя милиция продолжала выполнять свои функции. В Перми после взятия власти советом рабочих и солдатских депутатов институт милиции был сохранен, но полностью заменено ее руководство, рядовой состав некоторое время оставался прежним. (15) Такие же процессы происходили и в районах Прикамья. Например, в начале ноября 1917 года уральская пресса отмечала, что в Лысьвенском заводе «порядок... поддерживается милицией и Красной гвардией». (16) Более того, при советах создавались новые структуры по руководству милицией. Так, например, в декабре 1917 года в Екатеринбурге при горисполкоме в числе многих был создан и комитет по делам милиции. (17) Вполне понятно, что в своем первоначальном виде милиция Временного правительства не могла функционировать при советской власти. Поэтому также в декабре под руководством члена областного комитета РСДРП(б) Ш. И. Голощекина начала работать комиссия по реорганизации милицейских структур. Лейтмотивом этой инициативы являлась большевистская идея всеобщего вооружения народа, находившая подтверждение в официальном печатном органе Уральского областного и Екатеринбургского городского парткомитетов – «Уральском рабочем». В номере газеты от 8 ноября 1917 года говорилось о необходимости реформирования милиции в духе всеобщей мобилизационной повинности (18), как значилось в первой программе РСДРП.

Первым шагом эволюции милиции на местах стала фактическая «смена вывески». Окружной исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов и Екатеринбургский уездный совет крестьянских депутатов 14 февраля 1918 года приняли совместное постановление об упразднении отдела милиции при уездной земской управе и его «открытии» при совете. Таким образом, произошло формальное преобразование ее в советскую милицию. В распоряжение административного отдела исполкома передавался весь штат служащих, инвентарь, имущество, оружие и делопроизводство. Сотрудники милиции, не стоявшие на советской платформе, увольнялись со службы. (19) Метастазы правоохранительной реформы захватили и многие волости Екатеринбургского уезда. Во главе этой работы стояли большевики. В Каслях, например, как и ряде других рабочих поселков милицией руководили члены РСДРП(б). (20)

Продолжала функционировать милиция в Ирбитском (начальник А. В. Юрлов), Осинском и Шадринском уездах. Причем в последнем она не только не была ликвидирована, но и в целях усиления борьбы «с самосудами, погромами и предотвращения разного рода эксцессов» решением уездного совнаркома от 8 марта 1918 года увеличена до 74 человек пеших и 30 конных милиционеров. (21) В Оханском уезде «милиция Керенского, съезд мировых судей и другие учреждения Временного правительства ликвидированы 28 января при взятии власти... Учреждена советская милиция в числе 5 человек для ведения чисто гражданских дел», - отмечалось в Информационном листке № 91 отдела местного управления Наркомвнудела. (22)

Помимо милиции в губернском центре функционировали и другие правоохранительные учреждения Временного правительства, в частности квартальная охрана. 10 ноября 1917 года исполком Пермского совета рабочих и солдатских депутатов отменил ранее вынесенное им военное положение в городе. «Решено обратиться к Военно-революционному комитету с тем, чтобы он снял военную охрану, с оставлением усиленной квартальной охраны, ввиду предстоящих выборов в Учредительное собрание», - говорилось в решении совета. (23)

В январе 1918 года начался активный процесс формирования красногвардейских подразделений на промышленных пред-

приятнях губернии. Так, например, на Чермозском заводе Соликамского уезда красногвардейский отряд насчитывал 80 бойцов. (24) Специальное постановление об образовании Красной гвардии 7 января 1918 года принял Верхнеуфалейский комитет РСДРП(б) (Екатеринбургский уезд), списки бойцов утверждались исполнительным комитетом местного совета. (25)

К январю 1918 года сложилась практика организации охраны общественного порядка, в первую очередь в губернском центре. «Ваш отряд назначен сегодня в охрану города с 9 часов вечера до 9 часов утра с 20 на 21 января», - гласил один из приказов Пермского красногвардейского штаба. (26)

Помимо традиционных правоохранительных обязанностей отрядам Красной гвардии приходилось выполнять и другие поручения пролетарских органов власти. В феврале 1918 года исполком Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов, например, поручил Центральному штабу Красной гвардии взыскать контрибуцию в сумме 10 миллионов рублей, наложенную им на местных капиталистов. (27) С Мотовилихинского завода в марте 1918 года «посылаются отряды красногвардейцев по реквизиции хлеба и охране транспорта», - сообщалось в «Известиях Уралоблсовета». (28) «Помимо выполнения различных оперативных заданий в Екатеринбурге, нашим красногвардейцам приходилось принимать участие в борьбе с врагами советской власти и в других городах Урала. Помню, как мы ездили на усмирение эсеровского мятежа в Ревду, затем в Шадринск, Ирбит, Камышлов, где тыловые мародеры из местных кулаков и купеческих сынков учиняли погромы магазинов и винных складов», - позже вспоминал красногвардеец А. И. Медведев. (29) Кроме этого Екатеринбургские отряды участвовали в подавлении антисоветских выступлений (например, в Шемахинском заводе). Сводный отряд, как правило, комплектовался Центральным штабом Красной гвардии из расчета 5-6 бойцов от районных красногвардейских частей. (30)

Не во всех уездах губернии представители большевистских советов возглавляли региональные подразделения Красной гвардии. Более того, в отдельных городах партийные разногласия советских руководителей и красногвардейских штабов приводили иногда к острым конфликтам, вплоть до открытых вооруженных

противостояний. Весной 1918 года Ижевская эсеро-максималистская Красная гвардия «сцепилась за власть» с большевистским советом, арестовала и даже расстреляла ряд его членов. «Товарищи рабочие, работницы и крестьяне, до небывалых размеров дошла в нашем городе Ижевске анархия, самовольные обыски, аресты, грабежи и расстрелы без всякого разрешения судебной следственной комиссии при народном трибунале. Представители местной власти не имели никакого авторитета в глазах преступников, и сами жестоко платились за неоднократные попытки водворить революционный порядок в городе. Красная гвардия, идейная боевая единица, долженствующая первой поддержать власть советов и уничтожить всякие контрреволюционные явления... являлась преступной армией мародеров, грабителей и убийц. Следствие по важнейшим преступлениям последнего времени показало, что главные участники их есть красногвардейцы», - говорилось в воззвании к населению Ижевского совета рабочих депутатов 20 апреля 1918 года. (31) Для ликвидации мятежной Красной гвардии был создан Революционный военно-полевой штаб. Начались боевые действия между большевиками и их бывшими союзниками, левыми социалистами-революционерами, шел обстрел улиц, стороны брали друг у друга заложников. В конце апреля ижевские большевики вызвали отряд матросов из Казани, с помощью которых разгромили опальную Красную гвардию, арестовали уцелевших ее членов и отправили в казанскую тюрьму. (32)

В условиях разгоравшейся гражданской войны, обострения криминогенной обстановки, роста преступности уральские советы осознавали, что правоохранные структуры, в первую очередь, в форме народных дружин необходимы в каждом населенном пункте. В феврале 1918 года Камышловский уездный съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял следующую резолюцию-указание: «Волостные и сельские Советы крестьянских депутатов для защиты Советской власти и активной борьбы с контрреволюцией организуют боевую крестьянскую дружину». (33)

В Екатеринбургском уезде сельские чрезвычайные органы власти проводили аналогичную работу. Весной 1918 года Куяшский военно-революционный комитет сформировал «Добровольческую дружину» под командованием М. Ф. Мосеева. В ее компе-

тенцию входили охрана села и поддержание революционного порядка. Вскоре численность дружины достигла 40 человек. Кроме того, данный чрезвычайный орган власти (ВРК) создал еще одно постоянно действующее правоохранительное учреждение – «милицейскую тройку» (Н. Г. Щербаков, Н. М. Рубашин, И. В. Тюков), в обязанности которой, главным образом, входила также охрана общественного порядка. (34)

В Кунгурском уезде при Покрово-Ясылском волостном совете крестьянских депутатов весной 1918 года была создана боевая дружина во главе с бывшим фронтовиком Н. Ф. Бормотовым, которая к лету возросла с 28 до 120 бойцов, вооруженных трехлинейными винтовками, присланными из уездного центра. «Наши дружинники не только поддерживали революционный порядок в пределах волости, но и оказывали военную помощь советским органам соседних волостей», - вспоминал член дружины С. М. Кадонцев. Аналогичные сельские формирования были созданы в соседних волостях - Ашاپской и Юго-Осокинской. (35)

С весны 1918 года в Пермской губернии начался процесс активной ликвидации еще функционировавших прежних милицейских подразделений. Реализуя постановление III-го Уральского областного съезда советов о «повсеместном упразднении милиции», губисполком принял решение ликвидировать постоянные штаты милиции в Прикамье к 1 марта 1918 года. (36) Однако на практике в губернском центре в лучшем случае оно было выполнено в апреле, а в регионах несколько позже. Так, например, Камышловским уездным советом милиция была ликвидирована в конце апреля 1918 года. Правоохранительный вакуум заполнили самовольные расправы (самосуды) жителей с правонарушителями и преступниками. Для пресечения этого негативного явления вместо милиции на местах, в первую очередь, продолжалось создание сельских и волостных боевых дружин. (37) Для организации и унификации этого процесса комиссаром управления Камышловского уисполкома на места было направлено инструктивное письмо, согласно которому волостные дружины формировались только советом, при этом командирами утверждались его депутаты. Определялись основные социально-политические требования к дружинникам. «В дружину входят

только те лица, которые пользуются доверием беднейшего и среднего крестьянства, отличаются хорошим поведением, здравостью рассудка и строго стоят за Советы», - отмечалось в этом документе. Дружинники для выполнения своих обязанностей вызывались «по наряду» и получали жалование за исполнение правоохранительной деятельности. (38)

В то же время в другом уезде, Соликамском, милиция продолжала работать, но штат ее был значительно сокращен - до 5 человек (39) На Нижнее-Тагильском заводе «совету рабочих депутатов приходилось уделять много сил поддержанию революционного порядка», - вспоминал член исполкома большевик А. В. Бархатов. (40) Более того, 2 ноября 1917 года на заседании городского комитета РСДРП(б) он выступил с докладом о установлении жесткого революционного порядка в Нижнем Тагиле. Во-первых, была создана комиссия для выработки конкретных мер по охране правопорядка и обеспечения спокойствия и безопасности граждан (41); во-вторых, образовано новое правоохранительное подразделение – специальный отряд охраны под командованием большевика Путейкиса. (42) Однако, несмотря на эти нововведения, основным инструментом реализации правоохранительной задачи оставалась прежняя милиция, которая функционировала до 8 мая 1918 года, после чего была распущена и заменена «советской дружиной». Аналогичные подразделения были созданы также на Алапаевском заводе (численностью в 300 человек), а также на других предприятиях Екатеринбургского и Красноуфимского уездов. (43)

По нетрадиционному пути пошел Шадринский совет рабочих и крестьянских депутатов. К маю 1918 года на территории уезда была распущена не только городская и уездная милиция, но, более того, эта же участь постигла и Красную гвардию. Вместо данных правоохранительных учреждений при административно-уголовном отделе исполкома была организована «боевая Советская дружина» численностью 101 человек. Она подразделялась на «особые отряды: летучий – 10 человек, карательно-экспедиционный - 12 человек, отряд по борьбе со спекуляцией и алкоголизмом - 14 человек и т.д.». (44) По этому экспериментальному пути должны были пойти и сельские советы. «Важно также, чтоб такие боевые дружины организовывались в уезде при волост-

ных совдепах», - указывалось 29 мая 1918 года в решении очередного регионального съезда советов рабочих и крестьянских депутатов. (45) Шадринский совет продолжил поиск новых форм правоохранительной деятельности, привлекая для этого все более широкие слои городских и сельских обывателей. 29 апреля 1918 года созванное по инициативе комиссара отдела управления Шадринского исполкома Попова, собрание жителей приняло решение об «учреждении в городе районных комитетов по борьбе с пьянством, хулиганством, грабежами, кражами и наблюдением за санитарией». Шадринск был разбит на 20 участков, в районные комитеты избраны по 5-10 человек. (46)

Упразднялись прежние милицейские подразделения и в отдельных населенных пунктах губернии. В селе Ильинском, например, созданный красногвардейский отряд (командир большевик Иванцов А. А.), разоружил солдат старой армии и милицию, взяв на себя обязанности по охране общественного порядка. (47)

В не захваченных в мае-июне 1918 года белочехами городах Урала образовывались новые военно-силовые структуры, занимавшиеся как боевой, так и правоохранительной деятельностью. В Екатеринбурге был создан революционный штаб Уральской области и города, опубликовавший 29 мая 1918 года приказ «О мерах борьбы с контрреволюцией» реализацией норм которого предполагалось обеспечить надлежащий правопорядок. «Революционный штаб не допустит... темным элементам общества, пользуясь тревожным временем производить грабежи, и с ворами, громилами и разбойниками будет расправляться самыми решительными мерами – расстрелом», - гласил параграф 8 данного документа. Кроме того, еще до его опубликования в качестве превентивной меры штаб «арестовал нескольких наиболее видных и влиятельных лиц буржуазии и представителей партий, принимавших участие в выступлении чехословаков». Приказом определялась их дальнейшая судьба: «При контрреволюционном выступлении заложники будут расстреляны в первую очередь». (48)

Итоги деятельности советов Пермской губернии с октября 1917 по июль 1918 года, в том числе и по реализации правоохранительной функции, были подведены Информационным отделом губисполкома. В сводке этого учреждения указывались все

территориальные единицы губернии, в том числе и те, которые мы пока еще обошли вниманием в нашем исследовании. Так, например, в Ирбитском уезде весной 1918 года параллельно с формированием Красной Армии была упразднена милиция и создан «отряд Красной гвардии в 20 человек для борьбы с контрреволюцией, кумышковарением (самогоноварением – Авт.), для реквизиции скота и продовольствия». (49) По такому пути наведения порядка пошли советы в Чердынском, Усольском, Оханском, Пермском и Верхотуринском уездах.

В результате проводимой советами работы численность основной правоохранительной структуры - Красной гвардии к началу гражданской войны составляла в Перми около 1500 бойцов, Екатеринбурге - 3000, других населенных пунктах губернии - около 2500 человек (50). Помимо этой боевой структуры охранной общественности и обеспечением личной и имущественной безопасности граждан занимались и другие силовые учреждения. Как справедливо отмечал в докладе Наркомвнуделу в ноябре 1918 года заведующий Пермским губернским управлением милиции: «В некоторых местностях милицию заменяли отряды: гвардии, народной охраны, партийные дружины, находившиеся в подчинении различных отделов Совета и организаций». (51)

Мы разделяем точку зрения исследователя Н. П. Селиванова о том, что к началу гражданской войны в обстановке максимального обострения классовой борьбы на Урале, в частности в Пермской губернии, отдельные советы приходили к выводу, что принцип организации правоохранительных структур на основе всеобщего народного вооружения не осуществим. (52) Справедливости ради отметим, что эта тенденция начала развиваться уже в январе 1918 года. В отчетном докладе «Об организации и задачах советского аппарата» III-му Уральскому областному съезду советов рабочих и солдатских депутатов комиссар труда И. М. Малышев заявил: «Мы отказываемся от формы всеобщего вооружения народа, так как считаем, что только революционные классы должны быть вооружены». (53) Весной 1918 года стали отчетливо проявляться отрицательные стороны совмещения милицетских и армейских функций. Использование регулярных воинских частей для охраны правопорядка отрицательно сказывалось на воинской дисциплине, мешало строительству Красной армии,

требовавшей строгой централизации и воинской специализации. Кроме того, это негативно отражалось и на организации гражданского управления на местах, в том числе и исполнении правоохранительной функции среди мирного населения. Первый опыт строительства правоохранительных учреждений, в том числе и в уральском регионе, показал, что создание на основе поголовного участия в их работе всех трудящихся не удалось. К этому выводу, как в центре, так и на местах начали приходить исполнительные органы власти. В циркулярном распоряжении Наркомвнудела всем губернским советам от 30 апреля 1918 года указывалось: «При постановке дела народной охраны (милиции) решительно отделить это дело от военного. Дело милиции всецело должно находиться в ведении отдела управления при Совете (отдел по внутренним делам). Смешение того и другого вредит как организации новой армии, так и правильной постановки дела народной охраны». (54) В условиях обострения не только военной, но и криминогенной обстановки эффективно осуществлять правоохранительную функцию в части обеспечения личной и имущественной безопасности граждан мог лишь постоянно действующий штат милиции. На этом положении настаивал и ряд советов Прикамья, в частности – Пермский и Чардынский уездные совдепы. (55) Поэтому 5 июня 1918 года коллегия Наркомвнудела приняла решение об учреждении рабоче-крестьянской милиции как постоянного штатного правоохранительного учреждения. (56)

Глава 4. Создание органов охраны правопорядка в Оренбуржье

До настоящего времени в историко-правовой литературе не в полной мере освещен вопрос создания советских правоохранительных органов по поддержанию должного общественного порядка и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан в переходный период пролетарского государства. Эту функцию на местах в уральском регионе, впрочем, как и по всей стране, исполняли прежняя милиция, отряды Красной гвардии, боевые заводские и сельские дружины, штабы по охране городов и деревень и другие добровольческие формирования. Вполне естественно, организаторами этих учреждений, в первую очередь, являлись уральские советы. Правоохранительные структуры создавались как в губернских и уездных центрах, так и в отдельных деревнях и селах. Командный состав формировался преимущественно из числа большевиков, но иногда отдельными отрядами руководили левые и правые эсеры, меньшевики и даже анархисты.

В Оренбургской губернии по мере установления советской власти, в зависимости от имевшихся сил и средств, необходимо было либо ликвидировать прежнюю милицию, либо сменить ее руководство, либо создать новые правоохранительные учреждения. Переход от прежней милиции к иным формам охраны общественного порядка в первые месяцы после установления советской власти в российских регионах происходил по-разному. Местная практика дала два основных пути решения данной проблемы. В тех случаях, когда сотрудники старой милиции занимали явно враждебную позицию, саботировали все решения органов новой власти, осуществлялась ее немедленная ликвидация. Когда же органы управления прежней милицией оставались лояльными по отношению к советской власти, они не разгонялись, а просто ставились под контроль советов, в первую очередь, путем направления в милицейские учреждения советских комиссаров. Народный комиссариат внутренних дел попытался направить местную практику в более организованное русло. 28 октября (10 ноября) 1917 года по поручению Совнаркома издал постановление «О рабочей милиции». Для охраны общественного порядка в соответствии

с марксистско-ленинской идеей всеобщего вооружения народа создавались добровольные или на основе милиционной повинности рабочие отряды. «Наша задача, которую мы ни на минуту не должны упускать из виду, - говорил в одном из первых постреволюционных выступлений глава советского правительства В. И. Ленин, - всеобщее вооружение народа». (1) Как справедливо отмечали в своей работе Р. С. Мулукаев и Н. Н. Карташов, конкретное организационно-правовое выражение эта задача получила в формировании рабочей милиции. Одна из особенностей рабочей милиции заключалась в том, что сочетала в себе как государственные, так и негосударственные черты. Поскольку создавалась советами и осуществляла свои функции от их лица, постольку она выступала как государственный орган. В то же время в силу того, что формирования рабочей милиции, как правило, не имели постоянных штатов, они носили характер массовых самодеятельных организаций трудящихся. (2)

На местах эти вопросы решались по-разному. В Верхнеуральске в ноябре 1917 года «была реорганизована милиция с подчинением Совету... В январе 1918 года единственным вооруженным отрядом в распоряжении Совдепа был отряд милиции», - вспоминал первый его председатель С. П. Попов. (3)

В Челябинске руководители совета проводили работу по комплектованию новыми кадрами прежних милицейских подразделений. В начале зимы председатель совета Е. Л. Васенко, выступая перед рабочими дрожжевого завода, по воспоминанию одного из очевидцев, заявил: «Товарищи, на заводах без вас обойдутся, надо, чтобы вы шли в милицию». И его агитация имела определенный успех, рабочими данного предприятия частично была укомплектована милицейская часть I-го городского района, расположенная на первом этаже дома купца Федорова по Солдатской улице. (4)

Но «главным» силовым правоохранительным органом советов, конечно же, стала Красная гвардия. Общеизвестен факт, что еще до октября 1917 года отряды Красной гвардии создавались на уральских промышленных предприятиях. Причем численность их в уездных центрах была весьма не одинаковой. Объектом нашего исследования является создание новых советских структур, осуществлявших правоохранительную деятельность в

переходный период пролетарского государства. В связи с этим необходимо отметить, что после установления советской власти функции Красной гвардии и боевых дружин в государственном механизме существенно изменились: от средства завоевания власти к ее защите.

24 декабря 1917 года исполком Орского совета создал штаб Красной гвардии во главе с А. М. Малишевским. Первоначально красногвардейский отряд формировался из сотрудников охраны винного склада, солдат гарнизонной караульной команды, рабочих мельниц и кожевенного завода, а также различных кустарей и чернорабочих. «Вооружение и снаряжение для отряда было изъято у личного состава команды (военного гарнизона – Авт.) и уездной милиции, взято со складов казачьего интендантства и продовольственной управы», - позже вспоминал красногвардеец С. Р. Фильченко. К марту 1918 года Орский красногвардейский отряд вырос до 150 человек. Одной из его основных функций являлось «наведение порядка в казачьих станицах вниз по Уралу на Оренбург». (5)

В Челябинске Красная гвардия, созданная до октября 1917 года на восьми предприятиях города, насчитывала около 600 человек. 23 ноября 1917 года она перешла в подчинение Военно-революционному комитету. (6) С первых месяцев советской власти красногвардейские отряды выполняли различные правоохранительные функции. Как вспоминал помощник начальника Челябинского штаба Красной гвардии В. И. Евтеев: «...На страже стояла Красная гвардия, взявшая на себя охрану города и вообще несшая добросовестно гражданскую службу». (7)

Началась организация аналогичных правоохранительных подразделений и на территории уезда. В Аргаяше в конце года была создана красногвардейская дружина, которую возглавил председатель местного совета С. А. Ходов. В первую очередь на нее была возложена охрана общественного порядка в селе. К середине января 1918 года ее численность составляла 15 человек, вооружение получили от Челябинского военно-революционного комитета. Дружина имела знамя с надписью «Да здравствует революционный солдат на славу Советам». (8) Жители отдельных местностей для охраны правопорядка требовали от советов создания отрядов Красной гвардии во всех волостях. «Для ввода спокой-

ствия и порядка, - определялось наказом общего собрания крестьян Окуневской волости делегатам Челябинского уездного крестьянского съезда 11 января 1918 года, - организовать в каждой волости Красную крестьянскую гвардию и требовать о высылке в каждую волость оружия для вооружения». (9) И этот процесс особенно активно начался в январе 1918 года. При Рождественском волостном совете крестьянских депутатов, например, была создана боевая дружина, состоявшая в основном из солдат-фронтовиков. (10) I-й съезд советов Песчанской волости, избрав волисполком, назначил и нового начальника милиции С. М. Прохорова. (11) Кроме того, было создано подразделение Красной гвардии во главе с М. И. Чайковым. «Отряд принял участие в конфискации имущества у казаков и купцов, красногвардейцы защищали крестьян от террористов, по решению сельского схода взяли под стражу пристава за произвол и насилие», - вспоминал командир отряда. (12)

Проанализировав правоохранительную практику первых месяцев, советы осознали, что для эффективной борьбы с контрреволюционными выступлениями и массовыми волнениями населения необходимо как можно быстрее объединить разрозненные силы боевых организаций, в первую очередь, путем создания общих штабов Красной гвардии и боевых дружин. Это явление распространилось во всех уральских регионах, в том числе и уездах Оренбургской губернии. Так, 7 января общее собрание рабочих-красногвардейцев кожевенного и консервного заводов, типографии, холодильника, депо Троицко-Орской железной дороги приняло решение о создании объединенного красногвардейского отряда города Троицка, начальником штаба был избран железнодорожный рабочий Головизин. (13)

Аналогичные процессы происходили в Челябинском и других уездах, в том числе и в самом губернском центре. После освобождения в январе 1918 года Оренбурга от белоказаков объединенный штаб Красной гвардии возглавил А. Е. Левашов. Для оперативного управления город был разделен на три района, в каждый из них назначался руководитель. Действовала система сбора красногвардейцев по сигналу «Тревога»: «Устанавливались условные гудки в Главных мастерских: для первого района – один гудок, для второго – два, для третьего – три, для всей Красной гвардии – один протяжный и четыре прерывистых», -

вспоминал красногвардеец К. Котов. Предусмотрительно при штабе был организован санитарный отряд под руководством Мутнова и Постышевой. (14)

Помимо красногвардейских подразделений правоохранительные функции продолжала исполнять милиция. При губернском военно-революционном комитете был создан комиссариат по делам милиции, руководивший работой участков комиссаров милиции. Им определялось исполнение такой процессуальной функции, как производство обысков и арестов. Распоряжением от 31 января 1918 года устанавливалось правило, в соответствии с которым данные следственные действия могли производить чины милиции, но обязательно в присутствии двух понятых («посторонних обывателей квартала») и только по ордеру, подписанному соответствующим должностным лицом. (15) В Оренбурге параллельно с территориальной функционировала и специальная железнодорожная милиция (начальник И. Г. Загребенюк) на Оренбург-Орской дороге. 30 января 1918 года общее собрание транспортных милиционеров приняло решение: «Подчиниться власти Совета Народных Комиссаров и исполнять все его решения и требования». (16)

В Оренбургском уезде начальник милиции Фролов, стоявший на советской платформе, обзывал своих подчиненных задерживать «купцов и других лиц, принимавших участие в контрреволюционном мятеже Дутова,... а также вообще лиц, агитирующих за непризнание Советской власти». После производства ареста преступников, Фролов требовал обязательного проведения обысков в местах их проживания с целью «отбирания всякого рода оружия». (17) В другом уездном центре - Орске в ноябре 1917 года милиция, несмотря на частичное разоружение, функционировала до начала гражданской войны. (18)

Если в крупных городах в начале 1918 года милиция продолжала работать, то на местах в ряде волостей она ликвидировалась. Так, 29 января 1918 года Кувандыкский волостной военно-революционный комитет принял следующее решение: «Старую милицию уволить, а если где потребуется, то охранять Красной гвардией». Таким образом, постепенно милиция Временного правительства напрямую заменялась красногвардейскими отрядами. (19) После установления в феврале 1918 года советской

власти в Белоречке местная милиция была распущена и вместо нее военно-революционным комитетом была организована боевая дружина. (20)

В другом уезде Оренбургской губернии – Челябинском, установилось своеобразное двоевластие правоохранительных учреждений. Наряду с милицией, созданной еще Временным правительством и организационно распределенной по 10 участкам города и уезда, общим собранием Челябинского совета рабочих и солдатских депутатов 25 ноября 1917 года «для охраны города, предотвращения каких-либо эксцессов, беспорядков, нападения и насилия над гражданами» было принято решение организовать Штаб охраны города. Состав Штаба был сформирован по принципу представительства: по два человека от военной (А. Львов и Огинский) и рабочей (В. Евтеев, А. Исаченко) секций совета, по одному от военно-революционного комитета и Красной гвардии. (21) Во главе данного правоохранительного органа был поставлен дуэт прапорщиков 109-го запасного полка: левые эсеры Б. А. Окулов – начальником, М. А. Болейко – помощником. (22) Вскоре Окулов стал комиссаром юстиции, и приказом № 17 Челябинского военно-революционного комитета Болейко был назначен начальником Штаба, его помощником – инструктор Красной гвардии В. И. Могильников. Штаб располагался в здании третьего участка милиции на Александровской площади в доме Деева. Позднее он поменял свою диспозицию - переехал совместно с военно-революционным комитетом в «номера М. М. Дядина».

На Штаб охраны города, которому подчинялась Красная гвардия, были возложены все функции по поддержанию революционного порядка и обеспечению общественного спокойствия жителей города. Через местную прессу объявлялась решительная борьба изготвлению, продаже, хранению, употреблению опьяняющих напитков, спекуляции, мешочничеству, хулиганам, ворам и бандитам. Сотрудники Болейко занимались выявлением контрреволюционных связей и заговоров, разоружали воинские эшелоны, следовавшие через местные железнодорожные станции. Для удобства и оперативности обращения граждан с сообщениями о преступлениях, а также оказания экстренной помощи в Штабе охраны города имелся телефон, номер которого был опубликован в местной прессе.

Однако такое двоевластие (Штаб охраны города и милиция) в организации борьбы с преступностью и охраны общественного порядка долго не просуществовало. Уже 19 января 1918 года военно-революционный комитет приказом № 19 «временно», впредь до окончательной реорганизации, подчинил городскую и уездную милиции Штабу охраны города. (23) М. А. Болейко в стиле настоящего руководителя на ключевые руководящие должности расставлял преданных себе людей. Постановлением от 24 января 1918 года начальником Челябинской городской милиции он назначил начальника уездной милиции А. В. Леоненко, при этом «оставив за ним прежнюю должность». (24) С этого времени все назначения и перемещения по должностям своего подразделения и подчиненной ему милиции утверждались М. А. Болейко.

Для выполнения указанных задач при Штабе охраны города по постановлению городского совета рабочих и солдатских была сформирована команда из пеших и конных добровольцев, первоначально планировалось укомплектовать ее 90 бойцами, в том числе 30 – конных. Однако уже 13 февраля 1918 года в связи с большим объемом работы штат был увеличен до 120 человек. На службу принимались все желающие граждане, но предпочтение отдавалось тем, кто «запасся рекомендациями левых эсеров и большевиков». Михаил Андреевич проводил собеседование с каждым кандидатом, поступавшим к нему на службу. Таким образом, М. А. Болейко строго следил за «чистотой рядов», безжалостно избавляясь от пьяниц и нарушителей уставной дисциплины. По этой причине, а также в результате острого дефицита требуемых специалистов в Челябинском Штабе охраны города была постоянная кадровая чехарда. Так, 14 февраля 1918 года начальник 2-го участка Катаев был переведен на нижестоящую должность помощника начальника 5-го участка. А начальником 2-го участка стал ранее занимавший должность помощника Никулин. (25) Через неделю «за грубость и непригодность к среде» был уволен с должности начальник 10-го участка. (26) 12 марта 1918 года Михаил Андреевич «за буйство в пьяном виде на улице» немедленно уволил со службы старшего помощника начальника бюро уголовного сыска Нагорных и на его место назначил начальник 5-го участка Ястребова. (27)

В другом уезде губернии – Троицком, после установления новой власти при совете рабочих и солдатских депутатов также был создан Штаб охраны города и уезда. Основное его предназначение – охрана общественного порядка, запрет митингов и собраний, обеспечение должного пропускного режима при въезде и выезде из города и др. (28)

Необходимо отметить, что практика формирования подразделений охраны общественного порядка, осуществлявшаяся уральскими советами, не отличалась от общероссийской. В Поволжье и центре Советской республики местные органы новой власти, так же как и в Уральском регионе, создавали военно-революционные штабы и иные учреждения охраны. В январе 1918 года, например, в Тверской губернии ВРК «для борьбы с контрреволюцией и поддержания общественного порядка» образовывал военно-революционные штабы. В Царицыне Саратовской губернии создан революционный штаб, в Сызрани Симбирской губернии успешно функционировал Штаб охраны порядка и спокойствия города и уезда. (29)

Рост численности и территориальное расширение красногвардейских и дружинных подразделений привели к окончательной ликвидации института милиции в уральском регионе. Высший орган новой власти – областной съезд советов 11 февраля 1918 года постановил, что «на советы, как на органы власти, возлагаются задачи управления и обслуживания всех сторон местной жизни, судебной, административной». Кроме того, советы имели право «производить реквизицию и конфискацию, налагать штрафы, закрывать контрреволюционные органы печати, производить аресты и распускать общественные организации, призывающие к активному противодействию и свержению Советской власти». В осуществление этих функций съезд не включал такой правоохранительный орган как милицию, была принята специальная резолюция: «Постоянная милиция упраздняется повсеместно. Все обязанности по управлению бывшей милиции возлагаются на административный отдел при Совете. На обязанности административного отдела лежит охрана революционного порядка и безопасности как общественной, так и личной, приведение в исполнение постановлений Совета, установленных судов и пр. Как реальную силу, вместо прежних милиционеров, административный

отдел получает в свое распоряжение красногвардейцев из Красной гвардии своего Совета. Вся Красная гвардия находится в непосредственном распоряжении Совета». (30) Таким образом, областная власть Красную гвардию провозглашала прямым правопреемником милиции и возлагала на нее тем самым отправление правоохранительной функции.

В Оренбурге милиция была ликвидирована несколько ранее решения областного форума. Орган чрезвычайной власти – губернский военно-революционный комитет, уже 21 января 1918 года (на третий день после освобождения Оренбурга от дутовцев) постановил, что «городская милиция... ликвидируется совершенно». (31) Вместо нее был создан новый правоохранительный орган – Военно-народная охрана, комиссаром которой был назначен И. Ф. Лобов, начальник актюбинской милиции (32)

Интересен тот факт, что в Оренбурге, спустя три месяца после выхода постановления Нркомвнудела о создании советской милиции, большевистское руководство пошло своим особенным путем. Военно-народная охрана создавалась не на милиционной, а на постоянной штатной основе, общая численность ее должна была составлять 500 человек, по 100 в каждом из пяти районов Оренбурга. Каждое районное подразделение возглавил комиссар. Однако, это не означало, что в действительности, до начала гражданской войны, этот штат был полностью укомплектован. Но определенные шаги, вполне естественно, в этом направлении властью делались. Нам известна первоначальная смета этого правоохранительного учреждения в сумме 185 925 рублей. Кроме того, установлен тот факт, что в марте 1918 года губернский военно-революционный комитет рассматривал вопрос о реквизиции публичных домов, и переоборудовании их под квартиры для чинов Военно-народной охраны.

На Лобова и его коллег лег огромный груз обязанностей по обеспечению спокойствия и безопасности граждан, раскрытию и расследованию преступлений, охране особо важных городских объектов, контролю за санитарным состоянием улиц и дворов, а также исполнению приговоров, выносимых губревтрибуналом. Ежедневно при каждой части «на случай вызова на место происшествия» оставался дежурный караул, состоявший из 10 младших служащих. Старшие по должности сотрудники дежурили

по приему жалоб и заявлений граждан о происшествиях и преступлениях, совершившихся в городе. Кроме того, в ночное время Оренбург патрулировали вооруженные наряды Военно-народной охраны. (33)

Являясь одним из высших должностных лиц губернской правоохранительной системы, Лобов единолично издавал постановления, запрещающие совершение тех или иных противоправных действий. В них он формировал нормы нового советского уголовного права, за нарушение которых виновные привлекались к уголовной ответственности. Одними из первых наказанию подвергались домовладельцы, хозяева торговых точек и управляющие домами, не соблюдавшие санитарных норм в Оренбурге. Начиная с 1 февраля 1918 года, И. Ф. Лобов требовал от них вывоза «куч снега, застывших нечистот и т. д.», а не подчинявшихся обещал «преследовать по всей строгости революционных законов, вплоть до ареста...и исправительных работ за счет виновного» (неоплаченной общественной работы в государственных учреждениях). В условиях действия пролетарского принципа тотальности права, трудно было разграничить уголовную и административную ответственность, и практически совершенно невозможно это сделать в отношении самой распространенной санкции – штрафа. Иван Федорович так раскрывал чинам своего ведомства объективную сторону деяний, за которые выносились штрафные санкции: если снег не очищался во всю ширину тротуара, а последний не посыпался песком; если во дворе дома были разлиты помои, лежали навозные кучи; если в чайных и столовых отхожие места были грязные и «во всех случаях, где по Вашему усмотрению, данное владение находится в антисанитарном состоянии». В отдельных распоряжениях Лобов создавал нормы процессуального права, определял порядок проведения и оформления обысков, задержания, арестов. В период объявления Оренбурга на особом положении только Лобов обладал правом выдачи и подписи пропусков, разрешавших передвижение по городу после 8 часов вечера. (34)

Деятельность подразделения Лобова находилась под постоянным контролем военно-революционного комитета, который, например, 28 февраля 1918 года обратил особое внимание «на неудовлетворительную постановку окарауливания города» и

потребовал от чинов Военно-народной охраны более добросовестного отношения к обеспечению общественного порядка в Оренбурге. Немаловажным условием выполнения этого требования являлось наличие сознательных, профессиональных бойцов Военно-народной охраны. И. Ф. Лобов старался поддерживать твердую дисциплину и должный моральный облик служащих военно-революционной охраны. Лица, совершавшие проступки, позорившие личный состав подразделения, немедленно увольнялись. Так, например, в конце февраля 1918 года «служащие 4-й части: Б. Ольшевский, Жидков и А. Садовников уволены со службы, как позорящие весь состав военно-народной охраны», - сообщалось в «Известиях Оренбургского ВРК». Более того, Лобов издал приказ, в соответствии с которым лица, виновные в совершении преступлений несли ответственность перед судом военно-революционного трибунала. (35) Справедливости ради необходимо отметить, что сам Лобов не стал образцом безупречного поведения «красного комиссара». 13 марта 1918 года за злоупотребление спиртными напитками и устроенный в театре дебош решением губернского военно-революционного комитета он был отстранен от занимаемой должности. Комиссаром Военно-народной охраны был назначен А. М. Бурчак-Абрамович.

С первых дней работы в Военно-народной охране ему, наряду с борьбой с профессиональной преступностью, объединенной в банды и группы, ворами-рецидивистами, приходилось раскрывать и бытовые преступления, обеспечивать «паспортный режим», следить за санитарным состоянием города. Своими приказами, расклеенными по городу, начальник Военно-народной охраны требовал от домовладельцев и «квартирохозяев правильного ведения домовых книг и прописки», обязывал их немедленно прописывать всех лиц, ранее проживавшие без нее. Выполнение этих требований должны были контролировать старшие чины Военно-народной охраны. На нарушителя они составляли протокол и предоставляли его Бурчак-Абрамовичу, который единолично и довольно произвольно определял меру наказания. Более жесткие требования по соблюдению паспортного режима касались держателей гостиниц, которые должны были каждого жильца записывать в домовую книгу и в адресные листки с точным указанием звания, фамилии, имени и отчества, откуда прибыл, по

какому документу. Адресные листки в шестичасовой срок должны были предоставляться участковому комиссару Военно-народной охраны. За невыполнение этих требований налагался штраф в размере от 500 до 15 000 рублей.

Этими же приказами начальник Военно-народной охраны устанавливал нормы по поддержанию должного санитарного состояния в городе. Домовладельцы обязаны были содержать в чистоте примыкавшие к их домам улицы. Содержатели гостиниц, трактиров, ресторанов и иных заведений общепита должны были «соблюдать порядок и благочиния», не допускать хранение, продажу и распитие крепких спиртных напитков. Исполнение этих норм также контролировали подчиненные Александра Михайловича, они должны были с участием городского санитарного врача производить осмотр мясных и иных лавок, не допускать продажи продуктов, испортившихся и негодных к употреблению. Нарушители также подвергались различным денежным штрафам.

А. М. Бурчак-Абрамович в своих распоряжениях и приказах не только требовал от подчиненных применения энергичных мер в борьбе с преступностью, но в отсутствии единого республиканского уголовного и уголовно-процессуального права, и сам часто создавал нормы права. К числу уголовно наказуемых деяний он приравнивал даже торговлю табаком и подсолнечными семечками, виновные в этих деяниях по его распоряжению подвергались тюремному заключению на срок до 3-х месяцев, а «запрещенный товар» конфисковывался. Александр Михайлович лично контролировал исполнение подчиненными своих циркуляров и нерадивых, даже из числа районных комиссаров, строго наказывал. «При проверке постов днем 26 апреля на ул. Николаевской, - гласил приказ № 22 от 1 мая 1918 года, - не нашли ни одного постового. Там же, несмотря на мои приказы, торговля семечками, папиросами и др. предметами производится по-прежнему и никто из служащих Военно-народной охраны к прекращению ее мер не принимает. Объявляя строгий выговор комиссарам 1 и 2 участков, предлагаю, возможно чаще проверять посты и ни под каким видом не допускать незаконной торговли на улицах». (36)

Помимо выговоров, Бурчак-Абрамович принимал и другие меры по чистоте рядов Военно-народной охраны. В начале мая 1918 года его распоряжением со службы были уволены все члены охраны, ранее состоявшие на полицейских должностях околоточных или городских. Таким образом, были убраны профессионалы по охране общественного порядка, да и общее число сотрудников Военно-народной охраны, естественно, сократилось. В конце мая Бурчак-Абрамович в виду того, что штат служащих Военно-народной охраны стал весьма ограниченным, вынужден был обратиться с просьбой ко всем домовладельцам города об учреждении ими ночной караульной службы «за свой счет». (37)

После губернского центра институт милиции стал более активно упраздняться и в уездах. В Челябинске милиция окончательно была ликвидирована 29 марта 1918 года приказом № 1 комиссариата внутренних дел объединенного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Упразднялись управления городской и уездной милиции, а делопроизводство передавалось в комиссариат и Штаб охраны города. Все служащие уездной милиции увольнялись от должности с 1 апреля 1918 года. Городские участки милиции, «впредь до выяснения наилучшего способа реорганизации», переименовывались в городские управления Штаба охраны. (38)

После ликвидации милиции М. А. Болейко организовывал профилактическую работу в борьбе с преступностью. Согласно его распоряжению 12 марта 1918 года сотрудники Штаба охраны в целях предупреждения незаконной торговли сильнодействующими средствами (возможно наркотическими) описали и опечатали в сейфах аптек все запрещенные медикаменты. Кроме того, в профилактических целях штабисты заколачивали пустующие городские здания и казармы, где ранее собирались криминальные элементы. С обязательным участием членов Штаба претворялись в жизнь решения органов советской власти о национализации и конфискации имущества. Так, например, в конце апреля 1918 года Челябинский совет принял решение о национализации городских электро-театров, исполнение его поручалось Штабу охраны. Для начала было приказано «немедленно занять все помещения электро-театров». В тяжелое для государства время согласно

решению комиссара финансов 8 марта 1918 года сотрудниками Штаба охраны были «реквизированы все золотые запасы ювелирных магазинов, а также и магазинов Валеева и Яушева».

Участвовали бойцы М. А. Болейко и в разрешении национальных дразг. В начале апреля 1918 года комиссар внутренних дел Е. Л. Васенко поручил «штабистам» распустить местную сионистскую организацию. «Эта мера вызвана контрреволюционной деятельностью упомянутой организации, - говорилось в документе, - выразившейся в борьбе с еврейскими трудящимися массами и поддержки империалистической политики английской буржуазии». Приходилось заниматься Болейко и поддержанием санитарной безопасности города. С весны 1918 года он периодически издавал приказы, которыми, во избежание эпидемических заболеваний всех домовладельцев и «заведующих домами», обязывал к скорейшей и «самостоятельной очистке улиц, водосточных каналов, дворов, отхожих мест, помойных ям, конюшен и т. п.» Неподчинение этому приказу влекло уголовную ответственность виновных.

До начала гражданской войны на Урале, как и по всей Советской республике, революционные органы власти развивали и уголовно-процессуальное право. Воплощать его нормы на практике приходилось сотрудникам подразделения М. А. Болейко. Наиболее часто проводимыми в ходе следствия действиями являлись обыски, аресты и задержания, порядок проведения которых устанавливался произвольно и постоянно менялся. Так, Челябинский военно-революционный комитет через месяц после Октябрьского переворота, 26 ноября, приказом № 1 «Об охране революционного порядка» установил, что только с его санкции производится «вторжение в жилье, в торговые помещения, проводятся обыски, конфискации, реквизиции».(39)

В соседнем Троицком уезде милиция была ликвидирована только в мае месяце, а до этого подчинялась Штабу охраны города. Если последний комплектовался в основном за счет чиновников советских учреждений: 31 мая 1918 года в штаб были избраны члены объединенного исполнительного комитета Шарков и Рогожин (40), то милиция формировалась преимущественно из числа рабочих городских предприятий. За ними согласно обязательному постановлению одного из уездных советских органов власти, Обь-

единенного военного комитета общественных организаций и войск г. Троицка, от 25 апреля 1918 года полностью сохранялась заработная плата по месту работы. Хозяева предприятий и учреждений, отказывавшиеся ее платить, подвергались 3-х месячному тюремному заключению или штрафу в размере 3 тыс. рублей. (41) Штаб охраны пытался вести учет потенциальных преступников-«контрреволюционеров» - «всех бывших офицеров». Им давался срок в два дня (со 2 по 4 апреля 1918 года) для обязательной регистрации в Штабе охраны при Троицком совете. (42) Закрепив положительную тенденцию формирования правоохранительных учреждений в городе, Троицкий исполнительный комитет, стремясь распространить ее и на всю обслуживаемую территорию, 11 мая постановил: «Волостным и станичным комитетам продолжить организовывать при них дружины, которым просить военного комиссара 1) выдать оружие и 2) широко распространить среди населения программу организации боевых дружин при станицах, волостях и селах». (43) И это решение стало претворяться в жизнь, боевые дружины были образованы в станицах Катенинской (110 человек), Качкарской, Соколово-Уйской, Бобровской и поселках Берлинском и Бородиновском. (44)

Верхнеуральский совет рабочих и солдатских депутатов 20 марта 1918 года принял решение организовать боевую дружину, попросив на ее содержание у Уфимского военно-революционный комитет (ближайшего губернского центра) 5 тыс. рублей, 500 винтовок и «по силе возможности гранат и револьверов». Комиссаром данного подразделения был назначен Н. Константинов. (45) Аналогичные формирования образовывались и на территории уезда. В частности, в поселке Янгельском местный ВРК создал дружину в составе пешего и небольшого конного отрядов. (46) Вновь созданные сельские дружины в свою очередь обращались за военной инструкторской помощью к уездной власти. Так, например, в конце марта 1918 года в ответ на просьбу Тирлянкой боевой организации был направлен инструктор Верхнеуральской Красной гвардии Прилицин, обладавший «боевой практикой». (47) Как и в других уездах, Верхнеуральском, к началу гражданской войны различные красногвардейские формирования влились в состав Красной Армии. 8 мая 1918 года Верхнеуральским советом рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих

депутатов был создан «Главный Центральный Штаб Красной армии», объединявший под своим командованием, в том числе и отряды Красной гвардии и боевые дружины. Совет поставил перед ним и правоохранные задачи: «1) Сосредоточить... всю боевую работу с внешними и внутренними врагами... 3) Принять охрану города и окрестностей его». (48)

В переходный период советского государства в условиях разгула преступности, когда местные органы власти не справлялись с обеспечением порядка и безопасности граждан, сельские общества сами брали на себя выполнение этих сложных задач. Так, в конце марта 1918 года десятитысячное население поселков Никольское, Колупаевское и Мухоморовска (пригород Челябинска) на общественных началах создало «революционно-демократический орган «Комитет общественных дел 5-й части» в составе 50 человек. По своим функциям он полностью заменил милицию: «1) поддержание порядка к обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, 2) борьба с производством всякого рода спиртных и опьяняющих напитков, 3) надзор за санитарным состоянием поселка и за безопасностью их в пожарном отношении, 4) борьба со всякого рода спекуляцией и укрывательством продовольствия и предметов первой необходимости, 5) ограждение населения поселков от всевозможных самочинных арестов, обысков, реквизиций и пр.». Реализуя эти направления своей деятельности, данный комитет присвоил себе еще и право «преследовать и привлекать к ответственности за кражу, хулиганство, нарушение общественного порядка и пр.; пресекать и предавать военно-революционному суду за изготовление, продажу, хранение всевозможных алкогольных напитков». Кроме того, создавалось специальное подразделение – «народная охрана». Таким образом, из правоохранительной юрисдикции местного совета практически выводилась немалая территория с десятитысячным населением. Данный комитет был наделен своеобразным иммунитетом на отправление, в первую очередь, функции охраны общественного порядка и безопасности граждан, а государству, в лице местного совета, оставил право ареста выявленных преступников и правонарушителей. (49)

Глава 5. Формирование правоохранительных структур в Уфимской губернии

После октября 1917 года в Уфимской губернии правоохранительную функцию осуществляли Боевые отряды народного вооружения (БОНВ), Красная гвардия, милиция и иные самостоятельные вооруженные структуры.

В соответствии с марксистской теорией необходимо было ликвидировать прежние силовые учреждения, в первую очередь милицию. Этот процесс протекал довольно-таки неровно, волнообразно, прерывисто и непоследовательно. Определенные примеры в этом отношении дает Уфимская губерния, в которой даже в пределах одного уезда милиция не была ликвидирована на волостном уровне. Более того, в первый месяц новой власти ряд милицейских начальников занимал важные руководящие посты в административных органах. В состав Бирского уездного военно-революционного комитета, например, входил начальник милиции. В Стерлитамакском уезде уже в ноябре месяце 1917 года обязанности ушедшего в отставку комиссара Временного правительства исполнял также начальник милиции. (1)

Но постепенно отношение к милиции менялось, критически оценивалась ее деятельность. Уже в декабре 1917 года Бирский уездный совет крестьянских депутатов постановил: «Признавая, что существующая милиция не охраняет, а, напротив, вредит интересам трудовых граждан, признать необходимым милицию упразднить и заменить вооруженной силой, избранной самим народом и вполне подчиненной воле народа». (2) Однако реализовывалось это решение довольно-таки сложно из-за неопытности советских работников, и, в конечном итоге, не было выполнено в полном объеме. Поэтому до начала гражданской войны при отдельных волостных советах (например, Буровском, Илишевском) продолжала функционировать прежняя милиция. (3)

В Златоустовском уезде к февралю 1918 года милиция была ликвидирована («раскассирована») в Емашинской, Месягутовской и других волостях. В Месягутовской она была заменена Красной гвардией численностью 20 человек переменного и 4 человека постоянного состава. (4) В то же время в самом Златоусте до чехословацкого мятежа параллельно с отрядами БОНВ работала

«уездно-городская милиция». После установления советской власти вопрос о ее сохранении или расформировании решался уездным совнаркомом. «Боевые дружины, которые будут организованы при Советах, едва ли будут заниматься раскрытием преступлений, как саботажников, подкидышей и т. д., следовательно, какой-то орган должен существовать, а поэтому надлежит выяснить: должна существовать милиция или нет», - справедливо отмечал на заседании этого исполнительного органа председатель военно-революционного комитета В. Д. Ковшов. (5) И милицейское подразделение решено было не упразднить, его руководителем стал М. А. Аникеев, являвшийся товарищем уездного комиссара по внутренним делам. (6) В милицейскую компетенцию, наряду с охраной общественного порядка и борьбой с преступностью, входили регистрация охотников и их оружия, пересылка по принадлежности арестованных, взимание «всевозможных налогов, ...паспортное дело» и др. (7) Кроме того, в Миасском заводе данного уезда до мая 1918 года также функционировала милиция. Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 30 марта в должности начальника милиции был «утвержден тов. Егоров». (8) Необходимо отметить, что оставление во многих сельских регионах прежних милицейских структур было характерным явлением для Уфимской губернии. Выборочный анализ ответов волостных советов на анкету Ингородского отдела губисполкома, датированных серединой мая 1918 года, показал, что, например, в большинстве местностей Стерлитамакского, Белебеевского и других уездов милиция не была ликвидирована. Основными причинами этого являлись либо «не организация боевой дружины» вместо нее; либо то обстоятельство, что «она (милиция – Авт.) находится в распоряжении уездной власти», (т. е. волостные советы не компетентны принимать решения по ее упразднению); либо «еще нечем заменить, т. к. нет опытных руководителей для формирования Красной армии или Народного вооружения»; либо «ввиду того, что народные вооружения еще не укрепились на крепкий фундамент своего места». В других местностях старый состав милиции разогнан, и набирались новые сотрудники. «...Совет не собирался. Следовательно, Заинская волость была без всякой власти, члены милиции бездействовали, солдаты тоже, грозило полной анархией, -

сообщал в ЦК РСДРП(б) член президиума Заинского волсовдепа Мензелинского уезда большевик И. Я. Горбунов-Корчажский, - 6-го и 7-го (ноября 1917 г. – Авт.) организовал Военно-революционный комитет, набрали милицию из тех же крестьян, начальником которой был выбран я». (9) Происходили и процессы «смены вывески»: Бишаул-Унгаровским волостным советом крестьянских депутатов Уфимского уезда «милиция переименована в народную дружину, лица остались прежние», - гласила данная анкета. (10)

Другой силовой структурой, участвовавшей в охране порядка, обеспечении личной и имущественной безопасности граждан, борьбе с преступностью, являлась Красная гвардия. Как и в других регионах России в Уфимской губернии она возникла еще при Временном правительстве. Данные вооруженные подразделения были немногочисленными. Уфимский совет рабочих и крестьянских депутатов в ответе на анкету большевистской фракции II-го Всероссийского съезда советов указывал, что Красная гвардия «организована, но состав невелик, преимущественно из железнодорожных рабочих, вооруженных берданками». (11) Поэтому уже в первые месяцы пролетарской власти в условиях острой криминогенной обстановки, продолжавшихся грабежей и бесчинств губисполком уделял особое внимание боевому потенциалу местных советов. «Народное вооружение должно быть сосредоточено, главным образом, в руках революционных народных органов – в Советах депутатов и земельных комитетах. Советы депутатов не только должны быть органами государственно-политической власти, но они должны обладать и материальной силой, материальной основой власти. При Советах депутатов и земельных комитетах должны быть образованы с разрешения Губернского революционного комитета отряды вооруженной Красной гвардии. Революционный комитет предлагает Советам депутатов и земельным комитетам обратить самое серьезное внимание на право сношении с Революционным комитетом организацией крестьянской и рабочей советской Красной гвардии», - говорилось в циркулярном письме волостным и уездным советам в январе 1918 года. (12) Основной способ ее формирования определил Уфимский губернский съезд советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов 2 января 1918 года: «Немедленная

революционная воинская мобилизация среди рабочих губернии». (13) Деятельность советских учреждений по реализации данной задачи активно поддерживали региональные комитеты правящих партий, в первую очередь большевистские организации инициировали создание новых отрядов Красной гвардии и боевых дружин. Так, в ноябре 1917 года Топорнинская группа РСДРП(б) Покровской волости Уфимского уезда, обсудив вопрос о формировании буржуазными элементами белой гвардии для борьбы против советской власти, постановила вести агитацию среди крестьян за организацию Красной гвардии «для безболезненного проведения в жизнь декрета о земле и для борьбы с контрреволюционным движением». (14)

Необходимо отметить, что с этого времени (ноябрь-декабрь 1917 года) красногвардейские формирования Уфимской губернии все больше и больше стали выступать в форме прежних боевых отрядов народного вооружения, созданных и действовавших в регионе еще со времен первой русской революции. Разработка принципов организации БОНВ, их структуры, состава, уставных и инструктивных документов большевистским комитетом была возложена на братьев Кадомцевых, занимавшихся формированием данных боевых структур. После октября 1917 года отряды БОНВ являлись своеобразной формой организации Красной гвардии, по мере укрепления советской власти их задачи и функции сближались. Вскоре какие-либо различия между ними стерлись, все вооруженные формирования, как в Уфе, так и на местах, носившие разнообразные названия (Красная гвардия, боевые дружины, народные вооружения, штабы охраны и т.д.), были подчинены Центральному штабу БОНВ под командованием Э. С. Кадомцева. Постепенно руководство штаба отошло от корпоративного (чисто партийного) принципа формирования боевых дружин. На I-ом съезде БОНВ Южного Урала, состоявшемся в Уфе 12 декабря 1917 года, был принят Устав организации, определявший более четко, чем прежде ее цели и задачи, расширена социальная база формирования боевых дружин, начался прием с 18-летнего возраста беспартийных и членов других социалистических партий, поддерживавших новую власть. Этот процесс осуществлялся советами, фабзавкомами и профсоюзами промышленных предприятий. (15) Особое внимание уделялось качеству

подбора добровольцев. «Неубежденный и малодушный не должен быть дружинником, вступая в дружину, товарищ должен отчетливо понять свое назначение», - подчеркивалось в одном из руководящих документов. Все бойцы обязывались подчиняться строжайшей революционной дисциплине. Самым тяжким наказанием считалось удаление из БОНВ. (16) Согласно Уставу каждая организация состояла из четырех дружин. Первая - включала руководящий состав; вторая - состояла из специально отобранных членов, хорошо овладевших военным делом, из их числа формировались боевые отряды; третья - была резервной и получала оружие только для обучения, и служила базой пополнения второй дружины, в случае необходимости могла организовывать и отдельные отряды. Остальные пролетарские элементы, согласные служить в боевой организации и способные владеть оружием, входили в четвертую, которая выполняла функции народной самообороны, распределения продовольствия среди населения, контроля за санитарным состоянием населенных пунктов, предприятий и т. д. Дружины делились на десятки и сотни. (17)

Устав определял задачи и компетенцию организации: «БО(НВ –Авт.) есть та сила, на которую только должна и может действительно опереться революционная демократия в осуществлении и проведении в жизнь законов крестьян и рабочих. БО является автономной организацией (они вовсе не подчиняются партийным комитетам!). БО исполнительный орган советов Р. С. и К. Д. БО и исполком Совета взаимно представлены для правильного освещения политических и специальных вопросов... Организованные граждане, опираясь на первые три дружины, должны были взять в свои руки все функции нового государства... И этим делая излишним существование чиновничества и полиции». Высшим органом был съезд, избиравший Совет БОНВ. Для осуществления оперативного руководства всеми вооруженными силами создавался Центральный штаб. Организация строилась на добровольных началах, существовала выборность командного состава. (18)

После данного форума начался как численный рост подразделений БОНВ на местах, так и их личного состава, в первую очередь в горнозаводской части Уфимской губернии. В декабре 1917 года в Кусинском заводе Златоустовского уезда военно-революционным комитетом была организована боевая группа

под командованием большевика В. А. Лепешкина, помимо охраны общественного порядка, занимавшаяся разоружением военных эшелонов, проходивших через близлежащие железнодорожные станции. (19) На другом заводе уезда – Миасском напилочном, «для борьбы с местной буржуазией, водворения порядка и охраны революционной законности» по инициативе большевиков был организован отряд Красной гвардии под руководством латыша Якобайтиса. Его численность быстро возросла до 130 человек, многие из которых были вооружены трехлинейными винтовками. Наряду с выполнением вышеперечисленных задач, красногвардейцы производили силовые акции в соседних казачьих станицах – Чебаркульской и Кундравинской. (20)

Боевой отряд народного вооружения на Катав-Ивановском заводе был создан еще до октября 1917 года. При советской власти его численный состав значительно вырос (по отдельным воспоминаниям красногвардейцев – до 1000 человек). Командовали дружинниками бывшие профессиональные военные нижнего звена – солдаты и унтер-офицеры. «При выборе командира бойцы учитывали его спорность, ловкость, сметливость, военную практику, твердость характера», – вспоминал участник революционных событий на Южном Урале И. Искра. Помимо военных акций, катав-ивановские красногвардейцы исполняли чисто правоохранительные функции, например, «ликвидация самогонщины». (21)

На Аша-Балашовском заводе численность БОНВ была достаточно велика, что позволило его командованию в феврале 1918 года «отправить первый отряд в 70 человек в распоряжение губернского штаба на борьбу с восставшим казачеством», – вспоминал красногвардеец Родионов. (22) Стремительный рост численности красногвардейцев можно проследить на примере данного предприятия. Согласно платежной ведомости списочный состав отряда в первой половине марта 1918 года составлял 112 человек, а во второй – уже 221. Штаб боевой организации возглавлял И. Ф. Опарин. Личный состав круглосуточно нес дежурство в совете, милиции и заводской конторе. Систематически (раз в неделю) проводились учебные занятия с дружинниками. (23) Организация обучения боевиков проходила, как правило, в двух формах: а) «спешная» (от полутора недель до 2-х месяцев; б) ускоренная (от полутора до 3-х месяцев). (24) Оклады заво-

дских дружинников были довольно-таки приличными. Так, например, член исполкома совета рабочих депутатов Миньярского завода получал 350 руб. в месяц, а красногвардеец-инструктор – 270. (25)

Создавались правоохранительные структуры и на других предприятиях губернии. Уфимский районный железнодорожный комитет телеграфировал Народному комиссару путей сообщения, что организованная 12 января 1918 года боевая организация железнодорожников за три недели соей деятельности прекратила всякое движение мешочников. «Беспощадная борьба, - писал он в телеграмме, - ведется со спекулянтами, хулиганством, воровством и безбилетниками». (26) Необходимо отметить четкую организацию несения службы членами данного БОНВ. Основная его часть несла «двусменное дежурство по станции для поддержания порядка», - говорилось в одном из отчетов командира отряда. Остальные дружинники входили в специально созданный для оперативного реагирования на происшествия и преступления летучий отряд. Оплата осуществлялась из расчета среднего заработка железнодорожного рабочего. Сотрудникам городского БОНВ жалование выплачивал Уфимский совет рабочих и солдатских депутатов. (27)

Сотрудники БОНВ Златоустовского уезда, патрулируя улицы и иные общественные места, не только поддерживали должный общественный порядок, но и участвовали в предупреждении и раскрытии преступлений по горячим следам. При этом ни статус преступника, ни его должностное положение не влияло на процесс его задержания. Так, например, 13 мая 1918 года «за дебош в пьяном виде на станции Златоуст... за самочинные контрибуции» дружинниками был арестован и обезоружен товарищ комиссара по национальным делам уездного совнаркома Нафиков, который позже был привлечен к революционному суду. (28)

После заключения Брестского мира и выхода левых эсеров из состава Советского правительства началась активная большевизация командования красногвардейских частей. В Уфимской губернии в Саткинском металлургическом заводе Златоустовского уезда в январе 1918 года при совете рабочих депутатов уже функционировала боевая дружина в составе 70-80 рабочих, четверть из которых (15-20 человек) постоянно несла круглосу-

точную службу. Командовал этим подразделением левый эсер Гущин. «Боевая дружина выполняла функции милиции», - позже вспоминал дружинник Баранов. (29) В конце марта левозэсеровский штаб занялся самоуправством, провел перерегистрацию боевиков и под этим предлогом отобрал у них все оружие. Узнав об этом, большевистский комитет обратился за помощью к губернской власти. Прибывший из Уфы красногвардейский отряд произвел арест членов штаба, был назначен новый командир дружины – большевик Ф. М. Абросимов. (30)

Однако это был не единственный эксцесс, связанный с красногвардейскими формированиями Златоустовского уезда, где вооруженные конфликты происходили не только с представителями антагонистических классов, но имели место таковые и между местными дружинниками. Так, в середине апреля 1918 года боевые формирования Кусинского завода и поселка Журкатау, вместо того, чтобы стать образцом правомерного поведения, устроили «кровопролитную стычку», в ходе которой несколько бойцов были убиты, виновные в этом арестованы и преданы революционному суду. (31)

От заводских региональных центров процесс образования новых правоохранительных структур переместился в сельские районы. При этом по инициативе отдельных советов он не приобретал «повальный» характер. Боевые подразделения должны были создаваться, в первую очередь, при осложнении криминальной обстановки. Так, 28 февраля 1918 года Московский волостной совет крестьянских депутатов Бирского уезда постановил боевые дружины организовывать в деревнях по мере надобности. (32) И в деревне большевики, вполне естественно, были во главе этого процесса. На общем собрании Зилимской поселковой группы РСДРП(б) Архангельской волости Стерлитамакского уезда 6 марта 1918 года было принято постановление: «Создать боевую дружину для поддержания порядка и для укрепления революции и отражения белой гвардии». (33) На основании анализа протоколов данной парторганизации можно установить, что основным источником получения оружия сельскими БОНВ была Уфа. Так, например, 15 марта 1918 года из губернского центра в село Зилим было доставлено 30 винтовок и 1000 штук патронов. (34)

Сельские боевые дружины помимо охраны советов, поддержания общественного порядка исполняли и иные правоохранительные функции. В частности, боевая организация Благовещенского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже в январе 1918 года неоднократно изымала краденые вещи у их укрывателей в селе Дмитриевка. Более того, дружинники за такую форму пособничества сами накладывали денежные штрафы. (35)

Численный состав дружин Уфимской губернии возрастал, практически ежемесячно. Конкретную динамику этого процесса можно проследить на примере Давлекановской городской дружины Белебеевского уезда. «С 1918 года: в январе месяце было боевых дружинников 34 члена, в феврале – 39, в марте – 40, а в апреле существует всего боевых дружинников 80 членов. Дальнейший набор продолжается», - докладывал в губернский штаб БОНВ командир дружины Мещеряков. (36) Другим примером, подтверждающим эту общую тенденцию, являлось решение Дуван-Табынского волостного исполкома Стерлитамакского уезда от 6 мая 1918 года о скорейшем увеличении численности боевой дружины с 25 до 500 человек «в целях сохранения завоеваний Октябрьской революции». (37)

К началу гражданской войны сеть отрядов сельской гвардии и боевых дружин покрыла практически всю территорию губернии. В Стерлитамакском уезде, например, новые правоохранительные вооруженные структуры были образованы в Азнаевской, Архангельской и Верхоторской волостях, Богоявленском заводе, отдельных населенных пунктах, как например, Красноярка (350 человек, командир М. Слободин) и Валентиновка (50, Л. Попало). Аналогичные процессы происходили в других уездах губернии. Так, например, в Бирском - боевые дружины функционировали в Тюнинской, Клебаковской, Черяуловской, Никольской, Верхнетатышменской волостях, в Златоустовском – Верхнекичигинской, Емашинской, Месягутовской, Тастубинской, Ярославской, Еландинской; в Уфимском – Осогринской, Урман-Кудейской, Бишаул-Унгаровской, Караякуповской, Дмитровской, Сафоровской и других волостях. (38)

Однако этот процесс носил не абсолютно повсеместный характер. В ряде волостей вплоть до начала гражданской войны дру-

жины так и не были созданы. Так, например, в Уфимском уезде – в Удельно–Дуванатской волости; Стерлитамакском – Ишнарсовской; Белебевском – Алышеевской и др. (39); Златоустовском - в Метлинской. (40) Одной из причин такого отставания являлось отсутствие денежных средств у советов и партийных комитетов. «Боевую единицу я принимался организовывать два раза и все же под ружьем ни одного человека не имею. Организовал первый раз, пришлось за неимением средств отослать в уезд. Во второй раз, то есть в настоящий момент, организовал только на бумаге, то есть записалось 18 человек и дальше дело встало, нигде не могу исходатайствовать средств», - докладывал в апреле 1918 года в ЦК РСДРП (б) руководитель партийной ячейки деревни Корчажка Заинской волости Мензелинского уезда. (41)

В целях эффективного взаимодействия сельские дружины устанавливали тесные связи с районными штабами БОНВ, в первую очередь, путем делегирования в их состав своих представителей. (42) Кроме того, в случаях обострения криминогенной обстановки данные правоохранные формирования своим личным составом помогали Центральному штабу. Так, например, 9 апреля 1918 года общее собрание Топорнинской боевой организации Покровской волости Уфимского уезда в ответ на просьбу губернского командования направило ему на помощь отряд численностью 7 человек, выделив денежное довольствие на проезд и суточные расходы. Аналогичное решение было принято в деревне Колтаевой этой же волости. (43)

В то же время взаимоотношение Центрального штаба с другими губернскими правоохранными структурами не всегда было гладким. Так, например, IV-м съездом представителей БОНВ по результатам докладов с мест была принята резолюция-протест против действий уфимского губревтрибунала, который «выпустил на свободу, якобы вследствие недостаточности улик в контрреволюционных действиях... арестованных на местах и препровожденных в Уфимскую тюрьму саботажников и контрреволюционеров,... мешавших организации советской власти». И далее съезд предупреждал: «Когда идет война и льется кровь защитников советской власти и рабоче-крестьянской России, выпускать из тюрьмы сторонников и шпионов Дутова является действием, разлагающим на местах советскую работу, а в конеч-

ном результате легко может привести к нежелательным расправам на местах и самосудам. Данное постановление съезд доводит до сведения Уфимского губисполкома, Уфимского совета народных комиссаров и Уфимского революционного трибунала». (44)

В результате предпринимаемых Центральным штабом мер к лету 1918 года (данные на 30 мая) БОНВ объединяли 79 организации общей численностью около 12 тыс. человек. (45) В общей оценке деятельности БОНВ в переходный период пролетарского государства мы солидарны с мнением уральского исследователя С. А. Василенко, утверждающего, что данная силовая структура задумывалась и действовала как организация, наиболее полно отвечавшая марксистско-ленинской концепции всеобщего вооружения народа с привлечением представителей других партий, с мощным мобилизационным аппаратом. Главный их организатор и руководитель Э. С. Кадомцев писал: «БОНВ создавались на ленинских принципах военных организаций революционного пролетариата: всеобщее вооружение народа». (46) Несмотря на то, что БОНВ не образовывались для конкретных правоохранительных целей, им в первый год советской власти приходилось охранять общественный порядок, обеспечивать личную и имущественную безопасность граждан, бороться с преступностью.

Глава 6. Обеспечение личной и имущественной безопасности граждан в Вятской губернии

После октября 1917 года прежняя милиция продолжала свое стабильное функционирование, прежде всего в тех уральских районах, где не была «прочно» установлена власть советов, поддерживавших и подчинявшихся Совету Народных Комиссаров. На местах она продолжала оставаться практически единственной, еще работоспособной правоохранительной структурой. В тех случаях, когда сил волостной или уездной милиции было явно недостаточно для предотвращения, в первую очередь массовых беспорядков и погромов, сопряженных в «бурное» революционное время, как правило, с человеческими жертвами, участковые начальники милиции просили о помощи вышестоящие властные учреждения.

Эти явления были характерны и для Вятской губернии, в которой советская власть в большинстве регионов установилась в декабре 1917 – январе 1918 гг. До этого времени только милиция оказывала сопротивление погромщикам и другим нарушителям общественного порядка. 26 ноября 1917 года начальник милиции 3-го участка Уржумского уезда А. Саламатов докладывал руководству, что в Кончанурской волости произошли массовые беспорядки, в ходе которых был учинен самосуд над членами земской управы и милиционерами. В его распоряжении осталось два милиционера, силами которых со вновь возникшими беспорядками он уже не справится. (1) Помощник начальника милиции другого уезда – Котельнического, Котосов 29 ноября 1917 года просил губернскую власть оказать помощь в предотвращении погромов имений, уже распространившихся к тому времени на обслуживаемой им территории. Аналогичные просьбы были высказаны участковыми начальниками милиции Елабужского, Малмыжского и ряда других уездов губернии. (2) Вся информация с мест сосредотачивалась у еще функционировавшего правительственного инспектора милиции по Вятской губернии, который по мере сил и возможностей организовывал и координировал деятельность данного правоохранительного института.

Милиция, оставшаяся на позициях Временного правительства, при малейшей активности со стороны большевистских

организаций по захвату власти в регионах, выполняя распоряжения губернских и уездных правительственных комиссаров, арестовывала местную верхушку РСДРП (б). Вятская милиция при помощи гарнизонных солдат по указанию губкомиссара эсера Саламатова 29 октября 1917 года разгромила большевистский губком, задержав ряд его членов. «Арест произведен самым грубейшим образом, точно так же как и обыск, - жаловались вятские партийцы в ЦК, - Перерыто буквально все. Ждем новых арестов... Нужны руководители. Шлите немедленно и срочно... При новых арестах возможны крупные осложнения... Печать комитета забрана». (3) Поэтому не случайно после установления советской власти в Вятке милиция сразу же была разоружена. И на первом заседании еще временного губисполкома совета рабочих и солдатских депутатов 7 декабря 1917 года было решено: «Оружие милиции не возвращать... усилить караул на городских предприятиях и дать караулу срочную инструкцию». Вполне естественно вопросы охраны общественного порядка были возложены на Красную гвардию, для организации которой на этом заседании был создан военный отдел. Начальником Красной гвардии был назначен большевик Утробин. (4)

Действия губернской власти по разоружению и ликвидации милиции совпадали с «чаяниями народа». Требования крестьян колебались от простой смены руководящих кадров существовавшей милиции до реализации милиционного принципа вооружения народа. В декабре 1918 года жители Сметанинской волости Яранского уезда в наказе делегатам I-го губернского съезда советов требовали переизбрать на новых началах все уездные и волостные структуры, в том числе и милицию, «как совершенно не соответствующие своему назначению в текущий момент». (6) Общее собрание крестьян села Старые Бурца Малмыжского уезда предъявили власти множество разнообразных «требований» в том числе и «замены регулярного войска всенародным вооружением». (7)

После установления пролетарской власти организация охраны общественного порядка на Урале, так же как и в центре и других регионах, легла на совдепы, в первую очередь, губернского и уездного уровня. I-й Вятский губернский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший с 5 по 8 января

1918 года, поставил перед местными советами, наряду с обеспечением должного правопорядка, и задачу борьбы, прежде всего с «забастовщиками и саботажниками против трудового народа», а также предоставил им «право на борьбу со спекулянтами и контрреволюционерами». (8)

Необходимо отметить, что в отдельных местностях власть к советам перешла несколько ранее губернского центра. Одним из первых в этом ряду стоял Ижевский завод, на котором еще в конце октября 1917 года совет рабочих депутатов создал чрезвычайный орган власти – военно-революционный комитет. Последний вполне успешно реализовывал правоохранительную функцию: образовал «Комитет по охране революции», упразднил старую милицию, а новая была «организована Советом и зависит от Совета, начальник милиции выбирается Советом», - отмечалось в одном из отчетов военно-революционного комитета. (9)

В Камышловском уезде власть к совету перешла 27 ноября 1917 года. Образованный им военно-революционный комитет, поставил «...в известность всех граждан уезда, что к подавлению разного рода бесчинств, мятежей и насилий и т.д. будут приняты самые строгие меры, вплоть до применения оружия». (10) Для реализации этого, а также «для охраны города организуется Красная гвардия, желающих просят записаться к заведующему гвардией, председателю Военно-революционного комитета тов. Овчаруку и начальнику гвардии тов. Останкову», – отмечалось в приказе чрезвычайного органа власти от 18 декабря 1917 года. (11)

Аналогичные решения принимали другие уисполкомы и начинали их реализовывать на волостном уровне, в первую очередь, создавая сельские боевые дружины и отряды Красной гвардии. 18 января 1918 года Чепецким волостным советом Вятского уезда принято решение: «Заменить бывшую милицию... устроить Красную гвардию», которая тут же была образована в составе четырех человек (командир Г. И. Капустин). (15) «Для наблюдения за общим порядком в волости организовать Красную гвардию», - гласила резолюция другого волсовета - Ярковского, Орловского уезда. (16) Также в январе месяце красногвардейское подразделение было организовано в Зыковской волости Яранского уезда (командир В. Зыков). (12) Необходимо отметить,

что Яранский совет рабочих и солдатских депутатов с первого дня своего образования (6 января 1918 года) взял на себя обязанность «охранять мирное течение жизни населения... Всякого рода бесчинства, насилия, грабежи и другие проявления злой воли будут караться со всей строгостью революционного суда», - подчеркивалось в его первом воззвании к населению уезда. (13)

Уржумский уездный совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов принудил прежние управленческие структуры к признанию своей власти. «Земское уездное собрание признало верховную власть народа в лице Советов и дало подписку, - говорилось в одном из отчетных советских документов, - начальник уездной милиции, помощник и начальник городской милиции за неясный ответ уволены. Милиция отменена и раскассирована, учреждены... дружины охраны в городе, в волостях и деревнях». (14) Таким образом, сокращение института милиции в регионе порой зависело от чисто субъективного фактора – непризнание ее руководством советской власти. Справедливости ради отметим, что зимой 1918 года процесс ликвидации старых правоохранительных учреждений охватил не все уезды губернии. До апреля месяца, например, продолжала функционировать Малмыжская уездная милиция во главе с прежним начальником Рахоловым. (17)

В тех местах, где органы новой власти в лице советов отставали в обеспечении личной безопасности граждан и охране общественного порядка, сельские общества сами решали эти вопросы. 7 января 1918 года общее собрание жителей д. Яморки Тожсолинской волости Яранского уезда в целях «беспощадной борьбы с хулиганами, погромщиками и насильниками, стремящимися использовать тяжелое время страны в личных корыстных целях», приняло решение о скорейшем формировании «дружин общественной безопасности». Такие же решения были приняты в Корляковской, Малошалайской и Троицкой волостях данного региона. (18) В другом уезде – Уржумском, 29 января 1918 года собрание граждан деревни Паниклы Пилинской волости постановило: «Организовать Красную гвардию, то есть вольную дружину для ведения порядка в жизни и поддержки совета». Она была сформирована в составе 18 человек. (19)

Органы советской власти через местную периодическую печать информировали жителей о правоохранительной функции

Красной гвардии. Так, в конце января 1918 года Сарапульский уездный революционный штаб (разновидность ВРК) в газете «Воля» уведомил «всех граждан... что охрана и порядок в городе будут поддерживаться Красной гвардией». И какие-либо процессуальные действия, в частности аресты и обыски, должны производиться только по распоряжению и с письменной санкции данного революционного органа. (20) С другой стороны, в тех местностях, в которых милиция Временного правительства зарекомендовала себя с крайне негативной стороны, новые рабочие дружины отказывались выполнять чисто милицейские (читай жандармские) функции. Так, например, общее собрание представителей Вятских кожевенных заводов 17 февраля 1918 года постановило: «Отказываемся нести службу по гарнизону и вмешиваться в такие мелкие конфликты – как обыск, скандал и проч., но всегда встанем на борьбу с контрреволюционным элементом, посягающим на нашу рабочую и крестьянскую власть». (21)

Вполне естественно, что правящие партии с первых дней советской власти пытались поставить под свой контроль все силовые, в том числе и правоохранительные структуры, в первую очередь, влияя на их кадровую политику. Собрание красногвардейцев Вятских промышленных предприятий под давлением политических организаций 3 марта 1918 года приняло решение: «Организовать Красную гвардию в г. Вятке только из членов партии (большевиков) и левых социалистов-революционеров максималистов». Более того, в развитие этого заявленного партийного принципа комплектования, комитету партии большевиков было поручено решить и вопросы ее вооружения и отыскания квартир для расселения неимущих жилья красногвардейцев. (22) На станции Вятка-I райком РКП(б) решал вопросы вооружения красногвардейцев-железнодорожников, объединенных в «рабочую военную дружину» общей численностью около 300 человек. (23) Большевистские комитеты выступали не только с агитацией за организацию правоохранительных структур, но и осуществляли практические шаги в этом направлении. Так, например, Вятский комитет РКП (б), в первую очередь, для своей охраны создал боевую дружину, которой, однако, пришлось осуществлять не только караульные функции. «Дружине неоднократно приходилось выступать как на обыски, аресты и т.п. действия в защиту Советской власти», - указывалось в одном из партийных документов. (24)

Помимо партийных организаций сами сельские жители для «...защиты крестьянского имущества от подавляющих разбойничьих шайк и поддержки порядка среди населения» определяли способы комплектования боевых дружин, в первую очередь путем установления подворных квот выставления красногвардейцев-рекрутов. Общее собрание граждан Якшинской волости Вятского уезда постановило: «Красногвардейцев должны избирать сами селения... с таким расчетом, чтобы селения, имеющие до 10 дворов, дали одного красногвардейца, выше 10 дворов - двух». (25)

Одной из ощутимых проблем, стоявших перед новыми правоохранительными формированиями, являлась острая нехватка вооружения. Источниками последнего были разнообразные формы: изъятие при обысках, разоружение солдатских эшелонов, конфискация его у бывшей милиции и др. Несмотря на эти предпринимаемые меры, в глубинке (селах и рабочих поселках) уральского региона его практически не было. Характерным подтверждением этому служит обращение Шарановского волсовета в Орловский уездный исполком: «Волостной Совет крестьянских депутатов сообщает уездному Совету, что в волости сформирована Красная гвардия в числе 40 человек, таковую весьма желательно вооружить, а потому имею честь просить уездный Совет разъяснить, каким образом и откуда можно получить вооружение: револьверы или винтовки, хотя бы на первое время дать двум старшим красногвардейцам находящимся постоянно при волостном Совете». (26)

Весной 1918 года начался новый виток формирования и увеличения личного состава существовавших красногвардейских отрядов. К маю 1918 года их численность, например, в Орловском уездном центре достигла 130 бойцов, Уржумском – 230. (27) II-й чрезвычайный Яранский уездный съезд советов крестьянских рабочих и солдатских депутатов 11 марта 1918 года постановил: «Необходима организация на местах добровольческой дружины из товарищей солдат и крестьян, способных создать активную поддержку и оплот Советской власти». (28) В случаях крупных контрреволюционных выступлений на уисполком ложилась обязанность помогать волостным властям дополнительной вооруженной силой. Аналогичные решения принимались в Елабужском (29) и Малмыжском уездах. (30) В последнем эта работа

активизировалась не только по инициативе советов, 18 марта общее собрание жителей села Константиновки Арпорской волости решило: «Для поддержки порядка общественного спокойствия... назначить Красную гвардию и просить Малмыжский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выискать для красной гвардии вооружение - винтовок». (31) В созданное правоохранительное подразделение записалось 12 человек.

В связи с вышеизложенным интересна точка зрения на институт Красной гвардии указанного исполкома, нашедшая свое выражение в его докладе Вятскому губисполкому. Председатель Шатуров 13 апреля 1918 года сообщал, что «в уезде милиция упразднена и заменена народными сельскими и волостными дружинами... В уезде Красной гвардии нет». (32) Таким образом, у уральских советских органов не существовала определенная концепция института Красной гвардии. Официально не устанавливались различия в комплектовании, структуре и функциях красногвардейских и дружинных подразделений. Скорее всего, их и не было, на местах в зависимости от субъективной точки зрения советских руководителей, так или иначе, называли боевые правоохранительные учреждения.

Несмотря на активный процесс создания красногвардейских и иных боевых частей, до начала гражданской войны в ряде уездов Уральского региона продолжал оставаться институт милиции, порой без каких-либо существенных изменений. «У нас существует городская советская милиция», - докладывал «наверх» в мае 1918 года комиссар управления Усольского исполкома. (33) В Нолинском уезде, например, «до настоящего времени существует уездная милиция, - сообщалось в середине апреля в докладе комиссара самоуправления Кузнецова в губисполком, - содержащаяся на государственные средства, которая никакой реорганизации не подвергалась». (34) Параллельно с работавшей милицией стала создаваться «на социалистических началах Красная гвардия», в которую вступило к этому времени 50 человек. Постепенно красногвардейский отряд начал исполнять правоохранительную функцию: нес постовую службу по охране города, почты и казначейства. И как вполне субъективно отмечал вышеупомянутый советский чиновник, отряд «успел зарекомендовать себя

с самой лучшей стороны, отличался от милиции сплоченностью, сознательной дисциплиной, безукоризненным поведением, точным и беспрекословным исполнением всех распоряжений органов Советской власти и комиссара Красной гвардии». (35) Учитывая эту положительную тенденцию совершенствования нового правоохранительного органа, уездная власть решила «в самом скором времени целиком заменить милицию» красногвардейским подразделением. Осознавая, что в первое время не обойтись без профессионалов по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, совет разрешил «специалистам состава уездной милиции», отвечающим двум обязательным цензам («с одобрительным поведением и отвечающим требованиям звания красногвардейца»), вступить в ряды Красной гвардии. Комиссар Кузнецов распланировал будущее штатное расписание этого подразделения - помимо комиссаров, их помощников и канцелярии, должно быть еще 100 сотрудников. В каждую из 28 волостей направлялся один боец «для несения обязанностей волостных милиционеров». Кроме того, двое красногвардейцев выделялись для охраны порядка на пароходной пристани и 8 человек назначались участковыми красногвардейскими комиссарами, «заменившими бывших участковых начальников милиции». Оставшиеся силы несли постовые обязанности в Нолинске, а также в случаях надобности направлялись в командировки в уезд для водворения порядка. «Таким образом, охрана города и уезда, - отмечал чиновник, - будет поставлена прочно». (36)

Аналогичное положение в организации Красной гвардии складывалось и в других уездах губернии. Так, например, согласно постановлению Слободского уисполкома от 22 марта 1918 года в каждой волости необходимо было иметь по 3 красногвардейца, один из которых назначался старшим. Он принимал все дела из канцелярии, упраздненной после образования Красной гвардии, участкового начальника милиции, и должен был «... приступить к работе по взысканию разного рода сборов, налогов и недоимок (функция милиции – установленная Временным правительством – Авт.)». Месячный оклад старшему волостному красногвардейцу устанавливался в 240 руб., младшему – 200. (37)

Несмотря на активную работу советов и самих сельских обществ, до начала гражданской войны не во всех волостях

Урала были созданы новые правоохранительные формирования. Уже в июне 1918 года Слободской уездный исполком Вятской губернии требовал от Ярославского волисполкома создание дружины. «Но выбирайте таких людей, - советовала уездная власть, - которые бы не бегали от первого выстрела. Набирайте по преимуществу солдат». (38)

Однако такие факты, являвшиеся скорее исключением, чем правилом, позволяет сделать вывод о том, что в первые месяцы пролетарского государства органы советской власти на фоне ликвидации старой милиции проделали большую работу по созданию правоохранительных учреждений для обеспечения должного общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан.

РАЗДЕЛ 3. ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АППАРАТОВ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

Глава 7. Формирование института уголовного розыска в российской правоохранительной системе

В системе правоохранительных органов, занимавшихся в первую очередь борьбой с преступностью, ведущую роль занимал и занимает аппарат уголовного розыска. «Большой юридический словарь» определяет этот институт, как систему органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскные и другие входящие в их компетенцию меры по предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений против личности, собственности граждан, общественного порядка и безопасности (1) Содержание этого термина несколько расширяет энциклопедия «МВД России», добавляя «розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда; поиск граждан, объявленных в международный розыск, пропавших без вести». (2) Данное определение в силу своего общего характера в полной мере проецируется на аналогичное подразделение переходного периода пролетарского государства. Основные задачи, поставленные перед аппаратами уголовного розыска в 1917-1918 годах, практически не изменились. Более близкое по классово-политической окраске назначение этого правоохранительного учреждения давала Малая Советская Энциклопедия 1931 года издания: «Уголовный розыск – установление, имеющее целью предотвращение готовящихся, пресечение начатых и расследование совершившихся преступлений. Уголовный розыск борется главным образом секретными способами в тесной связи с наружными органами охраны... Главной задачей уголовного розыска являются борьба с элементами, вредящими делу социалистического строительства, в первую очередь с преступными деяниями на почве классовой борьбы врагов пролетариата, нарушающими правопорядок, установленный на переходный к коммунистическому строю период времени». (3) После октября 1917 года ликвидация старого и создание нового аппарата уголовного розыска шло параллельно с упразднением милицейских подразделений Временного правительства и обра-

зованием советских органов по охране общественного порядка и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан.

В центре прежние милицейские структуры после перехода власти к советам были быстро ликвидированы. Коллегия НКВД, рассматривая вопрос о ликвидации петроградского градоначальства, постановила: «Уголовно-розыскное отделение немедленно ликвидируется. Это... учреждение мало чем отличается от охраны, никогда не служило рабочим и крестьянам» (4) На местах этот вопрос решался неоднозначно. Особенностью формирования советских аппаратов уголовного розыска на Урале являлся тот факт, что они образовывались исключительно на базе уголовно-сыскных подразделений, созданных Временным правительством. В лучшем случае советы рабочих и солдатских депутатов как-то видоизменяли название данных правоохранительных учреждений, а чаще всего и вообще не меняли. Как правило, прежним оставалось не только штатное расписание, продолжали работать практически все старые агенты уголовного розыска.

В условиях острой нехватки пролетарских профессиональных кадров сыскного дела такое явление было остро необходимым. В противном случае к валу контрреволюционных преступлений добавился бы и большой рост чисто уголовных деяний, которые не только предупреждать, но и раскрывать было бы не кому. Данную кадровую политику с классовых позиций точно характеризовал первый советский начальник Московской милиции М. И. Рогов: «Уголовный розыск – дело специфическое и весьма тонкое. Тут нужны определенные знания и профессиональные навыки... Нам необходимо быстрее организовать подготовку кадров нового поколения розыскников, а пока их нет, не стоит пренебрегать услугами старых специалистов сыска. Но за ними мы установим пролетарский контроль». (5) И такой контроль со стороны советов в разнообразных формах организовывался. Более того, начальником петроградского уголовного розыска до декабря 1918 года работал бывший руководитель столичной сыскной полиции А. А. Кирпичников. (6)

Как справедливо утверждают авторы коллективного исследования «Милиция Челябинской области» в городах Оренбургской губернии, в частности в Челябинске и Троицке, новая власть лишь заменила руководящий состав, оставив на прежней

службе рядовых милиционеров и агентов уголовного розыска, взяв от них заявления о лояльности к новому политическому строю. Продолжали нести прежние обязанности и большинство сотрудников Верхнеуральской уездной милиции, где сменил был лишь один - ее начальник. Милиция, уголовный сыск и красногвардейцы действовали под общим контролем штаба охраны города, подчинявшегося лишь исполкому городского Совета рабочих и солдатских депутатов. (7) В связи с такой магистральной преемственностью советскими государственными органами института уголовного розыска Временного правительства рассмотрим образование последнего более подробно. Определенным образцом в этом отношении является управление уголовного розыска Петрограда, с созданием которого собственно и началось формирование новых уголовно-сыскных структур по всей стране. Постановлением Временного правительства от 11 мая 1917 года упразднялась Петроградская сыскная полиция и учреждалось столичное управление уголовного розыска. Было принято «Положение» об организации и основных направлениях деятельности данного правоохранительного учреждения, которое образовывалось как самостоятельное ведомство не в структуре милиции, а в - Министерстве юстиции. Основной задачей, поставленной правительством перед уголовным розыском, являлось «производство расследований и дознаний» с целью «разоблачения и преследования преступных деяний». Для ее реализации розыскники наделялись такими же правами, которые ранее имели чины аналогичного полицейского подразделения. Сотрудники управления уголовного розыска находились в прямом подчинении прокурора Петроградского окружного суда, а контроль за их деятельностью осуществляла более высокая надзорная инстанция - прокурор столичной судебной палаты. Последний назначал начальника управления уголовного розыска только из числа лиц с высшим юридическим образованием, дополнительно утверждавшегося в этой должности еще и министром юстиции. После этого новый начальник определял кандидатуры своих помощников, а назначение их на посты производил прокурор судебной палаты.

Повседневной розыскной работой занимались инспекторы и субинспекторы уголовного розыска, как на территории столицы, так и в пригороде. При непосредственном преследовании преступ-

ников «по горячим следам» зона их юрисдикции расширялась - розыск продолжался и за пределами Петрограда. При этом «общая городская и уездная милиция, как столицы, так и провинции, в тех случаях, когда дознания проводят органы столичного уголовного розыска, обязаны оказывать последним всемерное содействие в исполнении ими служебных обязанностей и в этих целях принимают меры к задержанию заподозренных, охранению следов преступления и вещественных доказательств, присутствуют при осмотре, обысках и выемках, оказывают помощь в пересылке предметов, отобранных при производстве дознаний и в доставлении задержанных в места заключения, командируют милиционеров для вызова подлежащих опросам лиц и т. п.», - гласил п. 8 Положения. Одновременно закладывались основы взаимодействия столичного УР не только с общей милицией, но и со своими коллегами из провинции. На петроградских инспекторах лежала обязанность исполнения в пределах столицы иногородних розыскных заданий.

Для улучшения дела поимки и разоблачения преступников в структуре уголовного розыска помимо оперативно-сыскного подразделения создавались вспомогательные отделения: фотографическое, регистрационное, антропологическое и др. Кроме того, Положением изначально определялись конкретные меры повышения профессионального мастерства сотрудников управления. Были организованы «курсы подготовки лиц, занимающихся уголовным розыском», их руководитель входил в штаб петроградского управления уголовного розыска.

В своей деятельности сотрудники управления согласно правительственному решению руководствовались инструкцией для общей милиции, издаваемой прокурором судебной палаты.

Для наблюдения за законностью действий столичного уголовного розыска создавался специальный надзорный орган - совет при управлении в составе «столичного мирового судьи, по назначению мирового съезда, одного из столичных судебных следователей, по избранию собрания следователей, трех представителей городского общественного управления, по одному представителю от Совета солдатских и рабочих депутатов, градоначальства и общей милиции, представителя столичной адвокатуры, по избранию совета присяжных поверенных, представителя военного

ведомства, по назначению начальника Петроградского гарнизона, и, наконец, начальника столичного управления уголовного розыска». Возглавлял его прокурорский работник («лицо прокурорского надзора»), назначаемый прокурором судебной палаты. Помимо общего надзора за деятельностью уголовного розыска, данный совет брал под особый контроль законность задержания подозреваемых; разбирал факты волокиты рассмотрения материалов («имеет суждение об устранении медленности в производстве дел»), жалобы на сотрудников управления, и в случае обнаружения в их действиях состава преступления возбуждал через прокурора уголовное преследование; анализировал и утверждал отчеты по борьбе с преступностью и др. В целом совет «оказывает моральную и фактическую помощь служащим управления уголовного розыска в исполнении возложенных на них обязанностей», - подчеркивалось в Положении. (8)

Региональная законотворческая практика существенно дополняла и конкретизировала столичные инструктивные указания. Летом 1917 года под руководством начальника милиции города Троицка и уезда Оренбургской губернии Е. Чорбы была разработана инструкция южноуральским милиционерам. Источниками данного документа являлись Свод Законов Российского государства, решения Временного правительства, а также акты местного правотворчества.

Определялась основная цель милицейской службы – «помощь каждому не только по востребованию, но и, не выжидая просьбы о том, если только видно, что кто-либо в ней нуждается». Среди основных задач, поставленных инструкцией перед Троицкими милиционерами, таких как: требование с достоинством и настойчивостью («при том вежливо, а отнюдь не грубым и обидным образом») от каждого гражданина исполнения законов и распоряжений самой милиции; прекращение всяких беспорядков; стояла и задача преследования и задержания преступников.

В первую очередь сотрудники милиции на своих постах должны были пресекать всякие криминальные деяния. «В случае совершения кем-либо преступления или проступка как-то: убийства, насилия, увечья, поджигательства, разбоя, грабежа, кражи, мошенничества, нарушения общественной безопасности и спокойствия и т. п., виновных следует доставить в управление

участка, по возможности выяснить и записать свидетелей», - четко регламентировала инструкция должностные обязанности. При этом милиционерам предоставлялось право проникновения в частное жилье. В сущности, право заходить в квартиры инструкцией дозволялось в трех случаях: 1) при преследовании преступника по горячим следам, если он скрылся в чьем-либо жилье; 2) если в чьей-либо квартире совершается или уже совершено преступление; 3) по поручению начальства или по требованию владельца квартиры. Задержав преступника, постовой милиционер должен был, по возможности при свидетелях, произвести личный его обыск для обнаружения огнестрельного или холодное оружия. (9)

На Урале подразделения уголовного розыска начали создаваться после выхода вышеуказанного «Положения» Временного правительства. В Оренбурге было сформировано губернское бюро по раскрытию уголовных преступлений. Возглавил его Н. Л. Феер-Патаки, находившийся на этом посту до конца декабря 1917 года и вынужденный уйти со службы в результате серьезного огнестрельного ранения. Первоначально штат нового правоохранительного учреждения был небольшой. Однако обострение криминогенной обстановки, как в центре, так и на местах, вызванное в немалой степени известной амнистией Временного правительства, вынудили местные власти увеличить штатную численность розыскных подразделений. К маю 1917 года их оперативный состав возрос до 34 человек (начальник, три его заместителя, 6 старших и 24 младших агентов). Кроме того, в бюро входил и другой персонал: столоначальники, письмоводители, журналист и архивариус.

Вскоре по образцу столичного уголовного розыска произошли и другие структурно-организационные изменения. Созданы адресный стол, фотолаборатория, регистрационное бюро и арестантская камера. Началось фотографирование преступников и постановка их на специальный карточный учет. Изменения коснулись и названия самого учреждения, оно было переименовано в Уголовное бюро. Немалое внимание уделялось организации агентурной работы. Для внедрения и эффективного использования негласных сотрудников в воровской среде в бюджете уголовного бюро ежемесячно выделялось 666 руб. 66 коп. После захвата власти в Оренбурге в ноябре 1917 года казачьим атаманом А. И. Дутовым структура и штаты уголовно-розыскного учреждения не изменились. (10)

Глава 8. Становление советского уголовного права: региональный аспект

После свержения Временного правительства, установления советской власти и началом формирования пролетарского права, в том числе и уголовного, встал вопрос с какими криминальными деяниями в новых условиях необходимо бороться сыскным подразделениям. Следовало определить как общеуголовные институты, так и конкретные составы преступлений.

В первые годы советского государства (до издания в декабре 1919 года «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР») не было единого республиканского уголовного кодекса, иных сводов норм уголовного права. В качестве источников советского уголовного права выступали дореволюционное законодательство (до постановления ВЦИК от 30 ноября 1918 года), революционное правосознание масс, но основными источниками данной правовой отрасли являлись отдельные декреты и решения Всероссийских съездов советов, ВЦИК, Совнаркома, ВЧК, приказы наркоматов, акты местных органов власти, приговоры революционных трибуналов и даже приказы и распоряжения командиров воинских частей. Данный порядок образования норм уголовного права предоставлял судебным органам, чрезвычайным следственным комиссиям, а также подразделениям уголовного розыска по своему усмотрению трактовать составы преступлений определять за них меру наказания и, как следствие, давал возможность действия таким древнейшим (рабовладельческим и средневековым) принципам, как целесообразность, казуальность, сословность наказания, объективное вменение, обратная сила закона и др. К апрелю 1918 года Совнаркомом и ВЦИК было принято 17 специальных уголовно-правовых декретов и 15 актов об отдельных составах преступления, а к концу июля их было соответственно 40 и 69. (1) Уральские губернские, уездные, волостные и сельские советы издали гораздо больше постановлений и решений, включавших сотни уголовно-правовых норм.

Если с контрреволюционными преступлениями боролись ЧК, то с деяниями общеуголовного характера приходилось, в первую очередь сталкиваться подразделениям уголовного розыска.

Ряд местных законоположений определял уголовную ответственность красногвардейцев и народных дружинников за должностные преступления - злоупотребление властью и превышение служебных полномочий. Оренбургский губернский военно-революционный штаб 29 апреля 1918 года установил «ответственность по всей строгости военно-революционного закона» красногвардейцев, учинявших «насилия» над военнопленными Австрии и Германии, которые, как отмечал штаб, в последнее время участвовали. (2) В Уфимской губернии военный комиссариат 9 мая 1918 года в воззвании к рабочим и крестьянам об оказании помощи дружинникам в реквизиции «хлебных излишков» устанавливал следующие нормы ответственности: «Если же отряды неправильно работают, хулиганствуют, словом, нарушают законы рабоче-крестьянской власти, просим об этом сообщать в штаб (адрес: Уфа, Введенская улица, дом Епархиального училища) и с ними будет поступлено по всей строгости законов». (3) Президиумы Вятского губисполкома, городского и уездного исполкомов 29 мая 1918 года издали приказ «Об установлении в воинских отрядах и частях строгой революционной дисциплины», где перечислялись составы преступлений, за совершение которых красноармейцы подвергались уголовной ответственности. «На красноармейцев (членов отрядов), допускающих грабежи, убийства и насилия, - гласил приказ, - налагать самые суровые наказания - до расстрела включительно». (4)

Следующую группу деяний можно определить как преступления против порядка управления, общественной безопасности и спокойствия граждан. Уже в приказе № 1 «Об охране революционного порядка в городе» от 26 ноября 1917 года Челябинский военно-революционный комитет строго предупреждал население города: «Все попытки к погрому, насилию, нарушению революционного порядка будут пресекаться в корне». В приказе № 2 отмечались уже более конкретные уголовные санкции - конфискация всего имущества и тюремное заключение до 3-х лет. (5) Волостные комитеты также обозначали, с какими составами преступления они будут бороться в первую очередь, 18 января 1918 года был образован военно-революционный комитет в Куртамыше для борьбы с такими преступлениями, как пьянство, грабежи и хулиганство. (6)

К преступлениям этой группы относилось и неисполнение распоряжений местных органов власти. Народный суд деревни Милюковки Челябинского уезда за неподчинение постановлениям совета крестьянских депутатов установил конкретную санкцию - штраф 20 рублей. (7) Исполком Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов в постановлении «Об обложении местных капиталистов на нужды Красной Армии» от 28 февраля 1918 года ввел нового специального субъекта местного пролетарского уголовного права. Обложив уральских капиталистов суммой в 10 миллионов рублей, исполком установил, в случае ее неуплаты в трехдневный срок не все «буржуи», а только «наиболее крупные капиталисты» будут переданы суду революционного трибунала и у них конфисковывалось все имущество. (8) Гораздо «круче» и в то же время проще было отдано распоряжение Вятским губернским комиссаром финансов о том, что лица, нажившие капитал от полумиллиона и выше за время империалистической войны, половину его обязаны были сдать в распоряжение советов. «Уклоняющиеся каким бы то ни было образом от уплаты налога, - устанавливал уголовную ответственность губернский чиновник, - будут беспощадно предаваться суду Военно-революционного трибунала». (9)

В Пермской губернии в апреле 1918 года к фабрикантам, заводчикам, купцам, спекулянтам, учетчикам, содержателям гостиниц, номеров, садов, кафе-чайных и «вообще эксплуататорам», отказавшимся выплачивать наложенный губисполкомом дополнительный денежный налог, применялись «самые репрессивные меры, вплоть до ареста, тюремного заключения и ссылки на принудительные работы в шахты и рудники». (10)

Устанавливались ответственность и за нарушение общественной безопасности. Оренбургский военно-революционный штаб 28 апреля приказал всем уголовникам, грабителям и хулиганам в 24 часа покинуть пределы города. По истечении срока штаб устанавливал для этих преступников только одну санкцию – «расстрел на месте без всякого суда и следствия». И далее штаб пополнил эту группу новым составом преступления: виновные в производстве бесцельных и ненужных выстрелов в городе привлекались к судебной ответственности. (11)

Свои виды наказания за нарушения общественного порядка определяли и деревенские комитеты. В Якшинской волости Вятской губернии в апреле 1918 года за хулиганство и оскорбления органы советской власти налагали штраф, а «с кого не взять штрафа» наказывали розгами, т. е. продолжалось феодальное право телесных наказаний, кстати, уже отмененное Временным правительством. (12) Аналогичные санкции применялись и в деревнях Оренбургской губернии. Куликовский волостной совет Верхнеуральского уезда 25 мая 1918 года установил, что за хулиганство, нарушение тишины и спокойствия виновные подвергались штрафу в сумме 25 рублей или аресту на 5 суток с исполнением общественных работ. Но наиболее опасным сельским правонарушением признавались азартные игры в орлянку, карты и др., а виновные наказывались штрафом в сумме 100 рублей или месячным арестом. (13)

Следующим составом преступления этой группы являлось незаконное хранение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. На Урале в первые месяцы новой власти наиболее активно проходила борьба с этими преступлениями в уездном Троицке. Командир «Северного летучего отряда» мичман С. Д. Павлов 26 декабря 1917 года приказом № 1 устанавливал, что всякого рода оружие, находившееся у граждан без разрешения совета, необходимо было сдавать в штаб отряда в трехдневный срок. «Виновные в нарушении сего, - утверждалось в приказе, - будут подвергаться военно-революционному суду». (14) Через месяц, 28 января 1918 года, Троицкий совет приказом № 4 расширил диспозицию данной нормы, добавив к преступному хранению еще и запрет на куплю и продажу оружия и боеприпасов. (15) В губернском центре, Оренбурге, военно-революционный комитет аналогичный приказ издал 11 февраля, расширил понятие «незаконное оружие», приплюсовав к огнестрельному еще и холодное оружие и взрывчатые вещества. (16) Челябинский исполком 23 марта установил определенную санкцию - немедленная конфискация оружия, привезенного с военной службы. (17) Более жесткую по сути угрозу (санкцию) 23 апреля обозначил Оренбургский губернский военно-революционный штаб: «Сдать в штаб все имеющееся на руках у казаков огнестрельное и холодное оружие и все боеприпасы, патроны и снаряды. ... В случае неис-

полнения станица Вязовская будет считаться в состоянии войны с Советской властью и против нее будут начаты военные действия». (18) В Пермской губернии Совет комиссаров Шадринского совета распоряжением от 23 января 1918 года за незаконное хранение оружия увеличил штраф до 10 000 рублей не только для физических, но и юридических лиц. (19)

К этой же группе преступлений относился самочинный захват или перераспределение земель. Троицкий уездный совет распоряжением от 17 апреля 1918 года установил: «Никаких самочинных земельных выступлений не производить как со стороны местного населения, так и со стороны местных советов. Виновные в нарушении данного приказа, как жители местного населения, так и члены местных советов или комитетов будут предаваться суду военно-революционного трибунала, и караться по всем строгостям революционного закона». (20)

Еще одну большую группу деяний можно обозначить как экономические, хозяйственные и преступления против собственности, хотя часть их однозначно относилась к контрреволюционным. В первую очередь это, конечно же, спекуляция, признаки состава которой были раскрыты оренбургской газетой «Казачья правда» в марте 1918 года: «Ничего не производя сам, он (спекулянт - Авт.) не оказывает обществу также услуг посредника по сбыту товаров, какими являются продавцы. Он ограничивается тем, что своей хитростью, мародерством вырывает у потребителей, а главным образом у бедноты, значительную часть их заработка. Спекулянт - это настоящий разбойник с большой дороги, это грабитель, который ничего не производя, буквально грабит у производителя труд его и вместе с тем заставляет потребителя покупать их у себя по неслыханно дорогой цене, которую они специально с этой целью вздувают». (21) Председатель Уфимского ревкома А. И. Свидерский внес свой вклад в развитие уголовного права. В докладе губернскому совету 20 января 1918 года общее понятие спекуляции он разделил на квалифицирующие ее признаки - мелкую и крупную. (22) Одним из способов борьбы с этим преступлением стало установление твердых цен на товары. В Уфимской губернии 17 января 1918 года контрольно-распределительная комиссия запретила владельцам кожевенных заводов, торговцам и предпринимателям покупать и, главное,

продавать товар свыше установленных нормированных цен, нарушившие это требование подлежали суду революционного трибунала. (23) 17 февраля I-й Богоявленский районный съезд советов крестьянских депутатов и земельных комитетов строго предупредил население о том, что свободные рыночные цены не допускаются, всякая покупка и продажа хлеба должна производиться только по твердым ценам, нарушители этого, а также укрыватели хлебных запасов предавались революционному суду. (24)

К борьбе с этим явлением призывал и Челябинский совет: «Если вы знаете, что мародеры-спекулянты не повинуются Советской власти, берут высокие цены за товары, немедленно арестовывайте их, доставляйте в местные волостные советы, - говорилось в одном из его постановлений, - которые предают таких лиц суду революционного трибунала». (25) Под влиянием уездной власти аналогичные решения принимались в волостях. Совет крестьянских депутатов деревни Галановой Воскресенской волости 30 марта 1918 года определил четыре пути поддержания общественного порядка: организация дружины; конфискация оружия; инвентаризация хлеба, скота, инвентаря и борьба со спекуляцией. «Нашим советом принимаются самые решительные меры вплоть до ареста против спекуляции, - сообщал его председатель, - И благодаря Воскресенскому волостному совету, как высшему органу, спекуляция в волости искореняется, даже леса не вывозятся в соседние деревни». (26) В Челябинском уезде спекулянты привлекались к уголовной ответственности, 8 марта 1918 года у владельца типографии М. А. Бреслина были конфискованы предметы спекуляции: 3000 пудов типографской бумаги, 690 000 конвертов, 10 000 художественных открыток, 800 пудов желтой оберточной бумаги и 450 дюжин замков. (27) Конфискации, как правило, проводились отрядами красногвардейцев. Так, 3 января 1918 года Челябинский военно-революционный комитет выдал мандат комиссару Красной гвардии А. Л. Борчанинову для производства конфискации и реквизиции «табаку, продаваемого по явно спекулятивным ценам». (28) Процессы над спекулянтами продолжались, 18 апреля начальник Шумихинской почтовой конторы Зарембо за «деятельность спекулятивного характера» (фактически контрреволюционную) Челябинским революционным судом был приговорен к смешному наказанию – «смещен на низшую должность». (29)

В Вятской губернии для борьбы со спекуляцией принимались решительные меры, в первую очередь, в организации торговли по твердым ценам, в этих целях в уездах принимались соответствующие решения. «Комитет знает, что некоторые торговцы, - говорилось в постановлении Малмыжского уисполкома 28 февраля 1918 года, - на первых порах потерпят известную долю убытка от продажи, но пусть они с этим примирятся за счет нажитых за последние месяцы барышей. Если с утра 1 марта (нового стиля) торговцы не приступят к торговле, то все товары, как находящиеся в лавках, так и по домам будут конфискованы». (30) Помимо этого местные органы власти стимулировали граждан на поиск укрытых предметов спекуляции, например, хлеба и других продуктов питания. II-й губернский съезд советов применил древнейший рабовладельческий метод, в соответствии с которым раб, донесший на хозяина, получал свободу. Так и советская власть начала плодить доносчиков. «Лица, способствующие обнаружению хлеба и сообщившие местному отделу снабжения местоположение скрываемого хлеба, - определялось в решении съезда 20 апреля 1918 года, - получают в виде вознаграждения по 2 рубля за каждый пуд обнаруженного хлеба». А виновных в сокрытии хлеба, подвергали штрафу до 3 тыс. рублей и, естественно, конфискации всего найденного у них зерна. (31)

Следующим по тяжести экономическим преступлением, соприкасавшимся со спекуляцией, являлось мешочничество. Малая советская энциклопедия мешочничество определяла как провоз хлеба и других нормированных продуктов с целью спекуляции, оно наносило огромный вред государству, так как во время голода и разрухи нарушало организованное снабжение населения продуктами и содействовало реализации скрытых от государства хлебных и других излишков. (32) Пермский губисполком 25 февраля 1918 года принял постановление «О борьбе с мешочничеством», которое включало следующее определение мешочников – «просто спекулянты, занимающиеся скупкой хлеба небольшими партиями и продающие его по огромным ценам в голодных местах и чаще сознательно, с корыстной целью вредящими делу продовольствия». Далее предусматривались меры уголовного воздействия, во-первых, «неукоснительная» конфискация провозимых продуктов, от нее освобождались личные запасы не

свыше 20 фунтов в целом, в том числе: муки или хлеба не более 10 фунтов, масла 2 фунта, мяса 3 фунта. Постановлением определялись и квалифицирующие признаки этого преступления: если мешочник оказывал сопротивление, он немедленно подвергался аресту и предавался суду революционного трибунала, но если это было вооруженное сопротивление - он расстреливался на месте. Это постановление вывешивалось во всех продовольственных учреждениях, и на всех железнодорожных станциях губернии и было издано в печати. (33)

Далее можно выделить различного рода хищения, присвоения, растраты, нарушения правил торговли и т. п. Важным объектом преступного внимания на Урале был лес, который в условиях разрухи и хаоса расхищался (впрочем, как и сейчас) безобразным образом. В Пермской губернии в январе 1918 года Ирбитский районный крестьянский съезд установил факты («ввиду точных указаний») массового хищения леса жителями деревень «Гасковской и др. Мироковской волости Верхнетурского уезда, д. Молоновой Шмаковской волости, д. Кочневой, Малой и Большой Аникшах Камышловского уезда, д. Распанихи». Съезд попросил местные земельные комитеты посчитать нанесенный ущерб («количество штук похищенных деревьев») и вынес, не дождавшись результата, «жесточайшее» наказание расхитителям народного добра: «Немедля (!) указать им на нехороший с их стороны поступок и воспретить дальнейшую попытку порубки леса». (34)

Такие просьбы советской власти, вполне естественно, не имели действенной силы и лес продолжали вырубать и расхищать. Шадринский съезд крестьянских депутатов 22 марта 1918 года решил применить более жестокие меры, учитывая повторность совершения данного преступления: «Штрафовать самовольных порубщиков общенародного леса: первый раз - тройным размером таксовой стоимости леса, второй раз - в пять раз против таксы, в третий раз – арестом». (35) Аналогичные санкции предлагал применять к ворам и Екатеринбургский уездный комиссар по управлению лесами: «Налагать штрафы и привлекать их к ответственности». (36)

К этой группе относилось и присвоение живого и мертвого инвентаря разгромленных имений, т. е. фактически хищение иму-

щества, уже объявленного общественным. «Все лица, как производящие разгром имений, так и не желающие вернуть расхищенный инвентарь, скот и др., - объявлялось в приказе Оренбургского военно-революционного комитета 23 февраля 1918 года, - будут рассматриваться как вредящие своему трудовому народу и будут предаваться суду военно-революционного трибунала». (37)

Хищениями занимались и должностные лица и рабочие советских учреждений и промышленных предприятий. В апреле 1918 года в Златоусте Уфимской губернии проводилось расследование о хищении продуктов в еще работавшем земстве. (38) Привлекались к уголовной ответственности и «несуны». «Заподозренные лица в выносе каких-либо вещей за пределы предприятия могут быть обысканы, - устанавливало данную норму собрание рабочих и служащих мукомольных мельниц Челябинского района 15 мая, - в случае обнаружения краденного, немедленно увольняются и предаются народному суду». (39)

Продолжали иметь место и такие традиционные преступления против собственности, как грабежи, кражи, притом в силу экономической значимости, отдельно выделялось конокрадство. Весной 1918 года «за покушение на ограбление кооперативной лавки в Сатке (Уфимской губернии) вор был пойман и расстрелян». (40) В связи с грабежами и кражами на Урале получил свое развитие институт соучастия. Общее собрание Благовещенского волостного совета 28 января 1918 года установило уголовную ответственность за рецидив соучастия: «Лиц, уже раз оштрафованных в укрывательстве и приеме краденых вещей, предать революционному суду». (41)

Устанавливалась уголовная ответственность и за незаконные сделки и нарушения правил торговли. В Уфе, в апреле 1918 года, юридические («правительственные учреждения») и должностные лица за совершение сделки купли-продажи земли подвергались штрафу до 3 000 рублей, а при платежной несостоятельности заключались в тюрьму на срок до трех месяцев. (42) «Оригинальное» нарушение правил торговли пресек Ярковский волостной совет Орловского уезда Вятской губернии принятым постановлением «О борьбе с торговлей невестами при выходе в замужество» 28 января 1918 года. «Ввиду развившегося в волости обычая брать за невесту с жениха выкуп (гонорар), доходящий до тысячи

рублей, воспретить торговлю женщинами; при выходе в замужество невесты воспрещается брать с жениха выкуп (что было при отжившем крепостном праве). Лица, не исполняющие настоящего постановления, подвергаются штрафу в народные суммы волости в двойном размере взятого выкупа с обеих сторон», - гласил этот советский документ. (43)

Вполне естественно, имела место и группа традиционных преступлений против личности, в первую очередь, - убийство. Известный факт - убийство в Екатеринбурге группой лиц командира красногвардейского отряда Мясникова в декабре 1917 года. Наказанием преступникам явилось лишение свободы на сроки от 2 до 15 лет с обязательным привлечением к принудительному общественному труду. (44) Следующим составом этой группы было истязание, причинение телесных повреждений, за совершение которых, например, суд д. Милюковка гражданина Ермолаева арестовал на 3 суток. (45) Наказывались и другие деяния, Куликовский совет Верхнеуральского уезда постановил, что за оскорбление кого-либо словом подвергать штрафу в сумме 25 рублей или аресту на 5 суток с применением общественных работ, а за оскорбление физическим действием - штраф 75 рублей или арест на 15 суток. (46)

Таким образом, в первые месяцы советской власти на Урале, как и по всей стране, получило развитие новое советское уголовное право. Несмотря на то, что в соответствии с принципом тотальности права, невозможно четко отделить его нормы от норм административного, трудового, гражданского, но с полной уверенностью можно сказать, что стала оформляться отдельная правовая отрасль с общими и особенными институтами.

Это был не исчерпывающий перечень преступных деяний, с которыми приходилось сталкиваться сотрудникам уральского уголовного розыска. Необходимо отметить, что и в других регионах, а также в центре диапазон деятельности сыскных подразделений был аналогичным. Подтверждением этому может служить работа петроградского уголовного розыска. «На первых порах приходилось участвовать в политических расследованиях, делах о должностных преступлениях, саботаже, спекуляции и др. Лишь на вторую половину 1918 года приходятся первые попытки систематизировать его работу», - утверждает, ссылаясь на архивные материалы, санкт-петербургский исследователь В. И. Мусаев. (47)

Глава 9. Создание советского аппарата уголовного розыска на Урале

В первые недели советской власти Оренбургское уголовное бюро по инерции продолжало свою оперативно-розыскную деятельность. Но в конце января 1918 года губернский военно-революционный комитет, реализуя решения III-го Уральского областного съезда советов рабочих и солдатских депутатов, ликвидировал все правоохранные подразделения Временного правительства. А приказ первого комиссара Военно-народной охраны И. Ф. Лобова, заменившей прежнюю милицию, так конкретизировал этот процесс: «Довожу до сведения Оренбургской городской милиции, что постановлением Временного Военно-революционного комитета Городская милиция, как таковая, ликвидируется совершенно. Ввиду этого приказываю Начальникам участков и Начальнику уголовного бюро все дела, имущество и казенные суммы приготовить к сдаче... Все служащие в милиции, как начальники, так же старшие и младшие милиционеры... считаются уволенными». (1)

Около месяца в Оренбурге не было специального учреждения по борьбе с профессиональной преступностью. В связи с этим, вполне понятно, вновь обострилась криминогенная обстановка, в первую очередь в самом губернском центре. Произошел всплеск насильственных преступлений, о чем могут свидетельствовать следующие факты. 1 февраля 1918 года было совершено разбойное нападение на квартиру М. Меншова, проживавшего в Жуковском переулке, хозяин убит; 6 февраля – убийство обывателя М. Бабришина; 7 февраля – у себя в квартире обнаружен труп 28-летней хозяйки А. А. Добровской; 13 февраля – также на квартире убит гражданин П. В. Архангельский, в тот же день на ул. Ташкентской обнаружен труп неизвестного мужчины. (2)

Комиссар Военно-народной охраны Лобов быстро понял, что без профессиональных сыщиков и хорошо налаженной агентурной сети невозможна эффективная работа по предупреждению, раскрытию, расследованию преступлений и розыску бандитов. Уже с середины февраля 1918 года при Военно-народной охране начал функционировать малочисленный отдел уголовной разведки. И как писала местная пресса: «Все усилия прилагаются к тому, чтобы борьба с преступным элементом велась

более успешно». Находилось это оперативное учреждение в здании бывшего прокурора окружного суда на углу улиц Николаевской и Инженерной. Основной упор добычи сведений о преступлениях и бандитах делался на получение информации от населения. Всем гражданам предлагалось обращаться в отдел уголовной разведки «со всеми заявлениями о кражах, грабежах и вообще о всех происшествиях». Местная власть на страницах печати заявляла, что «уголовное бюро» будет вскоре реформироваться.

Через месяц своей правоохранительной деятельности, 9 марта 1918 года, И. Ф. Лобов обратился в военно-революционный комитет с настойчивой инициативой о создании при Военно-народной охране отдела уголовного розыска в составе 13 агентов. «В последнее время страшно увеличилось количество грабежей, краж, убийств и т. д., - аргументировал Лобов образование этого расширенного сыскного отдела, - и кроме того из других городов поступает масса переписок о доследовании разных незаконченных преступлений, а при военно-народной охране нет сейчас специального отдела для раскрытия и ведения подобных дел и я считаю положительно необходимым немедленно создать учреждение, главной задачей которого будет тайная и явная борьба с преступным элементом, предупреждение преступлений и раскрытие преступлений уголовного характера уже совершенных и т. д.». (3) Аргументировав свою просьбу таким образом, Лобов сумел убедить губернскую власть в острой необходимости организации профессионального розыскного учреждения. И на следующий день военно-революционный комитет принял постановление № 23 «О немедленном создании Оренбургского Отдела Уголовного розыска» в следующем штатном расписании: 1) начальник отдела (1 чел.); 2) помощник начальника отдела (1 чел.); 3) служащий уголовного розыска (агенты) (13 чел.); 4) делопроизводитель (1 чел.); 5) помощник делопроизводителя (1 чел.); 6) машинистка (1 чел.); 7) фотограф (он же регистратор) (1 чел.); 8) помощник фотографа (1 чел.). Всего – 20 человек. Был рассмотрен и вопрос финансирования, на ежемесячную оплату труда оперативных сотрудников выделялось 2400 руб. (4)

Преемник Лобова в должности комиссара Военно-народной охраны А. М. Бурчак-Абрамович продолжил укрепление уголовного розыска. В середине марта 1918 года его штат был увеличен

до 30 человек, потому что, как справедливо отмечала местная пресса ранее «было трудно вести борьбу с преступными элементами малыми силами». (5) Подтверждением нашего тезиса о преемственности подразделений уголовного розыска служит и тот факт, что отдел уголовной разведки Военно-народной охраны возглавил сотрудник бывшего уголовного бюро Временного правительства В. А. Шаров. Под его руководством авторитет подразделения возрос настолько, что преступники делали неоднократные попытки физического уничтожения розыскников. Так, например, 7 апреля 1918 года группа неустановленных лиц, вооруженных винтовками и револьверами, ворвалась в служебное помещение отдела уголовной разведки и расстреляла пятерых сотрудников. (6) В ответ на это по указанию Бурчак-Абрамовича к бандитам принимались жестокие меры. На заседании Совета комиссаров губисполкома руководитель Военно-народной охраны докладывал, что к уголовникам применяются «самые суровые меры, вплоть до расстрела преступника на месте преступления». (7)

Необходимо отметить, что формировавшемуся аппарату уголовного розыска, к сожалению, приходилось в большей степени бороться не столько с профессиональной преступностью, сколько участвовать совместно с отрядами Красной гвардии и Военно-народной охраной в подавлении различных массовых выступлений против советской власти.

Аналогичные процессы, в первую очередь преемственность уголовно-розыскных подразделений Временного правительства и советов рабочих и солдатских депутатов, происходили и в уездах Оренбургской губернии.

В Челябинске органами самоуправления перед городской милицией в числе многих была поставлена задача борьбы с преступностью («преследование воров, убийц и тому подобных преступников») главным образом через организацию уголовно-розыскного подразделения.

Работу по реализации этой задачи осуществлял помощник начальника городской милиции по уголовному сыску Н. М. Костин, возглавивший сформированное еще в июне 1917 года новое розыскное учреждение – уголовно-сыскного бюро. Благодаря энергичным действиям сотрудников, в первую очередь начальника, вскоре создавшего своеобразный криминалистический музей из

многочисленных орудий преступлений, уголовно-сыскное бюро Челябинской городской милиции, по оценке Оренбургского окружного прокурора, было лучшим в губернии. Профессиональный авторитет Костина был настолько высок, что предпринимались даже попытки переманить его большим жалованием на работу в соседние уезды. Троицкая городская дума, например, приняла специальное решение о приглашении Костина на милицейскую службу с годовым окладом в 500 рублей. Но тот все предложения отвергал, а в сентябре 1917 года вообще уволился из правоохранительных органов по собственному желанию (причина нами не установлена). (8)

После утверждения советской власти в Челябинске бюро уголовного сыска продолжало функционировать при новом правоохранительном органе – Штабе охраны города. Начальником розыскного подразделения был назначен 25-летний А. П. Агапов, служивший при Временном правительстве начальником одного из городских участков милиции. Человек, можно сказать, беззаветно служивший делу розыска преступников, а не каким бы то ни было политическим режимам. Послужив, как было сказано, Временному правительству и советам, он, после чехословацкого мятежа, возглавил Челябинскую уездную милицию, продолжил борьбу с общеуголовной преступностью. Более того, после освобождения Урала от белогвардейцев, выехал в соседний Казахстан, где вскоре стал работать начальником Актюбинской уездной милиции (9)

В первую очередь главной обязанностью бюро уголовного сыска являлось, вполне естественно, противостояние уголовному криминалу: убийствам, грабежам, разбоям, кражам, хищениям т.п. Так, например, в середине марта 1918 года бойцами Штаба охраны был арестован и помещен в городскую тюрьму бывший поручик В. А. Петроцкий, командир батальона 139-го пехотного Маршанского полка, который похитил солдатское жалование и дезертировал из полка. (10)

Некоторые лица, подозреваемые в совершении преступлений, пытались избежать уголовной ответственности, предлагали взятки сотрудникам уголовного розыска. В начале марта 1918 года младшему милиционеру Челябинского бюро уголовного сыска Владимирову гражданином А. Кузнецовым, подозреваемом в

краже, была предложена взятка в тысячу рублей. Взяткодатель был задержан, кредитный билет конфискован, а Владимиров «за честное исполнение служебных обязанностей назначен старшим милиционером». (11)

Однако не все сотрудники уголовного розыска являлись образцом правомерного поведения. Нарушители привлекались к различным видам ответственности, либо изгонялись со службы. Так, например, как ранее нами отмечалось, 13 марта 1918 года «за буйство в пьяном виде» был уволен из органов старший помощник начальника Челябинского бюро уголовного сыска Нагорных, на его место назначен начальник 5 участка Штаба охраны города Ястребов. (12)

Криминогенная обстановка в городе и на территории уезда с каждым месяцем обострялась. «Погромное движение, самогонка, дезертирство, волна самоубийств, убийства, грабежи, конокрадство, порубка леса», - отмечала по этому поводу в декабре 1917 года челябинская пресса. Данное тяжелое положение усугублялось большой кадровой проблемой в милицейских подразделениях - «отсутствие опытной деловитости, так называемой тренировки в виду случайного подбора людей». (13) В этих условиях отдельные участковые руководители милиции не оставались равнодушными к проблемам организации и деятельности подразделений уголовного розыска на местах.

Начальник милиции 5-го участка Челябинского уезда С. Антипин видел два пути решения проблемы борьбы с преступностью: либо увеличение штатов милиции, либо создание в волостях уезда профессиональных уголовно-сыскных отделений. Первый путь, по его мнению, был менее эффективен, в первую очередь потому, что на новые места подобрать необходимого количества «людей, подходящих в смысле увеличения продуктивности их работы очень трудно». Прекрасно понимая, что вопрос комплектования милиции был очень сложным, Антипин справедливо отмечал: «Тревожная сама по себе служба далеко не является заманчивой для хороших работников».

Второй путь улучшения криминогенной обстановки был более действенен. В его защиту начальник милиции 5-го участка выдвигал два веских довода: «1) с открытием уголовно-сыскных отделений уменьшится работа для милиции, разгрузка ее от

непосильного труда будет благотворно, в смысле нетрудного подбора милиционеров и увеличения ценности их работы; 2) будет раскрыто больше преступлений, а потому уменьшится и вообще количество их, так как специалисты уголовного сыска будут отдаваться всецело только своему делу не беспокоясь о том, как идет взимание податей и т. п. Уголовный сыщик будет знать только одно дело: разыскивать преступников и, безусловно, будет иметь все средства и принимать все способы для выполнения своей задачи. Совсем другое дело милиция, которая перегружена всевозможными поручениями и делами, начиная с доставления статистических сведений, в роде цены на столбы и лопаты, и кончая протоколами супружеских ссор». Более того, Антипин определил «наиболее подходящие» места дислокации уголовно-сыскных отделений: Чумляк, Шумиха и Куртамыш. (14) К сожалению, до начала гражданской войны полностью реализовать этот проект в Челябинском уезде не удалось, что отрицательно сказалось на криминогенной обстановке в регионе.

Отсутствие в уральских волостях необходимого числа сотрудников уголовного розыска являлось одной из основных причин низкой раскрываемости преступлений, в первую очередь такого распространенного состава, как кража, чему свидетельствуют некоторые выразительные примеры. Так, в мае 1918 года у жителей Верхнеуральска, особо страдавших от проникновения в город преступных элементов из соседней Уфимской губернии, было украдено более 100 голов лошадей. К сожалению, данные факты конокрадства агентами угро так и не были раскрыты. (15)

Еще одним подтверждением преемственности большевиками организации аппаратов уголовного розыска по образцу Временного правительства служило мартовское решение Челябинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о переподчинении бюро уголовного сыска от Штаба охраны города комиссариату юстиции (при Временном правительстве – Министерству юстиции). (16)

Советские подразделения уголовного розыска были образованы и работали в других уездах Оренбургской губернии.

С января 1918 года в Троицке «в целях пресечения уголовных преступлений» функционировала советская уголовная милиция. Уездные власти стремились поставить ее деятельность в опреде-

ленные процессуальные рамки. Приказом № 2 исполкома городского совета данному розыскному подразделению предоставлялось исключительное право «производить обыски и аресты без особых мандатов совета». Результаты обысков сотрудники уголовной милиции должны были оформлять соответствующим процессуальным образом - составить протокол, подписанный лицом, у которого производился обыск, двумя понятыми и агентом уголовной милиции. Нарушители этой процессуальной процедуры строго наказывались - вплоть до «предания Революционному суду». (17)

В Пермской губернии уголовно-сыскные подразделения Временного правительства были переименованы в бюро розыска. К середине марта 1918 года Пермский губисполком обратил внимание на соблюдение соцзаконности в деятельности милиции, особенно в части обязательного возбуждения уголовного преследования за преступную деятельность и проведение дознания. Губернский исполнительный комитет был обеспокоен уровнем раскрытия преступлений, начиная с самой первой его стадии – регистрации неправомερных деяний. Были даны четкие указания: «Принимать и сию же минуту приступать к дознанию... (по) заявлениям, заключающим в себе признаки преступления или проступка, как то: 1) кражи, 2) грабежи, 3) убийства, 6) спекуляции, 7) приготовление разного рода суррогатов, 8) умышленное уничтожение фабрикантом-заводчиком заведения, 9) распространение контрреволюционной пропаганды, направленной против Советской власти, 10) погромной агитации и т. д.», - говорилось в циркуляре исполнительного комитета от 16 марта 1918 года. (18)

В уездных центрах Уфимской губернии также функционировали подразделения уголовного розыска, как правило, в структуре общей милиции. Так, например, в Златоустовском уезде после установления в марте 1918 года советской власти в составе «уездно-городской милиции» продолжало свою деятельность уголовное отделение, образованное еще при Временном правительстве. В его штаты входили начальник с ежемесячным окладом в 300 руб.; его помощник – 275 руб.; 7 агентов – 225 руб. и писец – 200 руб. (19)

Более негативно, по сравнению с другими уральскими губерниями, к институту милиции относились органы советской власти

Вятской губернии. В декабре 1917 года, в первые дни своего функционирования еще временный губисполком с помощью большевистски настроенной части местного гарнизона разоружил городскую милицию. А охрана общественного порядка и обеспечение безопасности граждан легли на плечи солдат, так как отряды Красной гвардии только начали формироваться. Криминогенная обстановка осложнялась еще и тем, что 7 декабря 1917 года губернский исполнительный комитет арестовал за активную антибольшевистскую деятельность при Временном правительстве весь личный состав уголовной милиции и образовал комиссию в составе трех своих членов по расследованию неправомерной, по его мнению, ее деятельности. А экстренно-неотложные следственно-оперативные действия были поручены разрабатывать и производить военной секции губисполкома. (20) Вскоре при ней в целях реализации поставленной розыскной задачи был образован специальный военно-революционный комитет «для борьбы с контрреволюцией и уголовными элементами», - говорилось в постановлении Вятского совета рабочих и солдатских депутатов 30 декабря 1917 года. (21)

Помимо острой кадровой проблемы, отсутствия минимального числа профессионалов-розыскников, к середине весны 1918 года ухудшилось и финансовое обеспечение уголовно-сыскных подразделений. Во всех территориях уральского региона распространилась систематическая практика обложения дополнительными налогами и простыми денежными поборами состоятельного населения городов и сел. В Пермской губернии, например, «было произведено обложение состоятельных классов на сумму 4 014 109 руб. 75 коп., деньги израсходованы на продовольственные нужды, содержание милиции, бюро розыска, Красной Армии и на текущие расходы», - сообщал информационный листок отдела местного хозяйства Народного комиссариата внутренних дел от 25 июня 1918 года. Но и собранных таким экстремистским путем средств катастрофически не хватало. (22) К началу гражданской войны Оренбургский губисполком в связи с обострением не только военной, но и экономической ситуации, вынужден был сократить финансирование аппарата уголовного розыска. В первую очередь расходы на содержание факультативных служб (фотографов, помощников, делопроизводителей) значительно сократились, порой – до полного прекращения финансирования. (23)

Весной 1918 года в уральских губерниях начала складываться единообразная система подчиненности уголовно-сыскных учреждений. С весны 1918 года они входили и, соответственно, находились под началом комиссариатов юстиции. В Оренбурге, например, в мае 1918 года начальник уголовной разведки входил на постоянной основе в состав коллегии губернского комиссариата юстиции. (24) Оренбургская губернская власть приближением уголовно-розыскных подразделений к органам предварительного следствия, входившим в юридические ведомства, в первую очередь преследовала цель более эффективного раскрытия и расследования преступлений. По этому иерархическому образцу начали строиться взаимоотношения аппаратов уголовного розыска с уездными подразделениями юстиции.

Необходимо отметить, что каких-либо указаний центра по этому вопросу не было. Поэтому единообразной системы подчиненности и иерархии аппаратов уголовного розыска в целом на территории всей страны не сложилось. Даже в столицах не было единства. Так, например, в Москве уголовно-розыскной отдел находился в ведении Моссовета, в Петрограде отдел уголовного розыска состоял при окружном суде, а его ячейки – при районных следственных комиссиях. (25)

Таким образом, учреждения уголовного розыска, сформированные органами советской власти на Урале, были децентрализованы и действовали исключительно под руководством местных советов. Целевая система уголовно-сыскных подразделений в Советской России начала складываться только с осени 1918 года, когда в составе Главмилиции было учреждено Центральное управление уголовного розыска. Несмотря на низкую оценку этим учреждением деятельности региональных отделов уголовного розыска в первый год советской власти, данную в одном из отчетов – «фактически розыскного аппарата не было, не было связи между учреждениями, не было регистрации преступников, личный состав был ниже удовлетворительного... Таким образом, Центроузел должен был начать свое дело с самого начала» (26) - практически местные розыскники совместно с красногвардейскими подразделениями, Военно-народной охраной, Боевыми отрядами народного вооружения и др. внесли немалый вклад в борьбу с общеуголовной преступностью в регионе. Урал являлся своеобразной лабораторией, где на практике апробировались как организационные структуры сыскных подразделений, так и методы борьбы с общеуголовной и контрреволюционной преступностью..

РАЗДЕЛ 4. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Глава 10. Создание Всероссийской Чрезвычайной Комиссии

После Октябрьской революции 1917 года главную угрозу государственной безопасности Советской России помимо, вполне естественно, «белогвардейских полчищ и сил Антанты» представляли так называемые контрреволюционеры. Кроме них большой урон молодому государству наносили и общеуголовные преступники: саботажники, спекулянты, взяточники и др.

Если до завоевания власти большевики во главе с В. И. Лениным имели ясное представление о форме правления будущего пролетарского государства как республики советов снизу доверху, то конкретная структура и компетенция учреждений власти вообще не определялась. В системе диктатуры пролетариата, вполне естественно, не планировались и конкретные правоохранительные органы по обеспечению государственной безопасности страны, боровшиеся бы в первую очередь с политическими преступлениями. Мы солидарны с мнением советского исследователя П. Г. Софинова о том, что «подобно тому, как в области военной предполагалось оборонять страну силами армии, построенной по милицейской системе, сопротивление свергнутых классов предполагалось сокрушить при помощи обычных органов власти... без применения чрезвычайных мер». (1)

Организация борьбы с контрреволюционными и иными тяжкими преступлений легла, главным образом, на вновь создаваемые в центре и на местах военно-революционные комитеты. Определенным образцом в этом отношении являлся Петроградский ВРК. «Вплоть до создания ВЧК Военно-революционный комитет являлся главным органом по борьбе контрреволюцией, саботажем, спекуляцией, - утверждал в своем фундаментальном труде «Рождение Советского государства» Е. Н. Городецкий, - ВРК организовывал подавление открытых военных выступлений контрреволюции, антисоветских мятежей юнкеров, Керенского-Краснова и др. ВРК разоблачил и подавил антисоветские заговоры, которые готовили в глубоком подполье контрреволюционеры различных мастей». (2) В постановлении ВРК от 30 октября 1917 года

говорилось: «1) Военно-революционный комитет выполняет дела, порученные ему Советом Народных Комиссаров. 2) В ведении Военно-революционного комитета находится охрана революционного порядка. 3) Борьба с контрреволюцией. 4) Охрана пунктов Советов рабочих и солдатских депутатов и Совета Народных Комиссаров». (3)

При военно-революционных комитетах, а также, начиная со ВЦИК и заканчивая волисполкомами, создавались различные правоохранительные организации: отделы и штабы по борьбе с контрреволюцией, штабы охраны, бюро контрразведки и др. Еще 29 октября 1917 года при Петроградском ВРК была создана «Особая разведка» для борьбы с всякими проявлениями контрреволюции. Основным методом ее работы являлось направление групп разведчиков-красногвардейцев «для предотвращения всяких бесчинств» и т.п. (4) Однако этого одного учреждения с крайне ограниченными функциями было явно недостаточно, поэтому 21 ноября по предложению члена ВРК Ф. Э. Дзержинского и с санкции ЦК партии и Совнаркома в структуре комитета была образована специальная комиссия по борьбе с контрреволюцией (председатель Дзержинский). (5)

В первые месяцы не было никакой централизации, единообразия в структуре и компетенции учреждений, обеспечивавших государственную безопасность в центре и на местах. Более того, мы вынуждены отметить, что после октября 1917 года их образование носило не системный, а казуальный характер, т. к. они создавались по мере необходимости урегулирования какого-то нарушенного правоотношения, чаще всего для ликвидации конкретных деликтов. Так, в ноябре 1917 года страну захлестнули грабежи или, как говорили в то время, погромы винных складов и магазинов. Для борьбы с этим конкретным преступлением в столице 2 декабря 1917 года был создан Комитет по борьбе с погромами, который возглавил сначала член Военно-революционного комитета Г. И. Благонравов, затем – В. Д. Бонч-Бруевич. Перед новым учреждением стояли задачи уничтожения винных складов; ареста всех лиц, виновных в организации погромов; очистка города от хулиганов и контрреволюционеров. В его распоряжение были выделены необходимые военные силы. В первые дни своей деятельности комитет раскрыл связь погромщиков с различными

контрреволюционными организациями, обнаружил тайные склады оружия и явочные квартиры. Несмотря на достигнутые успехи криминогенная обстановка усложнялась. В ночь с 5 на 6 декабря Петроград захлестнули грабежи, бандиты громили лавки, продовольственные и промтоварные магазины, склады. Только в течение получаса Комитет по борьбе с погромами получил 11 сообщений о грабежах. Он не успевал отправлять воинские отряды для прекращения беспорядков. В 3 часа ночи 6 декабря Комитет по борьбе с погромами ввел в Петрограде осадное положение.(6)

После упрочения советской власти чрезвычайные органы ликвидировались или самораспускались, а функции по охране государственной безопасности, борьбы с контрреволюцией и саботажем переходили, как правило, к новым правоохранительным организациям. Такая эволюция происходила, в первую очередь, в центре. По мере совершенствования советского государственного аппарата функции Петроградского Военно-революционного комитета постепенно делегировались различным Народным комиссариатам. Деятельность ВРК постепенно свелась главным образом к борьбе с контрреволюцией и саботажем. 1 декабря 1917 года ВЦИК рассмотрел вопрос о реорганизации Военно-революционного комитета и образования вместо него отдела по борьбе с контрреволюцией. Через четыре дня, 5 декабря, Петроградский ВРК опубликовал объявление о роспуске и передаче его функций Отделу по борьбе с контрреволюцией при ВЦИК. Ликвидация Комитета совпала с обострением политической обстановки. 6 декабря Совнарком рассмотрел вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе». Было принято решение создать особую комиссию для выяснения возможности организации борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер. На пост председателя комиссии была предложена кандидатура Ф. Э. Держинского, которому Совнарком поручил представить к следующему заседанию ее списочный состав и разработать меры по борьбе с саботажем. (7)

На следующий день, 7 (20) декабря 1917 года на заседании Совнаркома была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Временное рабоче-крестьянское правительство поставило перед ВЧК задачи

по «пресечению и ликвидации контрреволюционных и саботажных действий по всей России» и «предание суду Революционного трибунала саботажников и контрреволюционеров и выработка мер по борьбе с ними». При этом комиссии разрешалось проводить только предварительное расследование по делам своей компетенции. ВЧК должна была обращать внимание, прежде всего, на периодическую печать и саботаж, наделялась правом производить конфискации, выселять преступные элементы из городов, лишать продовольственных карточек, опубликовывать списки врагов народа и т.д. После произведенного следствия она должна была передавать дела в Революционный трибунал или прекращать их. (8)

Таким образом, создание ВЧК полностью подтверждает выдвинутый нами казуальный принцип образования органов государственной безопасности в первые месяцы советской власти. Наша точка зрения совпадает с утверждением Е. Н. Городецкого в том, что «вопрос о создании особого органа борьбы с контрреволюцией возник в связи с необходимостью подавить наиболее тогда распространенный способ сопротивления буржуазии – саботаж». (9) Более того, об этом говорил Дзержинский в феврале 1919 года в докладе ВЦИК о деятельности своего учреждения: «...Она образовалась в тот момент, когда не оказалось органа, который взял бы на себя борьбу с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией». (10)

Кроме этого, отметим, что ВЧК создавалась в качестве чрезвычайного, экстраординарного органа власти. А, как известно, еще из истории государственных органов Римской республики такие учреждения создавались в качестве временного института на период подавления крупного восстания рабов или массовых кровопролитных войн. В этом отношении мы согласны с профессором права Ю. П. Титовым, утверждающим, что «в момент образования ВЧК на нее смотрели как на временный орган. Это в частности, отразилось и в названии комиссии – чрезвычайная, хотя в момент создания ВЧК не наделялась чрезвычайными полномочиями». (11) Ну и решающим аргументом в пользу нашей точки зрения о временном характере ВЧК является тот факт, что Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией вообще ни разу не упоминается в тексте Конституции

РСФСР 1918 года. Таким образом, Основной Закон пролетарского государства в структуре государственных органов не предусматривал место для комиссии Дзержинского.

Следовательно, ВЧК создавалась для ликвидации забастовки и злостного саботажа столичных служащих. И, вполне понятно, что изначально комиссия не наделялась судебными и квазисудебными функциями, а также компетенцией «Тайной канцелярии». С нашей позицией солидарен и ряд западных историков-правоведов. Немецкий профессор Геттингенского университета М. Хильдермайер отмечает: «...Она (ВЧК – А.А.) была создана в начале декабря 1917 г., и ее изначальная цель отражает заботы первых недель нового режима. В связи с угрозой забастовки государственных и банковских служащих СНК возложил на нее «преследование и наказание» за все действия, направленные против советской власти, «передачу» арестованных революционным трибуналам, а также проведение профилактических мероприятий по предотвращению иной государственной деятельности. Несмотря на непродуманное упрощение таких формулировок, мало вероятно, что это решение уже имело целью создание неконтролируемой тайной полиции для репрессий против всех и всяческих внутренних врагов. Многократно цитируемые слова Ленина о необходимости «чрезвычайных мер» против саботажников не следует отрывать от контекста забастовки. В целом ВЧК за первые полгода своего существования еще не осуществляла самовольно правосудия по всем разделам права, однако вскоре она уже стала выходить за рамки чисто следственных функций, которыми была ограничена ее работа (вынесение и исполнение приговора формально оставались за судами). Жертвами ее акций были, в первую очередь, уголовные преступники, дельцы черного рынка и все элементы, чьи действия подпадали под «бандитизм» в широком смысле слова». (12)

Структура ВЧК состояла из трех отделов: 1) информационный; 2) организационный (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и в местных отделах); 3) отдел борьбы (непосредственно для борьбы с контрреволюцией и саботажем). (13) Очень быстро она начала расширяться: 8 декабря 1917 года, члены ВЧК приняли решение избрать президиум из пяти человек во главе с Ф. Э. Дзержинским; 11 декабря был создан отдел по

борьбе со спекуляцией. В этот же день комиссией были произведены аресты фальшивомонетчиков. Таким образом, на четвертый день существования ВЧК начала самостоятельно расширять свою компетенцию, в данном случае она брала на себя функции борьбы и с этим видом экономических преступлений. В январе 1918 года при отделе по борьбе с контрреволюцией и саботажем был создан банковский подотдел для борьбы с преступлениями «капиталистов на почве банковских операций». На его базе 20 марта был образован отдел по борьбе с должностными преступлениями. Несколько ранее, 18 марта организационный отдел преобразован в иногородний.

Таким образом, к середине марта 1918 года сложилась следующая структура ВЧК: председатель (Ф. Э. Дзержинский); заместители председателя; секретарь; отделы: иногородний, для борьбы с контрреволюцией (зав. Полукаров), с преступлениями по должности (зав. Александрович), со спекуляцией (зав. Фомин), информационное бюро (на правах отдела) (зав. Лурье); вспомогательные отделы: хозяйственный, тюремный, отдел связи, общий (канцелярия), справочное бюро, комендантский, автомобильный, стол личного состава ВЧК. (14) Впоследствии структура комиссии неоднократно изменялась.

С первых дней перед ВЧК встало две организационных проблемы: 1) укомплектование более-менее способными к чекистской работе кадрами; 2) противостояние Комиссариату юстиции, стремившемуся к ее подчинению.

Несмотря на то, что как справедливо отмечал израильский профессор университета Хайфы Дж. Эдельман, «имея за спиной долгие годы конспиративной подпольной деятельности, многочисленные товарищи уже обладали немалым ценным опытом для формирования ЧК» (15), однако в действительности таких людей не хватало, и ВЧК испытывала острый кадровый голод. Это положение обострялось еще и тем, что комиссия созданная, прежде всего, для борьбы со старым госаппаратом, вполне естественно, не принимала на работу бывших чиновников правоохранительных и иных государственных органов Временного правительства. Об этом свидетельствуют данные первой переписи советских служащих, проведенной в Москве в августе 1918 года. В соответствии с проведенным анкетированием в ВЧК по срав-

нению с другими советскими учреждениями (ВЦИК, НКВД, Наркомнац и др.) число бывших чиновников оказалось менее всего – 2 человека (0,3 % от общего числа сотрудников). (16) Поэтому для разрешения первой задачи, Дзержинский обратился в ЦК РКП (б), Петроградский совет, штаб Красной гвардии с просьбой направить на службу в ВЧК, безусловно, честных работников, «сознающих великую свою миссию революционеров, недоступных ни подкупу, ни развращающему влиянию золота». (17)

На первоначальном этапе борьбы с Наркомюстом Дзержинский и ВЧК потерпели, и это необходимо признать, поражение. Суть противостояния, как нам видится, состояла в: 1) установлении контроля за деятельностью ВЧК со стороны юридического ведомства И. З. Штейнберга; 2) определении более-менее четкой чекистской компетенции в рамках органа дознания.

Нам представляется, что большого ведомственного противоречия в реализации этих двух пунктов не было потому, что ВЧК создавалась как временная комиссия при Совнаркоме. Также в составе правительства был создан Народный комиссариат юстиции. Последний как вышестоящий и постоянно действовавший орган, отвечавший за соблюдение соцзаконности в стране, был вправе контролировать деятельность отдельной временной комиссии, занимавшейся предварительным расследованием уголовных дел. Народный комиссар юстиции Штейнберг сразу же начал отстаивать линию социалистической законности в деятельности правоохранительных органов. 15 декабря 1917 года в интервью корреспонденту газеты «Новая жизнь» он заявил, что освободит из Смольного и дворца Великого князя Николая Николаевича (там размещался Революционный трибунал) всех заключенных, арестованных «без всякой вины». (18). Реализация этой задачи и привела к противостоянию ВЧК и Наркомюста.

После первого ведомственного конфликта, возникшего в результате освобождения 18 декабря 1917 года Наркомом юстиции арестованных ВЧК членов «Союза защиты Учредительного собрания», Совнарком на следующий день с поправками Ленина принял постановление «О компетенции Народного комиссариата юстиции», подготовленное Штейнбергом. Все существующие следственные комиссии «должны быть приведены в систему»,

для чего Наркомюсту, Наркомвнуделу и другим комиссариатам надлежало подготовить согласованный проект об этом и направить его в правительство. Необходимо отметить, что ВЧК была в числе других комиссий, борющихся с наиболее тяжкими преступлениями. Так, например, контрреволюционные деяния в армейской среде пресекало Бюро военных комиссаров и следственная военно-морская комиссия при Наркомате по военным и морским делам. Вопросами борьбы со спекуляцией ведала Центральная реквизиционно-разгрузочная комиссия. Расследование контрреволюционных и тяжких уголовных преступлений производила следственная комиссия при Революционном трибунале. Наиболее тесно переплетались функции ВЧК и комиссии по борьбе с погромами, в компетенцию последней входило и расследование наиболее крупных политических преступлений

На этом этапе межведомственного противостояния Совнарком еще не поддерживал Штейнберга, так как были отвергнуты предложения, выдвинутые им в проекте постановления, о предоставлении Наркомюсту права проверки всех следственных комиссий Петрограда, а также санкционирования арестов и иных следственных действий с их стороны, касающихся членов Учредительного собрания и других «выдающихся в политической жизни страны» лиц. (19)

21 декабря Совнарком рассмотрел вопрос о взаимоотношении Наркомюста со всеми следственными комиссиями столицы, в том числе и ВЧК. Было подтверждено, что ВЧК учреждена для беспощадной борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Поражением для Дзержинского явились следующие положения документа: 1) ВЧК функционирует под контролем Народных комиссариатов юстиции и внутренних дел, а также Петроградского совета; 2) данные комиссариаты (а не ВЧК) должны были разработать инструкцию «для работы Всероссийской комиссии». Далее определялась компетенция ВЧК только как органа дознания: «Результаты своей работы она передает в следственную комиссию при Революционном Трибунале или прекращает дело». Более того, даже об арестах, «имеющих выдающееся политическое значение», комиссия обязана была извещать Наркомюст и Наркомвнудел, как высшие надзорные инстанции. А также в стиле английского «Хабеус Корпус Акта» всякое задержание

лиц должно было иметь логический конец: либо – предание того суду, либо – прекращение уголовного преследования и освобождение, никакого бессрочного содержания под стражей не допускалось. (20)

Реализуя положения этого постановления в рамках надзорных функций, Нарком юстиции, будучи одним из руководителей партии левых эсеров, решил самостоятельно (без Совнаркома) включить в состав ВЧК представителей своей политической организации, чему решительно противостоял Дзержинский. Однако, Совнарком 7 января 1918 года встал на сторону Штейнберга и признал «желательным преобразование комиссии в том смысле, чтобы назначить товарищем председателя Чрезвычайной комиссии члена фракции левых с.-р. Центрального Исполнительного Комитета». (21) И на следующий день Совнарком ввел в состав ВЧК четырех левых эсеров, тем самым частично решив и кадровый вопрос. Этого факта не отрицал и М. Я. Лацис: «Здесь... играло роль не только отсутствие дельных работников, но и доверие левым с.-р., которые начали борьбу против Чрезвычайной комиссии и требовали своего участия как бы для контроля». (22)

Окончательную победу над ВЧК на первом этапе И. З. Штейнберг праздновал 31 января 1918 года. Параллельное функционирование в столице нескольких комиссий, осуществлявших борьбу с контрреволюционными и иными преступлениями, создавало большие трудности, как в расследовании дел, так и в осуществлении какого-то контроля за производством следственных действий. Разрешением этой проблемы могло стать сосредоточение следственного дела в одном правоохранительном органе. И 24 января 1918 года следственная комиссия при Петроградском трибунале обратилась в Совет Народных Комиссаров с просьбой разграничить функции розыскных и следственных действий. Предлагалось за ВЧК и комиссией Бонч-Бруевича по борьбе с погромами оставить розыск и пресечение преступлений, а их расследование целиком передать следственной комиссии. (23) Заявление последней было поддержано председателем Революционного трибунала С. С. Зориным. Отметив совмещение функций разных комиссий, отсутствие прямой зависимости их, а тем самым и подотчетности от судебного делопроизводства, он предложил строго определить функции тех органов, цель которых – изыскание способов для

пресечения преступлений. Зорин потребовал провести жесткую грань в деятельности органов борьбы с контрреволюцией, с тем, чтобы они не переходили за черту, где начинались обязанности следствия и суда. (24)

По итогам заседания, на котором выступили с докладами Дзержинский, Бонч-Бруевич, Штейнберг, Совнарком постановил, что ВЧК ведет работу только по розыску, пресечению и предупреждению преступлений, а расследование по собранным ей материалам проводит следственная комиссия при Революционном трибунале. Кроме того, правительство рекомендовало Дзержинскому новую структуру его ведомства, в частности, создать «подотделы – провокационный (т. е. по борьбе с провокаторами и др. – Авт.), уголовный, спекуляции и контрреволюции». (25) Как мы увидим далее, эта победа надзорного органа за деятельностью чрезвычайной комиссии была только временной. На этом же заседании Совнаркома рассматривался вопрос о слиянии ВЧК и комиссии по борьбе с погромами. Существование при Рабоче-крестьянском правительстве двух учреждений, практически, с одинаковой компетенцией и полномочиями стало не целесообразным. Однако окончательное решение в пользу ВЧК было принято только через две недели. (26)

Справедливости ради отметим, что это правительственное решение делало шаг в сторону соцзаконности не только в узком классовом смысле, но и в широком – законности правового государства. Но такая декларация торжества права продлилась менее месяца. Однако нас радует тот факт, что эту положительную тенденцию пролетарского права отмечает и такой апологет советской исторической науки, как Городецкий, но в то же время оправдывает и быстрый разворот ВЧК в сторону внесудебных репрессий. «Как видно из постановления, - отмечал он, - на этом этапе ВЧК не были присвоены функции судебных органов или приведения приговоров в исполнение. В этом постановлении была ясно выражена линия пролетарской революции на соблюдение революционной законности и четкое разграничение функций пресечения действий контрреволюции и судебных функций. И если в дальнейшем революции пришлось объединить в одном чрезвычайном органе те и другие функции, то это явилось только ответной мерой на бешеное сопротивление контрреволюции, на белый

террор. Необходимость быстрых и решительных мер подавления саботажников и заговорщиков заставила революцию отказаться от строгого разграничения функций розыска и суда». (27)

ВЧК стала, практически, единственным розыскным (не следственным) правоохранительным органом по борьбе с контрреволюционными и иными тяжкими преступлениями, стремившимся к созданию своих подразделений по всей территории Советской России. Уже через неделю после образования, 15 декабря 1917 года, ВЧК опубликовала обращение «Ко всем Советам на местах», призывавшее тех немедленно приступить к организации чрезвычайных комиссий, потому что «общими, объединенными усилиями скорее и легче будет сломлено сопротивление врагов революции». Этим документом ВЧК определяла и основной источник получения информации о контрреволюционерах: «Комиссия обращается ко всем рабочим и крестьянам с призывом прийти на помощь Комиссии в борьбе с врагами революции. Все сведения и данные об организациях и отдельных лицах, деятельность которых направлена во вред революции и власти народа, направляйте в Комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем». (28)

Однако создание сети чрезвычайных комиссий в регионах, в том числе и на Урале, происходило очень медленно. Деятельность ВЧК в первое время распространялась только на Петроград, Москву и ближайшие к центру губернии. Этот процесс как-то ускорился после направления 23 февраля 1918 года радиogramмы ВЧК в адрес региональных органов власти, в которой им предлагалось «немедленно организовать в районах чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, если таковые еще не организованы, и связаться со Всероссийской чрезвычайной комиссией». (29) Кроме того, 18 марта ВЧК приняла постановление «О работе ВЧК во всероссийском масштабе», предусматривавшее образование на местах однотипных чрезвычайных комиссий, и направила инструктивное письмо в адрес советов, в котором обращалось внимание на необходимость повсеместного создания ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. (30)

Однако к этому времени ВЧК из органа розыска и дознания уже превратилась, в большей степени, в учреждение внесудебных репрессий. 22 февраля 1918 года был опубликован декрет-

воззвание Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности», на следующий день ВЧК самостоятельно присвоила себе право единолично реализовывать экстремистские призывы правительства. «До сих пор комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции наглет с каждым днем, - указывалось в центральных «Известиях», - Всероссийская чрезвычайная комиссия не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления». (31) Это право ВЧК первоначально распространялось на местности, объявленные на военном положении, но затем стало общим правилом. (32) Такое самоуправство ВЧК оправдывалось и поддерживалось в официальных коммунистических изданиях на протяжении десятков лет. Малая советская энциклопедия «справедливо» отмечала, что «с первых же дней существования ВЧК не могла уложиться в рамках этих трех, наспех написанных пунктов (постановление СНК от 7.12.1917 г. – А. А.). Обстановка, созданная врагами, требовала решительных мер для защиты завоеваний Октябрьской революции». (33)

Таким образом, в нарушение норм формировавшегося пролетарского права, ВЧК сама присвоила себе право существенно дополнять декреты Совнаркома (что мог делать только высший орган государственной власти – ВЦИК), расширив круг лиц, подпадавших под расстрел на месте. Нарком юстиции Штейнберг пытался противостоять этому, но его быстро «одернул» председатель правительства В. И. Ленин заявив, что «без жесточайшего революционного террора» быть победителем невозможно. (34) Наркомюсту пришлось расписаться в собственном бессилии. Декрет, с одной стороны, фиксировал те беззакония, которые советские учреждения уже творили в стране, с другой - открывал прямую дорогу резкому перекошу в соблюдении законности чекистского следствия, отыскания объективной (а не классово-вой) истины по уголовным делам и, в конечном итоге, предание преступника суду революционного трибунала.

В историко-правовой литературе существует научное мнение о том, что на основании этого декрета в начале весны 1918 года ВЧК разработала инструкцию о расстрелах и арестах с после-

дующим заключением в концлагерь. По этому документу подлежали расстрелу следующие лица: все бывшие жандармские офицеры по специальному списку, учрежденному ВЧК: все имевшие оружие без соответствующего разрешения, если не было смягчающих обстоятельств; все с обнаруженными фальшивыми документами, если они подозревались в контрреволюции; все активные деятели контрреволюционных партий (кадеты, октябристы и проч.); все активные члены партии социалистов-революционеров центра и правых (активными членами считались руководители всех комитетов от центральных до местных городских и районных); члены боевых дружин и лица, выполнявшие их поручения. (35) Впервые этот документ получил огласку в работе Е. Альбац «Мина замедленного действия (политический портрет КГБ)». С этим мнением согласен профессор МГУ С. В. Жильцов. Имеет место и несколько иная точка зрения на время появления данной инструкции, с которой солидарны и мы. Профессор Казанского университета А. Л. Литвин утверждает, что этот чекистский документ появился после постановления ВЦИК от 14 июня 1918 года об исключении эсеров (правых и центра) и меньшевиков из состава советов всех уровней. (36) Для реализации инструкции с 15 июня стали создаваться первые расстрельные тройки. В этот день коллегия ВЧК постановила: «Составить тройку из представителей партии коммунистов (больш.) и левых с.-р., которые и уполномочиваются решать вопросы о расстреле. Избраны в тройку: Дзержинский, Лацис и Александрович. Заместителями к тройке избраны: тт. Фомин, Петерс и Ильин. Расстрелы применяются ко всем, кто замешан в заговоре против советской власти и республики, если это будет доказано. Приговоры тройки должны быть единогласны». (37) Таким образом, ВЧК превратилась из скромной следственной комиссии в грозный внесудебный и правотворческий орган советской власти. А начался этот процесс с конца февраля 1918 года, когда Дзержинский, ознакомившись с делом бандита по кличке «Князь Эболи», с согласия всех членов коллегии ВЧК подписал приказ о расстреле его и любовницы Бритт за ряд грабежей и насилий, совершенных ими под видом обысков от имени советских правоохранительных органов. (38) Это был первый смертный приговор, вынесенный ВЧК. «Законное» начало внесудебных репрессий было положено. Будущий

Нарком юстиции Н. В. Крыленко так характеризовал начало внесудебной репрессивной деятельности ВЧК: «Присвоила себе право безапелляционного решения вопросов жизни и смерти, причем эти самые решения выносились «тройками» или «пятерками» чрезвычайных комиссий без каких бы то ни было норм, определявших как подсудность, так и метод рассмотрения дел». (39)

Этот вывод «красного» юриста подтвердил сам председатель ВЧК. В своем интервью еще не закрытой меньшевистской газете «Новая жизнь» 19 июня 1918 года Держинский раскрыл механизм принятия таких решений: «Напрасно нас обвиняют в анонимных убийствах, - комиссия состоит из 18 испытанных революционеров, представителей ЦК партии и представителей Ц.И.К. Казнь возможна лишь по единогласному постановлению всех членов комиссии в полном составе. Достаточно одному высказаться против расстрела, и жизнь обвиняемого спасена. Наша сила в том, что мы не знаем ни брата, ни свата, и к товарищам, уличенным в преступных деяниях, относимся с сугубой суровостью. Поэтому наша личная репутация должна быть вне подозрения. Мы судим быстро. В большинстве случаев от поимки преступника до постановления проходят сутки или несколько суток, но это, однако, не значит, что приговоры наши не обоснованы. Конечно, и мы можем ошибаться, но до сих пор ошибок не было. Почти во всех случаях преступники, припертые к стене уликами, сознаются в преступлении, а какой же аргумент имеет больший вес, чем собственное признание обвиняемого». (40) Таким образом, в первые месяцы советской власти в ВЧК действовал четкий процессуальный порядок: правомерность вынесения смертного приговора никем в комиссии не оспаривалось, но для его легитимности требовалось абсолютное единогласие. В тех случаях, когда хотя бы один член коллегии был против такого наказания, материалы уголовного дела передавались в Революционный трибунал. Кроме того, в связи с этим интервью необходимо подчеркнуть, что задолго до сталинских репрессий и сталинской «законности» личное признание обвиняемого или подсудимого являлось «царицей доказательств». Это Держинский, а не Вышинский ввел в предварительное следствие и судебный процесс такую большевистскую юридическую аксиому.

Именно первые внесудебные расправы ВЧК положили начало массовому «красному террору». Вынесение смертного приговора пусть даже и классовым сугубо тенденциозным советским судом находилось в социалистическом правовом поле, в рамках пролетарского уголовного и процессуального законодательства. А присвоение права и фактическое вынесение смертных приговоров ВЧК являлось, по - существу, террористическим актом. Еще ранее, в декабре 1917 года. Дзержинский был нацелен на проведение внесудебных расправ. «Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, - говорил он при вступлении в должность, - юстиция сейчас нам не нужна. Теперь борьба – грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть – чья возьмет! Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции». (41)

Следующим по важности критерием виновности или оправдания было социальное происхождение субъекта преступного деяния. Правовая идеология «красного террора», насаждаемая правительством и чекистами, заключалась в том, что отдельные группы россиян, принадлежавших к определенному классу или социальной группе – буржуазии, помещикам, купечеству, казачеству и пр. – являлись уже врагами народа и, следовательно, были уголовными преступниками уже по определению, независимо от конкретных деяний (действий или бездействий), а всего лишь по своему роду занятий, образованности, владению собственностью и т. д. (42) Руководствуясь большевистской целесообразностью, председатель ЧК по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком Восточном фронте М. Я. Лацис инструктировал подчиненных: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Это должны учесть все сотрудники Чрезвычайных комиссий и все Советские работники, из которых многие взяли на себя роль плакальчиков и ходатаев. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования, профессии. Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого». (43)

Глава 11. Становление уральских «чрезвычайек»

Постепенно сеть чрезвычайных следственных комиссий покрывала всю территорию России и уже к 1 июля 1918 года в РСФСР действовало 265 уездных и 40 губернских ЧК, (1) немалая часть которых действовала в уральском регионе. Однако, как и в центре, сначала функции по охране революционного порядка на Урале, выявлению и пресечению враждебных выступлений выполняли военно-революционные комитеты, созданные, как правило, по образцу столичного и нередко обращавшиеся к нему за помощью. Именно ВРК при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов способствовал первым местным советским органам власти на Урале (Невьянск, Нижний Тагил, Мотовилиха и др.) в получении оружия для подавления контрреволюционных мятежей. (2) Создавались и специальные правоохранительные учреждения.

В Перми до образования местной структуры ВЧК основное бремя борьбы с контрреволюцией и саботажем лежало на так называемом «Бюро контрразведки», созданном при Центральном городском штабе Красной гвардии. В этом учреждении проходили «обкатку» и будущие начальники местных ЧК. (3) Аналогичные органы создавались и в уездных центрах губернии. В декабре 1917 года исполком Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов организовал отдел по борьбе с контрреволюцией, который возглавил начальник штаба Красной гвардии П. Д. Хохряков. Работа данного подразделения строилась по нескольким направлениям: подавление контрреволюции, в том числе предупреждение покушений на ответственных советских работников и других терактов; борьба с групповой уголовной преступностью; проведение карательных акций по пресечению антисоветских выступлений в населенных пунктах уезда. В конце января 1918 года Уральский областной комитет партии поручил профессиональному революционеру М. И. Ефремову организовать самостоятельную чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Ее создание совпало с радиограммой ВЧК в адрес местных советов, 24 февраля 1918 года начала функционировать Екатеринбургская ЧК под председательством Ефремова. (4)

В первые месяцы приходилось работать в сложных условиях. «Не было ровно никаких инструкций, по которым могла идти планомерно и правильно работа. Не было поставлено никакой канцелярии» - говорилось в одном из отчетов ЧК в адрес Пермского губкома партии. У Екатеринбургской ЧК не было даже своей печати, поэтому первые ее документы визировались областным советом. Кроме того, большой проблемой, впрочем, как и по всей стране, был дефицит не только профессионалов-оперативников, но и просто грамотных людей. Но и в таких условиях чекисты «выдавали на гора» громкие контрреволюционные дела. Так, например, 12 марта 1918 года был задержан поручик Заболоцкий, собиравший сведения о воинских эшелонах, проходивших через станции. Тюмень. На основании его показаний были арестованы и доставлены в Екатеринбург бывший премьер-министр Временного правительства князь Т. Е. Львов и другие лица. Чекистами было установлено, что Львов совместно с князем Голицыным в Тюмени пытался организовать боевые отряды для борьбы с советской властью. (5)

15 марта 1918 года был образован Пермский окружной чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Председателем был утвержден Ф. Н. Лукоянов, руководивший им до июня 1918 года, затем он возглавил Уральскую областную ЧК. Пермские чекисты раскрыли и расследовали ряд крупных контрреволюционных преступлений. В мае 1918 года ликвидировали контрреволюционные выступления рабочих в железнодорожных мастерских ст. Пермь-I и Мотовилихе, разгромили такие антисоветские организации, как «Крестьянский союз» в Юговском заводе, «Союз лесоводов» в Кунгуре, выступления контрреволюционного духовенства «Белогорского подполья». (6) Приходилось ведомству Лукоянова организовывать и надзор за «особо опасными контрреволюционерами». В мае 1918 года Пермской ЧК было поручено установить контроль за бывшем великим князем Михаилом Александровичем и его секретарем Джонсоном, высланными Совнаркомом в Пермь. 20 мая великому князю с нарочным под расписку был вручен следующий документ: «Гражданину Романову М. А. (Королевские номера). Предлагаем Вам ежедневно в 11 часов утра являться в Чрезвычайный Комитет, Петропавловская-Оханская ул., дом № 33

Пермякова. Председатель Комитета Ф. Лукоянов». (7) Однако вскоре уральские чекисты от надзорных функций перешли к функциям палачей. Общеизвестны факты, что екатеринбургские чекисты во главе с Я. Х. Юровским без суда и следствия расстреляли царскую семью, пермские под руководством заместителя Лукоянова П. И. Малкова – великого князя Михаила, алапаевские – других членов монаршей фамилии.

При участии губернской комиссии весной-летом 1918 года стали создаваться и работать местные ЧК, возглавляемые уральскими коммунистами. Первым председателем Лысьвенской уездной ЧК стал Я. Москов, а с июля - П. И. Студитов, в Алапаевске Верхотурского уезда – Н. П. Говырин, в Мотовилихе - Н. С. Завьялов. (8) «Выпускник» вышеуказанного Бюро красногвардейской контрразведки большевик Н. М. Быстрых в мае 1918 года был назначен председателем Оханской уездной ЧК. Вскоре чекисты под его руководством раскрыли подпольную контрреволюционную организацию бывших офицеров, имевшую связь с белогвардейской контрразведкой и ставившую целью «как можно быстрее овладеть Уралом, захватить оружейные заводы, расправиться с местными Советами», (9) В Пермской губернии зародилась новая практика замещения чекистских руководящих должностей, когда за неимением проверенных, надежных кадров уездные ЧК возглавляли руководители советских органов власти. Так, например, в Камышловском уезде во главе ЧК стоял председатель исполкома М. В. Васильев. (10) Вполне естественно, что во время коренной ломки всех общественных отношений в регионах имели место различного рода казусы, в том числе и при формировании органов госбезопасности. Так, например, в Шадринском уезде в июне 1918 года было принято, на наш взгляд, абсурдное решение - создать комиссию (!) в единственном лице большевика Торопова. (11)

В результате предпринятых органами советской власти мер к осени 1918 года на территории Пермской губернии действовало уже 30 чрезвычайных комиссий. (12)

17 марта 1918 года при Уфимском Совнаркоме была учреждена губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и хищничеством, во главе с большевиком П. И. Зенцовым и его заместителем – А. С. Ермолаевым. (13) Комиссия

надеялась экстраординарными полномочиями вплоть до объявления военного или осадного положения. Создавались чрезвычайные комиссии и в уездах, где они приобретали различные названия, или их полномочия осуществляли другие учреждения. В Златоустовском уезде чрезвычайная комиссия до мятежа белочехов так и не была образована, но ее функции выполняла «группа Красной контрразведки», созданная председателем военнореволюционного комитета В. Д. Ковшовым и состоявшая, в основном, из латышей, эвакуированных в Златоуст в годы первой мировой войны с рижских заводов - Абина, Виганта и других. (14) Эффективность ее следственных действий была невысокой, и не всегда достигала ощутимых результатов. В Сатке Златоустовского уезда весной 1918 года действовала подпольная белогвардейская организация «Штаб черного орла», распространявшая антисоветские прокламации по городу. «Было произведено много обысков, - вспоминал Саткинский большевик И. Г. Булатов, - но они ничего не дали, офицеры оставались на свободе». (15)

В Оренбургской губернии 7 марта 1918 года Военнореволюционный комитет создал отдел по борьбе с контрреволюцией, под руководством А. Н. Самойлова и А. И. Бурчак-Абрамовича. (16) 1 июня 1918 года совместным постановлением губисполкома и военнореволюционного штаба этот отдел был преобразован в губернскую ЧК, и возглавил ее, по личному распоряжению Дзержинского, вернувшийся из Москвы бывший комиссар Оренбургской Военно-народной охраны И. Ф. Лобов. Под его руководством чекисты в короткий срок разоблачили и обезвредили ряд белогвардейских заговоров и вооруженных банд, в том числе и действовавшую в Оренбурге глубоко законспирированную так называемую «Военную офицерскую организацию», ставившую своей целью совершение терактов в отношении советских руководителей. (17)

Создавались чрезвычайные комиссии и в регионах губернии, 6 апреля 1918 года в Верхнеуральском уезде член следственной комиссии народного суда В. Константинов возглавил образованную советом чрезвычайную следственную комиссию. (18) Также в апреле большевик Е. А. Башилов был назначен председателем чрезвычайной судебно-следственной комиссии Орского уезда. «Была поставлена задача не только карать, своевременно распознавать и наказывать действия открытых врагов, - позже

вспоминал председатель ЧК, - но и вести воспитательную предупредительную работу. Взыскивать наложенную контрибуцию с орских купцов. Вылавливали шпионов». (19)

В Челябинском уезде территориальная чрезвычайная комиссия не была создана, ее обязанности легли на комиссию И. А. Кольцова. К названию «Челябинская следственная комиссия» добавилось определение «чрезвычайная». Параллельно с ней была создана и функционировала специальная железнодорожная чрезвычайная комиссия, возглавляемая Л. А. Жидковым. Весной 1918 года Челябинская чрезвычайная следственная комиссия расследовала дело по проведенной в период с 12 по 16 апреля забастовке печатников, основным требованием которых было повышение заработной платы на 25,0 %. Несмотря на экономические, а не политические, иными словами контрреволюционные, требования забастовка была жестоко подавлена. Чекистами были арестованы все члены стачечного комитета и другие участники забастовки. Челябинский совет поручил чрезвычайной следственной комиссии предать их революционному суду. Но это еще не все, совет просил большевистскую организацию печатников привлечь к партийному суду своих членов, не принявших мер к прекращению забастовки.

Удавалось ведомству Кольцова раскрывать и громкие преступления. Членами чрезвычайной следственной комиссии было установлено создание Челябинского отделения «Союза защиты Родины и свободы», ставившей своей целью свержение советского правительства, и организацию «твердой власти» в России. В начале мая 1918 года чекистам удалось обнаружить явочную квартиру контрреволюционеров в Челябинске. Однако в силу неопытности они поспешили с арестом и захватили лишь небольшую группу контрреволюционеров. (20)

Начали функционировать чрезвычайно-следственные комиссии и в волостях Челябинского уезда. В конце мая 1918 года на заседании Шумихинского волсовета была избрана «постоянная следственная комиссия для дознания по контрреволюционным делам, спекуляции и мародерству», состоявшая из трех человек - Пивоварова, Морозова и Камышева. (21)

30 мая 1918 года Вятский губисполком отмечал, что городская комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем «не стоит на должной высоте, ибо, находясь при город-

ском Совете, круг ее деятельности большей частью не выходит за черту города», и принял решение организовать такую комиссию «в общегубернском масштабе». Новая комиссия подчинялась отделу управления губисполкома, который определял «пределы предоставленных ей функций». Было принято решение о выработке положения по деятельности ЧК «в общегубернском масштабе». (22) И только 5 июня 1918 года, уже в ходе гражданской войны, Инструкция по организации и деятельности комиссий по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией была утверждена Вятским губернским съездом комиссаров уездных отделов управления. В соответствии с ней при всех уездных и волостных советах должны были образованы ЧК, в их состав избирали только «коммунистов-большевиков и левых социалистов-революционеров». Комиссии состояли не менее чем из трех членов, причем председатель в обязательном порядке являлся членом исполкома совета. В своей деятельности местные ЧК руководствовались «указаниями-инструкциями центра, его обязательными постановлениями, постановлениями общегубернских съездов советов и постановлениями губисполкома». Они имели право производить обыски, аресты и задержания лиц, замеченных или уличенных в контрреволюционной деятельности независимо от занимаемой ими должности. Ордера на производство этих действий подписывал председатель ЧК. В течение 24 часов с момента ареста подозреваемого все собранные материалы передавались в следственную комиссию революционного трибунала. В случае проведения массовых арестов ЧК имела право привлекать Красную гвардию и милицию. Кроме этого, ЧК предоставлялось право требовать «необходимые сведения, справки и т.д.» от советских учреждений, производить конфискации, «удалять саботирующие элементы немедленно от своих мест и обязанностей», налагать штрафы на спекулянтов и укрывателей оружия. (23)

В соответствии с этой Инструкцией комиссии создавались и работали в уездах Вятской губернии, применяли репрессии и внесудебные расправы. 9 июля 1918 года Яранская уездная ЧК опубликовала обязательное постановление «О мерах борьбы с агитацией против советской власти», включив в нее и борьбу со спекуляцией промышленными товарами и продуктами. Согласно этому постановлению лица, замеченные и уличенные в вышеуказанных деяниях, подвергались штрафу до 5 тысяч рублей с

конфискацией найденных товаров, продуктов и имущества, а замеченные в неоднократных преступлениях расстреливались. Причем обязанности по задержанию и аресту преступников Яранская ЧК возлагала и на граждан, в крайнем случае, о контрреволюционерах можно было сообщить письменно в ЧК. (24)

В мае 1918 года постановлением областного совета Екатеринбургская ЧК была преобразована в Уральскую областную чрезвычайную следственную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Была определена ее структура и компетенция. Возглавлял комиссию председатель – Ф. Н. Лукоянов, его заместителем («товарищем») стал С. Е. Чуцкаев. В состав коллегии входили заведующие отделами: по борьбе с контрреволюцией В. М. Горин, по борьбе со спекуляцией И. И. Родзинский (автор фальшивых чекистских писем в адрес Николая П), хозяйственного Мясников; начальник чекистского отряда Н. А. Бобылев и «заведующий по охране города» Я. Х. Юровский. Устанавливалась основная процессуальная компетенция: производство обысков, арестов, выемок документов, конфискации имущества и ревизии хозяйственной и финансовой деятельности. Результаты произведенного дознания из учреждения Лукоянова передавались в следственную комиссию ревтрибунала. (25) Летом-осенью 1918 года ЧК были созданы во всех крупных городах на Урале (Нижнем Тагиле, Верхотурье, Невьянске, Красноуфимске, Камышлове и др.). (26)

Необходимо отметить еще одно учреждение госбезопасности, в сферу деятельности которого вошли все четыре уральские губернии. В начале гражданской войны по Восточному фронту прокатилась серия террористических актов, переходов на сторону врага и т.п. Органы Военного контроля не справлялись с задачами по предотвращению подобных преступлений. Некоторые губчека действовали в прифронтной полосе разрозненно, а потому без должного эффекта. В целях пресечения враждебных проявлений в армии и укрепления тыла Совет Народных Комиссаров 16 июля 1918 года поручил члену Коллегии ВЧК Лацису организовать чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. В район ее действия в числе девяти вошли и все уральские губернии: Пермская, Вятская, Уфимская и Оренбургская. «Все комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при совете прифронтной полосы подчиняются ей», - далее говорилось в правительственном постановлении. (27)

Глава 12. Правовые основы деятельности учреждений госбезопасности в первый год пролетарского государства

В отсутствии каких-либо республиканских актов, регламентировавших процессуальную деятельность силовых ведомств по единому «тарифу» в целом, весьма интересна правотворческая деятельность каждого отдельного правоохранительного учреждения. Не стала исключением в этом отношении и ВЧК, с первых дней своего существования участвовавшая в формировании норм нескольких отраслей советского права (уголовного, уголовно-процессуального, административного и др.). Одним из значимых документов в этом ряду, действовавших еще до начала гражданской войны, стало «Положение об отделе по борьбе с преступлениями по должности», принятое коллегией ВЧК 11 мая 1918 года. Главной задачей данного чекистского подразделения являлось «очищение рядов Советской власти от провокаторов, взяточников, авантюристов, всевозможных бездарностей, лиц с темным прошлым, с злоупотреблением властью, превышением власти и бездействием власти, придавая их деяния широкой огласке в печати» (1) На чрезвычайные комиссии в центре и на местах возлагались контрольные функции за деятельностью органов местного самоуправления, в первую очередь, в исполнении ими распоряжений центральной власти. Но не просто надзора, а «через суд и принуждение способствовать проведению в жизнь и следить за деловым и практическим осуществлением декретов». Кроме того, ВЧК объявлялась беспощадная борьба со злоупотреблениями властью в советских учреждениях, особенно в таких, как банки, интендантские склады, продовольственные пункты на железной дороге. С первых месяцев своей деятельности органы госбезопасности присвоили себе право контроля за работой других правоохранительных учреждений, в частности, милицией. Данное Положение особо отмечало организацию борьбы со злоупотреблениями в «учреждениях уголовной и гражданской милиции».

Определялась структура создаваемого отдела в составе заведующего, президиума, секретаря, а также предусматривалось образование двух коллегий: 1) надзора и 2) следователей и комиссаров. Следователи и комиссары назначались заведомыми с

трехмесячным испытательным сроком. Прошедшие его (не совершившие действий, «не совместимых со званием следователя, или просто недостаточно умелых, или повлекших те или иные упущения по службе») общим собранием отдела переизбирались на свои должности на постоянной основе.

Первая коллегия, с надзорными функциями, учреждалась для проведения общего контроля за следователями и разрешения вопросов, превышавших их компетенцию. Она состояла из двух следователей и одного комиссара. В компетенцию коллегии надзора входило возбуждение уголовного преследования и предварительного следствия, а также контроль за его ведением. Основным способом осуществления последнего являлось присутствие при производстве следственных и иных действий членов коллегии. При этом они имели право давать указания, предлагать новые шаги по делу, а следователь обязан был выполнять эти директивы, отмечая в материалах дела, что они проделаны по указаниям коллегии надзора, которая в этом случае несла самостоятельную ответственность. Надзорная инстанция могла изменить меру пресечения, определенную отдельным следователем.

На следователе второй коллегии лежала обязанность по самостоятельному расследованию обстоятельств дела. «Во время следствия он пользуется полной свободой инициативы, - гласила ст. 29 Положения, - давая отчет о своих действиях только общему собранию следователей и комиссаров и Коллегии надзора». (2) В нарушение декретов о суде № 1 и 2 на этапе предварительного следствия категорически запрещалось участие защиты в лице бывших присяжных поверенных. Только родственники или «демократические организации» имели право заявлять какие-либо ходатайства.

Считаем необходимым разъяснить статус комиссаров создаваемых отделов. В привычном понимании комиссар – это руководитель какого-то отдела или учреждения в советской системе 1917-1918 годов. В ВЧК же его компетенция и статус были несколько иными, более приниженными. Чекистский комиссар являлся помощником следователя, исполнял его отдельные поручения по уголовным делам (обыски, выемки документов, аресты и пр.). Кроме того, в тех случаях, когда милицией или другими силовыми органами не произведено дознание, либо необходимо было

принять экстренные меры по сохранению следов преступления, задержание подозреваемого – «такие действия должны быть по преимуществу поручаемы комиссарам», - гласил чекистский документ. О выполнении этих функций комиссар отчитывался перед следователем, который нес всю ответственность за их правильное и законное исполнение. Помимо этого, ежемесячно и следователь, и комиссар отчитывались о ходе расследования дел на общем собрании своей коллегии.

Положение было дополнено инструкцией для дежурных следователей и комиссаров. На каждые сутки по ежемесячному графику для несения дежурства выделялся один следователь и два комиссара. В течении дежурных суток первый допрашивал задержанных и доставленных в помещение комиссии лиц, занося полученные сведения в протокол. «В случае обнаружения необходимости дальнейшего задержания доставленного лица, - устанавливала ст. 40-я Положения, - дежурный следователь объявляет о сем задержанному, делает отметку в протоколе и в книге дежурств, доводит о сем до сведения канцелярии и Коллегии надзора». (3) В отсутствие следователя допрос мог произвести дежурный комиссар, который ни в коем случае не имел права «без ведома следователя отпустить на свободу задержанных». В тех случаях, когда следователь в силу своей низкой квалификации не мог разрешить возникавших в ходе дежурства проблем, он обязан был обратиться за помощью в коллегия надзора. И здесь уже действовал принцип коллегиального следствия, провозглашенный еще в первом декрете о суде. Кроме того, комиссары при содействии дежурного наряда совершали различного рода процессуальные акты и вне здания комиссии. Все происшествия, а также свои действия следователь и комиссары фиксировали в «особой книге дежурств». Видимо для большей объективности, достоверности и дальнейших возможных проверок предписывалось делать это раздельно. Нарушители инструкции подвергались дисциплинарным взысканиям, вплоть до отстранения от должности.

После получения данного «Положения об отделе по борьбе с преступлениями по должности» на местах началась медленная его реализация. Для уральских ЧК такая задержка объяснялась, прежде всего, начавшейся гражданской войной. Уже в ходе кото-

рой в сентябре 1918 года руководство ВЧК неоднократно обращалось к губернским и другим своим подразделениям с требованием «однородности Чрезвычайных комиссий». Разнородность же проявлялась в них, начиная от названия и заканчивая структурой и функциями. Заведующий Иногородним отделом ВЧК В. В. Фомин в приказах указывал, что в Перми комиссия называется «Комитет по борьбе с контрреволюцией», и что имеют место «произвольные формы организации провинциальных Чрезвычайных комиссий». И далее в очередной раз призывал: «Немедленно приступить к следующей форме организации: 1) Отдел по борьбе с контрреволюцией, 2) Отдел по борьбе со спекуляцией, 3) Отдел по борьбе с преступлениями по должности, 4) Отдел Иногородний». (4)

Сложная политическая обстановка, разгоравшаяся гражданская война, усиление сопротивления со стороны представителей свергнутых классов настоятельно диктовали ВЧК необходимость выработки более эффективных методов работы, упорядочение организационной структуры и расширение сети региональных подразделений. Для решения этих задач, а также обобщения и анализа достигнутых результатов коллегия ВЧК признала целесообразным провести всероссийскую конференцию чрезвычайных комиссий. Она работала в период с 11 по 14 июня 1918 года в Москве. Делегаты прибыли от 43 местных, в том числе и уральских органов.

На конференции разгорелась острая дискуссия по вопросу об организационных принципах строительства чрезвычайных комиссий. Большевики защищали выдвинутую Дзержинским идею централизации чекистского аппарата. Они считали, что чрезвычайные комиссии должны находиться в двойном подчинении – вышестоящим чекистским органам и одновременно, в какой-то степени, местным советам. Левые эсеры возражали против подчинения уездных ЧК губернским, а тех – ВЧК, предлагая принять решение о подчиненности чрезвычайных комиссий только местным советам. Их предложение преследовало цель оправдать и закрепить тенденции местничества, наблюдавшиеся в работе отдельных комиссий. Конференция отвергла требования левых эсеров, и закрепила принцип двойного подчинения чрезвычайных комиссий. (5)

Было определено, что чрезвычайные комиссии являются высшим органом административной власти в государстве и, в связи с этим, берут на себя всю охрану революционного порядка. Для этого было признано необходимым при каждом областном, губернском, крупных уездных советах, узловых железнодорожных центрах, больших портах, в пограничной полосе организовать стройную сеть чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. При волостных, малых уездных советах, шоссейных, пограничных проездах учреждались должности комиссаров ЧК. Деятельность всех чрезвычайных комиссий строилась по известному большевистскому принципу «демократического централизма». Со дня образования на местах новых органов госбезопасности все учреждения, ранее боровшиеся с контрреволюцией, упразднялись, а неоконченные дела передавались в соответствующие ЧК. Были определены основные отделы, которые должны были создаваться в новых комиссиях: «контрреволюционный, спекулятивный, преступлений по должности и иногородний».

Итоговой резолюцией конференции ВЧК монополизировала право пресечения контрреволюционных преступлений в стране: «Принимая во внимание: 1) современное международное положение Советской Республики и все учащающийся авантюризм «отечественных» контрреволюционеров, черносотенцев, правых с.-р. и меньшевиков, проявляющийся в целом ряде набегов (чехословаки, Дутов, Краснов и т. п.); 2) ряд заговоров против Советской власти; 3) разнузданную спекуляцию, вызванную грабительской четырехлетней войной буржуазии за раздел слабых народностей; 4) преступность, выражающуюся в форме взяточничества со стороны примазавшихся к советской власти элементов буржуазии; 5) ненадежность железнодорожной охраны в подавляющем большинстве мест Советской России, которую срочно нужно передать в надежные руки, - Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией постановляет: 1) взять на себя на территории всей республики всю тяжесть беспощадной борьбы с контрреволюцией, спекуляцией, злоупотреблениями по должности и 2) предложить Совнаркому передать охрану всей железнодорожной сети в надежные руки Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией». (6)

Еще одним важным практическим, а не декларативным документом, принятым конференцией, стало «Положение об отделе по борьбе с контрреволюцией». Он состоял из трех отделений: 1) секретного, 2) внешних наблюдений, 3) наблюдений за армией. Задачами отдела являлась борьба со всеми контрреволюционными организациями и политическими партиями, не стоявшими на советской платформе, а также «наблюдение за армией, за всем ее командным и личным составом, беря весь таковой на учет». Уголовные дела по этим преступлениям возбуждали («заводили») дежурные следователи и передавали в соответствующие отделения. Заведующие, которые надзирали за ходом предварительного следствия, оконченные дела представляли в президиум отдела для вынесения окончательного по нему решения (прекращение, передача в следственную комиссию ревтрибунала, освобождение или заключение в тюрьму обвиняемого и т.д.). Положение определяло производство отдельных действий следователями – обысков и арестов – только по письменной резолюции заведующего отделом. (7)

Таким образом, до начала гражданской войны в Советской России начала складываться система органов государственной безопасности, пресекавших контрреволюционные и иные тяжкие преступления. Уральские ЧК стали органической частью этой системы. За очень короткий срок был пройден путь от разрозненных структур госбезопасности, ставших результатом правотворчества местных советов и военно-революционных комитетов, до централизованного и организованного процесса создания этих подразделений в столице и в регионах. Под влиянием внутренних и внешних факторов, путем проб и ошибок устанавливалась компетенция и структура чекистских учреждений. За несколько месяцев ВЧК из исключительно следственного учреждения превратилась в образец внесудебных репрессий. Уральские ЧК шли в ногу со временем и в своей практике применяли приемы и методы, характерные для всех местных чекистских подразделений и в других регионах России. Более того, отдельные уездные ЧК превзошли центр в своей жестокости. В начале гражданской войны Нолинские чекисты Вятской губернии требовали от центрального аппарата ВЧК применения, в частности, к Локкарту, «самых утонченных пыток, чтобы получить сведения и адреса...

почему...вместо того, чтобы подвергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров», ему позволили уехать. (8) Именно в первые месяцы советской власти формировались принципы, ставшие основой будущих массовых репрессий.

Чрезвычайные комиссии в центре и на местах уже на первом этапе своего становления и развития в худших традициях советского государства и права объединили в себе все четыре функции уголовной юстиции, как правило распределяемые между различными правоохрнительными ведомствами: розыск и задержание подозреваемого; предварительное расследование дела; судебное или скорее всего внесудебное его рассмотрение; исполнение наказания. Большевики сознательно шли на такое объединение. Разделение функций розыска, следствия, суда и исполнения наказания имеет принципиальное значение для обеспечения, пусть даже, социалистической законности и охраны прав отдельной личности. При разделении компетенции начинает действовать система «сдержек и противовесов», одно правоохрнительное учреждение контролирует другое. Возникает большая вероятность того, что ошибки, допущенные при розыске и задержании подозреваемого, могут быть исправлены в ходе расследования дела. В то же время результаты и выводы предварительного следствия перепроверяются судом. В конечном итоге, органы, исполнявшие наказание, должны быть независимы от всех других и также не вмешиваются в проведение предыдущих стадий уголовного судопроизводства.

В советской системе госбезопасности с первых дней ее функционирования все было объединено. Это был монолитный репрессивный аппарат, который постепенно расширял поле своей деятельности и приходил к все более террористическим методам работы.

Необходимо отметить, что как человек образованный, Дзержинский понимал «ненормальность» положения своего учреждения не только в системе правоохрнительных органов, но и в целом в пролетарском государстве. В упомянутом интервью газете «Новая жизнь» он говорил: «Общество и пресса не понимают правильно задачи и характер нашей комиссии. Они понимают борьбу с контрреволюцией в смысле нормальной государственной

политики и поэтому кричат о гарантиях, судах, о следствии и т. д. Мы ничего не имеем общего с военно-революционными трибуналами, мы представляем организованный террор. Это нужно сказать открыто. Террор – абсолютная необходимость в данной ситуации, наша общая задача – борьба с врагами Советской власти, мы терроризируем врагов Советской власти». (9)

Уральские советские и чекистские подразделения именно в 1917-1918 годах воспитали будущих государственных деятелей правоохранительной системы СССР: наркома внутренних дел А. Г. Белобородова, комиссаров госбезопасности Т. Д. Дерибаса и Н. М. Быстрых, «выдающихся» чекистов Я. Х. Юровского, П. И. Малкова, П. И. Зенцова и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

Раздел 1. Исполнительные комитеты советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в механизме формирования системы правоохранительных органов

Глава 1. Создание местных комиссариатов внутренних дел и отделов управления.

1. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. док. Отв. Ред. А. С. Быстрова. Кировское кн. Изд. 1957. С. 240.

2. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 403.

3. Малая Советская энциклопедия. М. 1930. Т. 5. С. 545-646.

4. Хрисанфов В. И. История государства и права России. 1917-1999 гг. Спб. 1999. С. 18-19.

5. Кизилов И. И. НКВД РСФСР (1917-1930). М. 1969. С. 9.

6. Вперед. 1917. 8 декабря.

7. СУ РСФСР. 1917. № 2. Стр. 179.

8. Вестник НКВД. 1918. № 25. стр. 9-11.

9. Солдаты Октября. Очерки о борцах за установление Советской власти на Южном Урале. Челябинск. 1988. С. 245.

10. Вперед. 1918. 27 января.

11. ЦГИАРБ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 101. Л. 140.

12. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917- май 1918 гг.). Сб. док. и матер. Уфа. 1987. С. 109-157.

13. ЦГИАРБ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 34. Л. 50-51.

14. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917- май 1918 гг.). Сб. док. и матер. Уфа. 1987. С. 109-157.

15. Солдаты Октября. Очерки о борцах за установление Советской власти на Южном Урале. Челябинск. 1988. С. 169.

16. ГАКО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 15. Л. 305.

17. Абрамовский А. А. Революционная юстиция Челябинска в 1917-1918 гг. Челябинск. 2003. С. 81.

18. Вестник НКВД. 1918. № 20. С. 7-8.

19. Вестник НКВД. 1918. № 4. С. 2.

20. Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сб. док. Сост. Г. П. Рычкова. Свердловское. Кн. изд. 1957. С. 280-281.

21. Там же.

22. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург. 2000. С. 46.
23. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.
24. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С.365.
25. ГАКО. Ф. 897. Оп. 1 Д. 1 Л. 53.
26. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-9.
27. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917- май 1918 гг.). С. 109-157.
28. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 52. Л. 115-116.
29. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 52. Л. 115-116.
30. ГАКО. Ф. 876. Оп. 1. Д. 75. Л. 71.
31. Вестник НКВД. 1918. № 4. С. 2.
32. Кизиллов И. И. Указ. Соч. С. 35.
33. Вестник НКВД. 1918. № 17. С. 1-5.
34. Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. М. 1987. С. 317.
35. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С 365.
36. Кизиллов И. И. Указ. Соч. С. 27.
37. Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Док. и матер. Пермское кн. изд. 1966. С. 102.
38. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 432.
39. Уральский рабочий. 1918, 28 февраля.
40. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 590.
41. Вестник НКВД. 1918. № 20, С. 11.
42. Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сб. док. Сост. Г. П. Рычкова. Свердловское. Кн. изд. 1957. С. 286.
43. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1918. 17 февраля.
44. ГАПО. Ф. 358. оп. 1. Д. 663. Л. 3.
45. Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Изд. Саратовского университета. 1983. С. 144.

46. Селиванов Н. П. Большевики Урала в борьбе за создание аппарата уездных советов // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск. 1968. С. 70.

47. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 206. Л. 26.

48. Там же. Л., Л. 87, 104, 105.

49. Там же. Л. 85.

50. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Док. и мат. Под ред. Ф. С. Горового. Молотовское кн. Изд. 1957. С. 534.

51. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 206. Л. 221.

52. Там же. Л. 326.

53. Хрестоматия по истории Курганской области (1917-1945 гг.). Курган. 1997. С. 37.

54. ЦГИАРБ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 34. Л. 50-51.

55. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917- май 1918 гг.). С. 109-157.

56. Воля. 1918. 24 февраля.

57. Известия Оренбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 1918. 28 марта.

58. ГУОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 115. Л. 25-26.

59. ГАКО. Ф. 876. Оп. 1. Д. 14. Л. 30.

Глава 2. Военные отделы совдепов – организаторы Красной гвардии.

1. Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сб. док. Сост. Г. П. Рычкова. Свердловское. Кн. изд. 1957. С. 280-281.

2. Советский сборник. Вып. 1. Екатеринбург. 1918. С. 29-32.

3. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1918. 17 февраля.

4. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1918. 24 апреля.

5. Уральский рабочий. 1918. 29 октября.

6. Екатеринбург. Энциклопедия. Изд. «Академкнига». Екатеринбург 2002. С. 204.

7. Уральский рабочий. 1917. 10 декабря.

8. Екатеринбург. Энциклопедия. С. 221.

9. Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. С. 144.
10. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Док. и мат. Под ред. Ф. С. Горового. Молотовское кн. Изд. 1957. С. 534.
11. Селиванов Н. П. Большевики Урала в борьбе за создание аппарата уездных советов. С. 70.
12. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. С. 535.
13. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Док. и мат. Под ред. Ф. С. Горового. Молотовское кн. Изд. 1957. С. 538
14. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. С. 540.
15. Абрамовский А. А. Революционная юстиция Челябинска в 1917-1918 гг. С. 81.
16. ГУОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 115. Л. 25-26.
17. Известия Челябинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 16 мая.
18. Вперед. 1917. 29 октября.
19. ЦГИАРБ. Ф. 107. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.
20. Октябрь в Башкирии. Сб. док. Под ред. Чемериса. Башкирское кн. Изд. Уфа. 1979. С. 46.
21. ЦГИАРБ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 101. Л. 140.
22. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917- май 1918 гг.). Сб. док. и матер. Уфа. 1987. С. 109-157.
23. ЦГИАРБ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 34. Л. 50-51.
24. ГАКО. Ф. 897. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
25. Там же. Ф. 875. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.
26. ГАКО. Ф. 897. Оп. 1 Д. 4. л. 28-29.
27. Там же. Ф. 885. Оп. 1. Д. 5. Л. 105, Ф. 882. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
28. ГАКО. Ф. 876. Оп. 1. Д. 14. Л. 30.
29. ГАКО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 15. Л. 305.
30. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 391.
31. ГАКО. Ф. 880. Оп. 1. Д. 196. Л. 13.
32. Скробов В. С. Проблемы военной деятельности коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г. – 1920 г.). Свердловск. 1971. С. 94.

33. Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских, армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов. 1918. 10 марта.

34. Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских, армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов. 1918. 6 апреля.

35. Декреты советской власти. Т. 2. М. 1959. С. 64.

36. Декреты советской власти. Т. 2. С. 287.

37. Там же.

38. Там же. С. 403.

39. Скробов В. С. Проблемы военной деятельности коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г. – 1920 г.). С. 101.

40. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 312.

41. ЦГИАРБ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 2. Л. 22-23.

42. Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. С. 144.

43. ГАКО. Ф. 880. Оп. 1. Д. 146. Л. 13., Д. 163. Л. 10.

44. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 379.

45. Курицин В. М. Становление социалистической законности. М. 1983. С. 20.

46. ГАКО. Ф. 897. Оп. 1 Д. 16 Л. 119.

47. Хрестоматия по истории государства и права России. Сост. Ю. П. Титов. М. 1998. С. 310-314.

Раздел 2. Обеспечение охраны общественного порядка и безопасности граждан на Урале.

Глава 3. Всеобщее вооружение народа: система органов правопорядка Прикамья.

1. Уральский рабочий. 1917. 31 октября.

2. Там же.

3. Там же. 5 ноября.

4. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Док. и матер. Молотов. 1957. С.509-510.

5. ГУОГАЧО. Ф. 526. Оп. 2 Д. 33. Л. 95.

6. Уральский рабочий. 1918. 4 января.

7. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 331. Л. 99.
8. Переписка ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.- февраль 1918 г.). Сб. док. Т. 2. М. 1957. С. 49, 259, 391.
9. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. С. 511.
10. Там же. С. 512.
11. Уральский рабочий. 1918. 16 января.
12. Пролетарское знамя. 1917. 16 декабря.
13. Свободная речь. 1917. 23 декабря.
14. ГУОГАЧО. Ф. 526. Оп. 2. Д. 66. Л. 182.
15. Вакатов Ю. Б. К вопросу об организации советской милиции в Пермской губернии (1917-1918 гг.) // Ученые записки Пермского государственного университета. Юридические науки Т. 104. Ч. 2. 1963. С. 128.
16. Пролетарское знамя. 1917. 16 декабря.
17. Свободная речь, 1917. 23 декабря.
18. Уральский рабочий. 1917. 8 ноября.
19. ГУОГАЧО, Ф. П-596. Оп. 1. Д. 123. Л. 24.
20. Селиванов Н. П. Деятельность коммунистов по созданию органов советской милиции на Урале // Партийные организации Урала в борьбе за успешное строительство коммунизма. Свердловск 1966. С. 42.
21. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 206. Л. 138.
22. Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Док. и матер. Пермское кн. изд. 1966. С. 101.
23. Пролетарское знамя. 1917. 14 ноября.
24. Упрочение Советской власти в Пермской губернии. С. 329.
25. Борьба за Советскую власть на Южном Урале. Сб. док. и матер. Челябинск. 1957. С. 260-261.
26. Скробов В. С. Борьба большевистских организаций Урала за создание и укрепление вооруженных отрядов трудящихся в ходе установления и упрочения Советской власти // Большевистские организации Урала в борьбе за победу социалистической революции. Сб. научных трудов. Свердловск. 1987. С. 44.
27. Уральский рабочий. 1918. 28 февраля.
28. Известия Уральского Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов. 1918, 7 марта.

29. Медведев А. И. Помню, как мы ездили на усмирение. Записки красногвардейца. // В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов - участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. с. 83-84.
30. Там же.
31. Известия Ижевского Совета рабочих депутатов. 1918. 9 мая.
32. Исследования новейшей русской истории. Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917-январь 1919. Док. и мат. Париж. 1982. С. 285.
33. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 120. Л. 4.
34. Там же. Ф. 526. Оп. 2. Д. 66. Л. 87, 88, 104.
35. Каданцев С. М. В Уральской деревне // В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов - участников октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловское кн. изд. 1957. С. 147.
36. ГАПО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 168. Л. 27,28.
37. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
38. Селиванов Н. П. Указ. Соч. С. 44.
39. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
40. Бархатов А. В. В Кушве и Нижнем Тагиле в конце 1917-начале 1918 года // В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов - участников октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловское кн. изд. 1957. С. 134-136.
41. Селиванов Н. П. Указ. Соч. С. 42.
42. Нижний Тагил. Свердловское кн. изд. 1961. С. 10.
43. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 13. Л. 4, 6.
44. Там же. Л. 9.
45. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 206. Л. 282.
46. Там же. Л. 243.
47. Скробов В. С. Указ. Соч. С. 42.
48. Известия Уральского Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов. 1918. 31 мая.
49. ГАПО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1. Л.Л. 33-36.
50. Исследования новейшей русской истории. С. 55.
51. Селиванов Н. П. Указ. Соч. С. 42.
52. Там же. С. 44.

53. Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Свердловское кн. изд. 1957. С. 281.

54. Сборник приказов, постановлений, распоряжений, циркулярных телеграмм Народного комиссара внутренних дел. Вып. 1. Изд. Наркомвнудела. М. 1918. С. 59.

55. Селиванов Н. П. Указ. Соч. С. 45.

56. ГАПО. Ф. 59. Оп. 1 Д. 2. Л. 44.

Глава 4. Создание органов охраны правопорядка в Оренбуржье.

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 35. С. 40.

2. Мулукаев Р. С., Карташов Н. Н. Милиция России (1917-1993 гг.) Историко-правовой очерк. Орел. 1995. С. 8.

3. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 349. Л. 63-67.

4. Там же. Ф. 526. Оп. 2. Д. 163. Л. 1.

5. Фильченко С. Р. Орские большевики в борьбе за власть Советов // За счастье народное (воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье). Челябинск. 1966. С. 59-64.

6. Морозов Е. Г. Красная гвардия Челябинска и уезда в 1917-1918 гг. // Оренбургскому краю – 250 лет. Оренбург. 1994. С. 70.

7. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 327. Л. 38.

8. Там же. Ф. 526. Оп. 2. Д. 66. Л. 12.

9. Известия Челябинского Военно-революционного комитета. 1918. 16 января.

10. Пичугов С. Г. По неизвестным дорогам // В борьбе за власть Советов. Свердловское кн. изд. 1957. С. 169.

11. Чистяков И. Слобода Песчанская // Наша малая Родина. Т. 1. Щучье. 1999. С. 77.

12. Ваулин И., Волгов В. Он жив в памяти нашей // Там же. С. 101.

13. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 226. Л. 21.

14. Котов К. Создание Красной гвардии // За власть Советов. Чкаловское кн. изд. 1957. С. 99.

15. Оренбургский казачий вестник. 1918. 31 января.

16. Известия Оренбургского Военно-революционного комитета. 1918. 21 февраля.

17. Там же. 22 февраля.

18. ГУОГАЧО. Ф. 9924. Оп. 1. Д. 136. Л. 58.

19. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
20. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
21. Абрамовский А. А. Революционная юстиция Челябинска в 1917-1918 гг. С. 87-88.
22. Калинин Д.В. Штаб охраны города Челябинска (ноябрь 1917-май 1918 гг.) // Полиция и милиция России: формирование и развитие (к 200-летию МВД). Челябинск. 2000. С. 46.
23. Известия Челябинского Военно-революционного комитета. 1918. 19 января.
24. Там же. 25 января.
25. Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 17 февраля.
26. Там же. 20 февраля.
27. Абрамовский А. А.. Революционная юстиция Челябинска в 1917-1918 гг. С. 90.
28. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 222. Л. 46.
29. Цыпкина Р. Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции (по материалам губерний Центрального промышленного района, Урала и Поволжья). М. 1980. С. 302, 308.
30. Советский сборник. Вып. I. Екатеринбург. 1918. С. 6-11.
31. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.
32. Абрамовский А. А. Председатель Оренбургской Губчека И. Ф. Лобов // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала. V-я региональная научно-практическая конференция. Челябинск. 2005. С. 212.
33. Там же. С. 213.
34. Известия Оренбургского Военно-революционного комитета. 1918. 27 февраля.
35. Там же. 26 февраля.
36. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
37. Голос трудового казачества и крестьянства. 1918. 7 июня.
38. Известия Челябинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 29 марта.
39. Абрамовский А. А. Революционная юстиция Челябинска. С. 91-92.
40. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 226. Л. 24.
41. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 22. Л. 57.
42. Там же. Д. 221. Л. 73.

43. Там же. Д. 224. Л. 17.
45. Там же. Ф. 526. Оп. 2. Д. 20. Л. 16-18.
46. Там же. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 352. Л. 131.
47. Там же. Д. 34. Л. 5, 8, 11.
48. Там же. Д. 220.. Л. 4.
49. Известия Челябинского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 4 апреля.

Глава 5. Формирование советских правоохранительных структур в Уфимской губернии.

1. Вперед. 1917. 7 ноября.
2. Земля и воля. 1918. 18 января.
3. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 – май 1918) Сб. док. и матер. Уфа. 1987. С. 109-157
4. Там же. С. 77-78.
5. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 184. Л. 36.
6. Златоустовская энциклопедия. Златоуст. 1994. Т. 1. С. 12.
7. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 184. Л. 73-74.
8. Известия Миасского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 30 марта.
9. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г. - февраль 1918 г.). Сб. док. Т. 2. М. 1957. С. 294.
10. Октябрь в Башкирии. 1987. С. 109-157.
11. Там же. С. 17.
12. ЦГИА РБ, Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
13. Правда. 1918. 2 февраля.
14. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 – июнь 1918 гг.) Сб. док. и матер. Уфа. 1957. С. 380-381.
15. Румянцев Е. Д. Боевые организации народного вооружения на Урале в 1905-1918 гг. // Из истории общественных и политических организаций на Урале. Ч. I. Екатеринбург. 1992. С. 29.
16. Морозов Е. Г. Организационная структура Боевых организаций народного вооружения Уфимской губернии в 1917-1918 гг. // Двенадцатые Бирюковские чтения. Челябинск. 1996. С. 67.

17. Верховь В. П. Красная гвардия в Октябрьской революции. М. 1976. С. 114.

18. Василенко С. А. К вопросу о целях создания различных видов пролетарской милиции на Южном Урале // Наука-ВУЗ-школа. Сб. науч. трудов молодых исследователей. Челябинск-Магнитогорск. 1995. С. 36.

19. ГУОГАЧО. Ф. П - 596. Оп. 1. Д. 342. Л. 186.

20. Там же. Л. 177.

21. Там же. Ф. 526. Оп. 2. Д. 58. Л. 109, 118.

22. Там же. Д. 339. Л. 145.

23. АО Златоуста. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 21. Л. 79-89.

24. Морозов Е. Г. Указ. соч. С. 68.

25. АО Златоуста. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 2. Л. 59-61.

26. Башкирский сборник. Уфа. 1957. С. 411.

27. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 184. Л. 19-20.

28. Там же. Д. 184. Л. 12.

29. Там же. Д. 341. Л. 64.

30. Там же. Л. 66.

31. Солдаты Октября. Очерки о борцах за установление Советской власти на Южном Урале. Челябинск. 1988. С. 173.

32. ЦГИА РБ. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

33. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. С. 273-274.

34. ЦГИА РБ. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

35. Там же. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 2. Л. 7-8.

36. Там же. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.

37. Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

38. Октябрь в Башкирии. 1987. С. 109-157.

39. Там же.

40. Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета Рабочих и армейских депутатов. 1918. 6 апреля.

41. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март-июнь 1918 г.). Сб. док. Т. 3. М. 1967. С. 207.

42. ЦГИА РБ. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

43. Там же. Л. 20.

44. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 184. Л. 19-20.

45. Горячев Ю.Н., Дубленных В. В. Боевые организации народного вооружения // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 2000. С. 93.

46. Василенко С. А. Указ. соч. С. 37.

Глава 6. Обеспечение личной и имущественной безопасности граждан в Вятской губернии

1. ГАКО. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

2. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Кировское кн. изд-во. 1957. С. 224.

3. Октябрь и гражданская власть в Вятской губернии. Вятка. 1927. С. 87, 88.

4. ГАКО. Ф. 897. Оп. 1. Д. 1 Л. 15.

5. Там же. Д. 9 Л. 334.

6. Вятская правда. 1918. 13 января.

7. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 227.

8. ГАКО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1 Л. 1.

9. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 378-379.

10. ГАКО. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 28 Л. 114.

11. Там же. Л. 116.

12. Там же. Ф. 883. Оп. 2. Д. 10 Л. 181.

13. Там же. Ф. 882. Оп. 1. Д. 1 Л. 4.

14. Там же. Ф. 885. Оп. 1. Д. 5 Л. 10 б.

15. Там же. Ф. 875. Оп. 4. Д. 16 Л. 7.

16. Там же. Оп. 1. Д. 139. Л. 159.

17. Там же. Ф. 885. Оп. 1. Д. 15 Л. 305.

18. Там же. Ф. 883. Оп. 2. Д. 10 Л.Л. 37, 226, 228, 230, 231.

19. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 403.

20. Воля. 1918. 24 января.

21. Вятская правда, 1918. 7 марта.

22. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 264-265.

23. ГАКО. Ф. 897. Оп. 1. Д. 31 Л. 10.

24. Там же. Д. 21 Л. 28.

25. Там же. Ф. 880. Оп. 1. Д. 163 Л. 3.

26. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 111 Л. 50.
27. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.
28. ГАКО. Ф. 883. Оп. 2. Д. 23. Л. 224.
29. Там же. Ф. 876. Оп. 1. Д. 14 Л. 30.
30. Там же. Ф. 885. Оп. 5. Д. 38 Л. 104.
31. Там же.
32. Там же. Л. 21.
33. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
34. ГАКО. Ф. 2170. Оп. 1. Д. 46 Л. 10.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 11 Л. 30.
38. Там же. Ф. 884. Оп. 1. Д. 151 Л. 292.

Раздел 3. Особенности создания и функционирования аппаратов уголовного розыска.

Глава 7. Формирование института уголовного розыска в российской правоохранительной системе.

1. Большой юридический словарь. М. 2000. С. 640.
2. МВД России. Энциклопедия. М. 2002. С. 513.
3. Малая Советская Энциклопедия. Т. 9. М. 1931. С. 89-90.
4. Кизилев И. И. НКВД РСФСР (1917-1930 гг.). М. 1969. С.34.
5. Полубинский В. И. Становление уголовного розыска в Российской Федерации // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 143.
6. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней. СПб. 2001. С. 105.
7. Милиция Челябинской области. 1802-2002. Страницы истории. Под ред. В. И. Майорова. Челябинск. 2002. С. 81.
8. Архив новейшей истории России. Т. IX. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль-август 1917 года. М. 2004. С. 78-80.
9. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 227. Л. 2-12.
10. Кобзов В. С. Органы уголовного сыска Оренбуржья в 1917-1918 гг. // Полиция и милиция России: формирование и развитие (к 200-летию МВД). Челябинск. 2000. С. 55-56.

Глава 8. Становление советского уголовного права: региональный аспект.

1. История государства и права России. Учебник под ред. Ю. П. Титова. М. 2002. С. 297.

2. Голос трудового казачества. 1918. 30 апреля.

3. ЦГИА РБ. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 300. Л. 15.

4. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. док. Кировское кн. изд. 1957. С. 277.

5. Известия Челябинского Военно-революционного комитета. 1917. 26 ноября.

6. Там же. 1918. 30 января.

7. Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 10 апреля.

8. Уральский рабочий. 1918. 28 февраля.

9. ГАКО.Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 23. Л. 95-96.

10. ГОУ ГАПО. Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 11. Л. 40.

11. Вестник Народное дело. 1918. 28 апреля.

12. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 313.

13. Известия Верхнеуральского Совета солдатских, рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 1918. 7 июня.

14. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. Сб. док. Свердловгиз. 1947. С. 123-124.

15. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 222. Л. 16.

16. Известия Оренбургского Военно-революционного комитета. 1918. 24 февраля.

17. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 120. Л. 81.

18. Голос трудового казачества. 1918. 23 апреля.

19. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 206. Л. 105.

20. Там же. Ф. П-266. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

21. Казачья правда. 1918. 31 марта.

22. Вперед. 1918. 23 января.

23. Там же. 17 января.

24. Подготовка и проведение Великой октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.). Уфа. 1957. С. 387.

25. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 120. Л. 78.

26. Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 30 марта.

27. Там же. 10 марта.
28. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.
29. Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 24 апреля.
30. ГАКО. Ф. Р-885. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.
31. Известия Вятского губернского и Вятского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 25 апреля.
32. Малая Советская энциклопедия. Т. 5. М. 1931. С. 190.
33. Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов. 1918. 3 марта.
34. Уральский рабочий. 1918. 26 февраля.
35. Аграрная политика Советской власти (1917-1918 гг.). М. 1954. С. 268-271.
36. Там же. С. 317.
37. Известия Оренбургского Военно-революционного комитета. 1918. 23 февраля.
38. Солдаты Октября. Челябинск. 1988. С. 170.
39. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 123-124.
40. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1 Д. 66. Л. 64.
41. ЦГИА РБ. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 2. Л. 7-8.
42. Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.
43. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 139. Л. 172.
44. Свободная речь. 1917. 23 декабря.
45. Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 23 апреля.
46. Известия Верхнеуральского Совета солдатских, рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 1918. 7 июня.
47. Мусаев В. И. Указ. Соч. С. 105.

Глава 9. Создание советских аппаратов уголовного розыска на Урале.

1. Известия Оренбургского Военно-революционного комитета. 1918. 24 января.
2. Там же. 1918 год. 14, 20 февраля.
3. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 30. Л. 20.

4. Петров А. В. Организационно-правовые основы становления органов правопорядка и специальных органов по борьбе с преступностью на Южном Урале (1917 – 1923 гг.) Челябинск. 2003. С. 26.
5. Вестник Народное дело. 1918. 18 апреля.
6. Кобзов В. С. Указ. Соч. С. 56-57.
7. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
8. Калинин Д. В. Челябинское уголовно-сыскное бюро (март-сентябрь 1917 года) // Итоги и задачи регионального краеведения. Ч. II. Курган. 1997. С. 87-89.
9. Калинин Д. В. Штаб охраны города Челябинска как координирующий революционный орган обеспечения правопорядка (ноябрь 1917 – май 1918 гг.) // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области). Челябинск. 2003. С. 130.
10. Абрамовский А. А. Революционная юстиция Челябинска в 1917-1918 гг. Челябинск. 2003. С. 90.
11. Известия Челябинского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 10 марта.
12. Там же 1918. 12 марта.
13. Союзная мысль. 1917. 21 декабря
14. Там же.
15. Милиция Челябинской области 1802-2002. Страницы истории. С. 83.
16. Известия Челябинского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 20 марта.
17. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 222. Л. 18.
18. Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Док-ты и матер.. Пермское кн. изд. 1966. С. 102.
19. ГУОГАЧО. Ф. П- 596. Оп. 1. Д. 184. Л. 73, 74.
20. ГАКО. Ф. 897. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
21. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 245.
22. Упрочение Советской власти на территории Пермской губернии. Док. и матер. Пермское кн. изд. 1966. С. 102.
23. Петров А. В. Указ. Соч. С. 26.
24. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.
25. Курицин В. М. Становление социалистической законности. М. 1983. С. 30.
26. Мулукаев Р. С., Карташов Н. Н. Милиция России (1917-1918 гг.). Историко-правовой очерк. Орел. 1995. С. 12.

Раздел 4. Формирование и развитие органов государственной безопасности.

Глава 10. Создание Всероссийской чрезвычайной комиссии.

1. Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, 1917-1920 г.г. М. 1960. С. 5

2. Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917-1918. М. 1987. С. 77.

3. Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. Т. 1. М. 1966. С. 351.

4. Там же. С. 322.

5. Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. Минск. 1970. С. 208..

6. Мозохин О. Б. ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М. 2004. С. 11.

7. В. И. Ленин и ВЧК. (1917-1922). Сб. док-в. М. 1987. С. 18.

8. Там же. С. 23-24.

9. Городецкий Е. Н. Указ. Соч. С. 168.

10. Дзержинский Ф. Э. Избр. Произведения. М. 1957. Т. 1 С. 273

11. История государства и права России. Учебник под ред. Ю. П. Титова. М. 2000. С. 278.

12. Хильдермайер М. Цена победы: гражданская война и ее последствия // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. 1994. С. 317.

13. В. И. Ленин и ВЧК. С. 23-24.

14. Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. М. 2003. С. 14.

15. Эдельман Дж. Историческое значение русской гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. С. 369.

16. Ирошников М. П. К вопросу о сломе буржуазной государственной машины в России // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Сб. статей. Л. 1973. С. 59.

17. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. Под ред. С. К. Цвигуна и др. М. 1977. С. 145.

18. Городецкий Е. Н. Указ. Соч. С. 174.

19. В. И. Ленин и ВЧК. С. 27.

20. Там же. С. 28-29.

21. Там же. С. 34.
22. Там же. С. 36.
23. Мозохин О. Б. Указ. Соч. С. 43.
24. Городецкий Е. Н. Указ. Соч. С. 178.
25. В. И. Ленин и ВЧК. С. 40.
26. Известия ЦИК. 1918. 28 февраля.
27. Городецкий Е. Н. Указ. Соч. С. 178.
28. Там же. С. 172..
29. Известия ЦИК. 1918. 28 февраля.
30. Хацкевич А. Ф. Указ. Соч. С. 226, 239.
31. Известия ЦИК. 1918. 23 февраля.
32. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. С-Пб. 2002. С. 82.
33. Малая Советская энциклопедия. Т. М. 1929. С. 329.
34. Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. М. 2004. С. 74.
35. Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. М. 2002. С. 228.
36. Литвин А. Указ. Соч. С. 122.
37. Там же. С. 75.
38. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа. 1994. С. 105.
39. Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М. 1923. С. 97.
40. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918-1923 гг. М. 1990. С. 109.
41. Литвин А. Указ. Соч. С. 30.
42. ВЧК уполномочена сообщить...1918 г. М. 2004. С. 276.
43. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. Соч. С. 113-114.

Глава 11. Становление уральских «чрезвычайек».

1. Сырых В. М. История государства и права России. Советский и современный периоды. М. 1999. С. 31.
2. Округин А. А. Партийное руководство созданием и деятельностью чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией на Урале (1918-1920) // Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся масс в вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейцами (1918-1919). Свердловск. 1990. С. 98.

3. Сысоев Н. Г. Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. М. 2005. С. 321.
4. Уральская историческая энциклопедия. Изд-во «Академкнига». 2000. С. 381.
5. Управление ФСБ России по Свердловской области. 1918-2003. Екатеринбург 2003. С. 17-18.
6. Устькачкинцева А. И. Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 год). Молотовское кн. изд-во. 1953. С. 13.
7. Абрамовский А. А. Председатель Уральской Облчека Ф. Н. Лукоянов // Природное и культурное наследие Урала. Материалы III-й региональной научно-практической конференции. Челябинск. 2005. С. 10.
8. Революционеры Прикамья. Пермь. 1966. С. 189, 455, 613.
9. Сысоев Н. Г. Указ. Соч. С. 322.
10. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 1998. С. 105.
11. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 206. Л. 324-325.
12. Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск. 1959. С. 45.
13. Солдаты Октября. Уфа. 1980. С. 59.
14. Солдаты Октября. Челябинск. 1988. С. 176.
15. ГУОГАЧО. Ф. 526. Оп. 2. Д. 66. Л. 63.
16. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.
17. Страницы незримых поединков. Челябинск. 1986. С. 288-289.
18. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 349. Л. 101.
19. Башилов Е. А. Моя работа в ЧК // За власть советов. Оренбург. 1957. С. 216-217.
20. Абрамовский А. А. Становление советской судебной системы и уголовного судопроизводства (октябрь 1917 – июнь 1918 г.г.). М. 2004. С. 205.
21. Известия Челябинского совета рабочих, крестьянских, казачьих и армейских депутатов. 1918. 30 мая.
22. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 52. Л. 115-116.
23. Там же. Ф. 876. Оп. 1. Д. 75. Л. 70-71.
24. Там же. Ф. 2895. Оп. 1. Д. 1. Л. 234.
25. Управление ФСБ России по Свердловской области. 1918-2003. С. 16-17.
26. Уральская историческая энциклопедия. С. 381.
27. ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. С. 275.

Глава 12. Правовые основы деятельности учреждений государственной безопасности в первый год пролетарского государства.

1. Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. С. 303.

2. Там же. С. 305.

3. Там же. С. 306.

4. ВЧК уполномочена сообщить...1918 г. С. 59, 61.

5. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. Под ред. С. К. Цвигуна и др. С. 160.

6. Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. С. 309.

7. Там же. С. 311.

8. ВЧК уполномочена сообщить...1918 г. С. 132.

9. Политическая история. Россия – СССР - Российская Федерация. Т. 2. М. 1996. С. 71.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткий биографический справочник руководителей среднего и нижнего звена (уездного и волостного) местных органов советской власти и правоохранительных учреждений

1. **Абрамов** – комиссар управления Алапаевского завода Пермской губернии в мае 1918 г.
2. **Абросимов** Фрол Макарович – комиссар боевой дружины Саткинского завода Уфимской губернии с апреля 1918 г., большевик.
3. **Аргентов** – комиссар общественной безопасности совнаркома Шадринского совета рабочих и крестьянских депутатов со 2 марта 1918 года.
4. **Алексеев** Александр – комиссар отряда Красной гвардии Невьянского завода, созданного в августе 1917 г.
5. **Аникеев** Михаил Андреевич – начальник милиции Златоустовского уезда Уфимской губернии весной 1918 г.
6. **Алпанов** – председатель Слободского уездного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Вятской губернии в декабре 1917 года.
7. **Абашеев В.** – председатель Верховойского волсовета крестьянских депутатов Нолинского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.
8. **Азанов Л. А.** – (1895-1940), председатель Таналыко-Баймакского волсовета рабочих депутатов Оренбургской губернии с октября 1917 г., рабочий Баймакского медеплавильного завода, большевик.
9. **Баклушин** – комиссар управления Воткинского завода в мае 1918 г., ранее, в феврале – председатель местного совдепа.
10. **Буров** – комиссар управления Красноуфимского завода в мае 1918 г.
11. **Братанов Ф. П.** – в январе 1918 г. помощник участкового милиционера 1-го района Зареченской части г. Челябинска, расположенного в доме купца Федорова на Солдатской улице. После упразднения 1 марта милиции – сотрудник Штаба охраны города.

12. **Богомоллов Г. Т.** – председатель ВРК п. Янгельского Верхнее-Уральского уезда Оренбургской губернии в апреле 1918 г., инициатор создания боевой дружины в составе пешего и небольшого конного отрядов.

13. **Баев** – народный судья 2-го участка Челябинского уезда Оренбургской губернии в апреле 1918 г.

14. **Бухаров** – председатель Челябинской уездной следственной комиссии в феврале 1918 г.

15. **Беляков** – народный судья 2-го участка Челябинского уезда Оренбургской губернии в марте 1918 г.

16. **Бакшаев Василий Егорович** – первый председатель Когшагского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Яранского уезда Вятской губернии, крестьянин.

17. **Бормотов Н. П.** – командир дружины Покрово-Ясылской волости Кунгурского уезда Пермской губернии весной-летом 1918 г.

18. **Барышев Георгий** – командир дружины численностью около 200 человек с. Зелим Стерлитамакского уезда Уфимской губернии весной-летом 1918 г.

19. **Ботев Павел Федорович** – командир объединенной боевой дружины Кусинского, Никольского и Петропавловского заводов Златоустовского уезда Уфимской губернии в марте-июне 1918 г.

20. **Бурдин-Коваль** – первый комиссар внутренних дел Златоустовского уездного совнаркома Уфимской губернии, левый эсер.

21. **Брангин** – председатель Мальконского волсовдепа Нолинского уезда Вятской губернии в апреле 1918 г.

22. **Бабкин** – член следственной комиссии при отделе юстиции Благовещенского совета рабочих и крестьянских депутатов Уфимского уезда с 22 апреля 1918 года.

23. **Белозеров** – комиссар по внутренним делам Бирского уездного совнаркома Уфимской губернии.

24. **Башкатов А. Е.** (1895-1956) – начальник Инзерского штаба БОНВ Уфимской губернии, лесник-землемер, большевик. В 1916-1917 гг. – в действующей армии, подпоручик, с конца 1917 г. – председатель Инзерского совета рабочих депутатов.

25. **Баранов С.** – председатель Чусовского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Пермской губернии в ноябре 1917 г.

26. **Безденежных С.** - председатель Кармаскалинского волостного ВРК Стерлитамакского уезда Уфимской губернии.

27. **Биберштейн С. В.** – член Оренбургского советского окружного суда в апреле 1918 г.

28. **Белихов** - член следственной комиссии Троицкого совдепа в 1918 г.

29. **Бампасов** - член Троицкого военно-революционного трибунала в апреле 1918 г.

30. **Бобков** - член Троицкого военно-революционного трибунала в апреле 1918 г.

31. **Безолуцкий Алексей Гаврилович** – член первого советского народного суда Мотовилихи Пермской губернии в январе 1918 г.

32. **Борисов-Даниленко Сергей Васильевич** – зам. председателя Пермского губисполкома и председатель административного отдела, рабочий, член РСДРП(б) с 1908 г.

33. **Видягин** - председатель совета рабочих и крестьянских депутатов Уфимского уезда в марте-июне 1918 года.

34. **Вопияков** – зам. председателя Вятского губисполкома, одновременно – губернский комиссар юстиции с 8 января 1918 г.

35. **Волянский Е.** - народный судья 3-го участка Челябинского уезда Оренбургской губернии весной 1918 г.

36. **Воропанов Василий Григорьевич** – начальник боевого штаба по охране общественной безопасности г. Илек в декабре 1917 г.

37. **Верещагин** - председатель Щербинского волсовета крестьянских депутатов Вятского уезда в феврале 1918 г.

38. **Ватлецов** – председатель Талоключенского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских Нолинского уезда Вятской губернии в июне 1918 г.

39. **Вапилов Евгений** - член советской следственной комиссии 3-го отдела Оренбургского казачьего войска в г. Троицке в апреле 1918 г.

40. **Васильев Макар Васильевич** (23.07.1889-24.10.1940) – с февраля 1918 г. одновременно председатель уездного Камыш-

ловского исполкома совдепа Пермской губернии, председатель ЧК и военком. С июня – военрук Камышловско-Шадринского и Тюменско-Омского направлений, с октября начдив Сводно-Уральской, затем 29-й стрелковой дивизии, командир особой бригады, с августа 1919 г. комендант екатеринбургского укреп-района, начальник гарнизона Екатеринбурга, с декабря – пом. командующего войсками УралВо, в 1921 г. руководил подавлением крестьянских восстаний на Урале и в западной Сибири. Затем на советско-хозяйственной работе. 26 декабря 1936 г. арестован как враг народа, заключен в Верхнее-Уральскую тюрьму, затем выслан в Магадан. Позже расстрелян.

41. **Гущин** – первый командир боевой дружины (численностью 70-80 человек) Саткинского завода Уфимской губернии с января по март 1918 г., левый эсер.

42. **Горевских** – комиссар отдела административной и общественной безопасности Шадринского уездного совнаркома Пермской губернии с января 1918 г., одновременно – начальник штаба Красной гвардии.

43. **Гаревских** – комиссар юстиции Камышловского уисполкома Пермской губернии с 6 марта 1918 г.

44. **Галяминский** - комиссар юстиции Шадринского уездного совнаркома Пермской губернии в мае 1918 г.

45. **Гиндуллин Тимирхан** - член советской следственной комиссии Московского волисполкома Бирского уезда Уфимской губернии, созданной 28 февраля 1918 г., житель д. Уртаевой.

46. **Гурин** – председатель следственной комиссии при Курганском уездном ревтрибунале, созданном в феврале 1918 г., кузнец.

47. **Габов** – комиссар административно-уголовного отдела Шадринского уездного совнаркома Пермской губернии в июне 1918 г.

48. **Головизин** - командир объединенного красногвардейского отряда предприятий г. Троицка, созданный 8 января 1918 г., рабочий депо Троицко-Орской железной дороги.

49. **Городилов** – комиссар военного отдела Вятского губисполкома в январе 1918 г. (избран от Глазовского уезда).

50. **Гоголев** - председатель Мальканского волисполкома совета рабочих, солдатских и крестьянских Нолинского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

51. **Герасимов Л.** - председатель Белоколупецкого волисполкома Слободского уезда Вятской губернии в мае 1918 г.

52. **Гордеев Макар Агафонович** - член следственной комиссии при отделе юстиции Благовещенского совета рабочих и крестьянских депутатов Уфимского уезда с 22 апреля 1918 года.

53. **Гомелюк** - председатель Ишпарсовского волсовета крестьянских депутатов Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

54. **Гизатуллин И.** - председатель Верхнекичигинского волсовета крестьянских депутатов Златоустовского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

55. **Гассар С. Н.** – начальник революционного штаба ст. Зуевка Вятской губернии весной 1918 г.

56. **Горбунов-Корчагинский И. Я.** - председатель Заинского волостного ВРК Мензелинского уезда Уфимской губернии в 1918 г.

57. **Гаряев А. К.** - член Оренбургского советского окружного суда в апреле 1918 г.

58. **Гозенцвайг А. А.** - член Оренбургского советского окружного суда в апреле 1918 г.

59. **Гонзаков** - член следственной комиссии Троицкого совдепа в 1918 г.

60. **Глинских В. С.** – военный комиссар исполкома Троицкого совдепа весной-летом 1918 г.

61. **Деришев И.** – председатель Слободского уисполкома Вятской губернии в марте 1918 г.

62. **Душкин** - председатель Смирновского волсовета крестьянских депутатов Орловского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

63. **Дряхлов И.** - председатель Ключевского волсовета крестьянских депутатов Глазовского уезда Вятской губернии в апреле 1918 г.

64. **Давлетгариев** – товарищ комиссара юстиции Бирского уездного совнаркома Уфимской губернии с 8 апреля 1918 г.

65. **Докман С. Ф.** – член уфимского губернского штаба БОНВ, солдат канцелярии 127-го пехотного запасного полка, с октября 1917 г. – член исполкома Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов (в январе-марте 1918 г. – товарищ председателя).

66. **Даутов Ш. М.** - председатель Серменевского волостного ВРК Уфимской губернии, организатор боевой дружины.

67. **Денисов Викентий Иванович** – член президиума Троицкого военно-революционного трибунала в апреле 1918 г.

68. **Дубинин И.** - председатель Заинского волостного совета солдатских и крестьянских депутатов Мензелинского уезда Уфимской губернии в январе-феврале 1918 г.

69. **Дудин Яков Ефимович** – член красногвардейского отряда Чепецкого волсовета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Вятского уезда в январе 1918 г.

70. **Емельянов И.** - председатель Балезинского волисполкома Глазовского уезда Вятской губернии в июне 1918 г.

71. **Елистратов** – начальник боевой дружины с. Топорнино Покровской волости Уфимского уезда в апреле 1918 г.

72. **Ермолаев А. С.** (1891-19320) – в 1917 г. один из организаторов БОНВ в Уфе, с марта 1918 г. – товарищ председателя Уфимской губЧК, бывший рабочий железнодорожных мастерских.

73. **Егоров** – начальник милиции Миасского завода Златоустовского уезда Уфимской губернии с 30 марта 1918 г.

74. **Еремеев Аммос Владимирович** - член следственной комиссии Троицкого совдепа в апреле 1918 г., затем отстранен от должности «как не соответствующий своему назначению».

75. **Жамалин Агзам** - председатель Кизганбашевского волсовета рабочих и крестьянских депутатов в апреле 1918 г.

76. **Жиганов** - председатель Орловского уисполкома Вятской губернии в феврале 1918 г.

77. **Жутков** - председатель Котельнического уисполкома Вятской губернии в апреле 1918 г.

78. **Зыков В.** - председатель Зыковского волисполкома крестьянских депутатов Яранского уезда Вятской губернии в декабре 1917 г., в январе 1918 г. – организатор местной Красной гвардии.

79. **Золотов** - председатель Архангельского волисполкома Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

80. **Зудов П. И.** (1885-1937) - начальник Богоявленского районного штаба БОНВ Уфимской губернии, член РСДРП(б) с 1904 г., рабочий-стеклодув. В 1917-1918 гг. – председатель Богоявленского комитета РСДРП(б).

81. **Завьялов Николай Семенович** – председатель Мотовилихинской ЧК Пермской губернии.

82. **Запольский** - председатель Слободского уисполкома Вятской губернии в июне 1918 г.

83. **Загребенюк И. Г.** - начальник милиции Оренбургско-Орской железной дороги.

84. **Исупов** – комиссар управления Глазовского уезда Вятской губернии в мае 1918 г.

85. **Ильиных** – командир одного из красногвардейских отрядов г. Касли Уфимской губернии весной 1918 г., устанавливал со своим формированием советскую власть в с. Куяш.

86. **Исупов** - председатель Христорождественского волисполкома Малмыжского уезда Вятской губернии в феврале 1918 г.

87. **Ибатуллин З.**- председатель Мухаметкулуевского волостного ВРК Челябинского уезда Оренбургской губернии.

88. **Иванов** - член следственной комиссии комиссариата юстиции Троицкого совдепа в апреле 1918 г.

89. **Копылов** - комиссар управления Орловского уисполкома Вятской губернии в мае 1918 г.

90. **Кононов** – комиссар юстиции Шадринского усовнаркома Пермской губернии в январе 1918 г.

91. **Клевенский** – комиссар юстиции Совета комиссаров Шадринского исполкома со 2 марта до мая 1918 г.

92. **Князев** – первый председатель Шадринского ВРК, созданного в январе 1918 г.

93. **Копцев И. М.** – первый председатель Кирсевского ВРК Уфимской губернии, созданного в январе 1918 г., при котором состояла дружина численностью 108 человек.

94. **Камышов** – член следственной комиссии по контрреволюционным делам, спекуляции и мародерству станции Шумиха Челябинского уезда Оренбургской губернии, созданной в мае 1918 г.

95. **Кириллов** – товарищ (заместитель) председателя Вятского губревтрибунала в январе 1918 г.

96. **Константинов Николай** – комиссар (командир) Верхне-Уральской боевой дружины с 20 марта 1918 г.

97. **Коротаев Ф. И.** – большевик, первый председатель Кунгурского уездного ВРК Пермской губернии, созданного 28 октября 1917 г.

98. **Кривенков М. И.** – председатель Кувандыкского ВРК Оренбургской губернии в январе 1918 г.

99. **Копосов** – помощник начальника Котельнической уездной милиции Вятской губернии в ноябре 1917 г.

100. **Капустин Гаврила Иванович** – командир Красной гвардии при Чепецком волостном совете Вятского уезда, созданного 18 января 1918 года.

101. **Корчемкин М.** – председатель Вятского уездного исполкома в мае 1918 г.

102. **Кузнецов** – комиссар по самоуправлению Нолинского уисполкома в апреле 1918 г.

103. **Красноперов П.** – председатель Сарапульского уездного совета рабочих депутатов Уфимской губернии с 12 марта 1918 г.

104. **Ковырзин Н.** – председатель Слободского уисполкома совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Вятской губернии в январе 1918 г.

105. **Качкаев Иван Максимович** – член следственной комиссии отдела юстиции Благовещенского волостного совета рабочих и крестьянских депутатов Уфимского уезда, созданной 22 апреля 1918 г.

106. **Карманов** – председатель Верхотарского волостного совета крестьянских депутатов Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в январе 1918 г.

107. **Крыласов** – председатель Метеменского волостного совета крестьянских депутатов Златоустовского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

108. **Кубарев В.** – председатель Мурзаларского волисполкома Златоустовского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

109. **Кривов Т. С.** (1886 – 1966) – с сентября 1917 г. – комиссар рабочей милиции г. Уфы, слесарь Уфимской железнодорожных мастерских, член большевистской партии с 1905 г., в 1910 – в эмиграции в Париже, с апреля 1917 г. – товарищ председателя Уфимского рабочего железнодорожного комитета РСДРП(б), член исполкома Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов, с апреля 1918 г. – член Уфимского губкома РСДРП(б).

110. **Кильменов Ш. Г.** (1883 -1919) – с апреля 1918 г. председатель и комиссар по внутренним делам Бураевского волостного совета крестьянских депутатов Бирского уезда Уфимской губернии, кузнец, окончил Бирскую инородническую школу.

В конце 1918 г. арестован белогвардейцами, выслан в Сибирь, бежал. Погиб в бою с колчаковцами на р. Илим (Восточная Сибирь) в сентябре 1919 г.

111. **Калашников С. В.** (1862 -1944) – с сентября 1917 г. председатель Богоявленского совета рабочих и солдатских депутатов, большевик, помощник лесничего.

112. **Карпов Н.** – в декабре 1917 г. председатель Усольского исполкома совета рабочих депутатов Пермской губернии.

113. **Камбулатов** – председатель Арслановского волостного совета крестьянских депутатов Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

114. **Клейм Т. И.** – член Оренбургского советского окружного суда в апреле 1918 г.

115. **Клестов** – комиссар отдела по самоуправлению Вятского губисполкома с января 1918 г.

116. **Капустин** – летом 1918 г. председатель Вятской губчека, ранее, с декабря 1917 г., возглавлял отдел связи губисполкома.

117. **Капустин Гаврила Иванович** – боец красногвардейского отряда Чепецкого волсовета крестьянских депутатов Вятского уезда с января 1918 г.

118. **Кожевников П.** – 14 декабря 1917 г. избран председателем Кусинского волостного ВРК Уфимской губернии, одновременно являлся комиссаром труда.

119. **Лепешкин Василий Алексеевич** – первый командир боевой дружины, созданной в декабре 1917 г. в Кусинском заводе, большевик.

120. **Летягин** – командир Красной гвардии депо ст. Троицк, созданной в декабре 1917 г.

121. **Ложкин** - председатель Якшинского волсовета крестьянских депутатов Вятского уезда в апреле 1918 г.

122. **Латыпов** – председатель Бакалинского волисполкома Белебеевского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

123. **Лешков П. С.** - председатель Усть-Икинского волостного совета крестьянских депутатов Златоустовского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г. сын мельника, в годы 1-й мировой войны – солдат-сапер, большевик, участник гражданской войны, умер в 1940-х годах.

124. **Львов Г.** - председатель Дмитровского волостного совета крестьянских депутатов Уфимского уезда в мае 1918 г.

125. **Ложкин Д.** – командир красногвардейского отряда в Орлове – уездном центре Вятской губернии.

126. **Лукоянов Михаил Николаевич** (1892-1940) – с 21.12.1917 г. по 20.01.1918 г. – председатель Пермского губисполкома, с января по декабрь 1918 г. – губвоенком.

127. **Лобастов Ларион Гаврилович** – член президиума Троицкого уездного военно-революционного трибунала Оренбургской губернии в апреле 1918 г.

128. **Лузин** - член Троицкого уездного военно-революционного трибунала Оренбургской губернии в апреле 1918 г.

129. **Лобовиков** – комиссар отдела по самоуправлению Вятского губисполкома с января 1918 г.

130. **Логинов Андрей Дмитриевич** – боец красной гвардии с. Константиновки Арпорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии с марта 1918 г.

131. **Мосеев Михаил Феокистович** – первый командир крестьянской боевой дружины с. Куяш Каслинского региона Пермской губернии, созданной в апреле 1918 г.

132. **Мокеров В.** – первый председатель Яранского уездного совета рабочих и солдатских депутатов Вятской губернии, организованного в январе 1918 г.

133. **Малишевский Аркадий Николаевич** – организатор и начальник штаба Красной гвардии в Орске Оренбургской губернии в январе 1918 г.

134. **Морозов** – член следственной комиссии по контрреволюционным делам, спекуляции и мародерству ст. Шумиха Челябинского уезда Оренбургской губернии, созданной в мае 1918 г.

135. **Мухаметаминов Ахметнаби** - член следственной комиссии Московского волостного совета крестьянских депутатов Бирского уезда Уфимской губернии, созданной 28 февраля 1918 г., житель д. Аканеевой.

136. **Меховой** – командир Красной гвардии Кыштымских копей.

137. **Мотовилов Петр Якимович** – первый председатель Песчанского волостного совета крестьянских депутатов Щучанского региона, избранный 28 января 1918 г.

138. **Майер** – комиссар управления Нижне-Тагильского завода пермской губернии в мае 1918 г.

139. **Маринин** – председатель совета рабочих депутатов Саткинского завода Уфимской губернии.

140. **Могильников Владимир Иванович** – пом. начальника Штаба охраны г. Челябинска с 13 января 1918 г., ранее – инструктор Красной гвардии.

141. **Михалев** – пом. начальника Кухарской боевой дружины Вятской губернии в июле 1918 г.

142. **Мошатин** – председатель Каменского волисполкома Вятского уезда в апреле 1918 г.

143. **Мальщиков** - председатель Косинского волисполкома Вятской губернии в январе 1918 г.

144. **Марков** - председатель Нолинского уисполкома Вятской губернии в мае 1918 г.

145. **Мещеряков** – командир боевой дружины г. Давлеткаево Белебеевского уезда Уфимской губернии.

146. **Марченко** – комиссар юстиции Бирского совнаркома Уфимской губернии с 8 апреля 1918 г.

147. **Макаров** – военный комиссар Бирского совнаркома Уфимской губернии с 8 апреля 1918 г.

148. **Муртазин** - председатель Белокатайского волостного совета крестьянских депутатов Златоустовского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

149. **Момужьянц Х. Б.** – председатель военной секции Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов с декабря 1917 г., член губревкома, большевик, ранее – прапорщик 127-го пехотного запасного полка.

150. **Мелентьев С. В.** – председатель Ак-Булакского волостного ВРК Оренбургской губернии с января 1918 г.

151. **Малахов** - председатель Шадринского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в январе 1918 г.

152. **Мильков И.** – комиссар юстиции Ирбитского уисполкома Пермской губернии в апреле 1918 г.

153. **Мартынов Б. А.** - член Оренбургского советского окружного суда в апреле 1918 г.

154. **Малиновский В. И.** - член Оренбургского советского окружного суда в апреле 1918 г.

155. **Москов Я.** – председатель Лысвенской ЧК весной 1918 г.

156. **Малыгин С.** – комиссар (член) Вятского губернского военного комиссариата в мае 1918 г.

157. **Нагорных** – старший пом. начальника бюро уголовного сыска Челябинска в феврале 1918 г.

158. **Новоселов А.** - председатель Малмыжского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Вятской губернии в январе 1918 г.

159. **Никитин** - председатель Тастубинского волостного совета крестьянских депутатов Златоустовского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

160. **Осинович** – комиссар управления Пермского уезда в мае 1918 г.

161. **Овчарук** – председатель Котельничского уездного ВРК Вятской губернии с декабря 1917 по июль 1918 гг.

162. **Останков** - Котельничский уездный комиссар, направленный Вятским губисполкомом для установления советской власти в уезде, одновременно - командир Красной гвардии в декабре 1917 г.

163. **Опарин И. Ф.** – начальник штаба БОНВ Аша-Балашовского завода Златоустовского уезда Уфимской губернии в марте 1918 г.

164. **Подпорин** - комиссар управления Камышловского уезда Пермской губернии в мае 1918 г.

165. **Попов** - комиссар управления Шадринского уезда Пермской губернии в апреле-мае 1918 г.

166. **Пузанов Л. Г.** – первый председатель ВРК с. Петровка Оренбургского уезда, созданного в апреле 1918 г.

167. **Попов Михаил** – комиссар административной общественной безопасности Шадринского совнаркома в январе 1918 г., одновременно – член первого состава уездного ВРК.

168. **Пивоваров** - член следственной комиссии по контрреволюционным делам, спекуляции и мародерству ст. Шумиха Челябинского уезда Оренбургской губернии, созданной в мае 1918 г.

169. **Пастухов** – начальник штаба Челябинской Красной гвардии в феврале 1918 г.

170. **Прохоров Семен Михайлович** – начальник милиции Песчанской волости Щучанского региона в январе 1918 г.

171. **Попов** – один из руководителей комитета военно-народной охраны г. Уфы в ноябре 1917 г.

172. **Паршков** - член следственной комиссии Вятского губревтрибунала в апреле 1918 г., большевик.

173. **Пермяков** - председатель Буйского волисполкома Нолинского уезда Вятской губернии в апреле 1918 г.

174. **Пермяков** - председатель Копкинского волисполкома Малмыжского уезда Вятской губернии в июне 1918 г.

175. **Пасынков Филипп** – пом. начальника боевой дружины Дуван-Табынского волостного совета крестьянских депутатов Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

176. **Павлов И.** - пом. начальника Уфимской дружины по охране народного достояния в марте 1918 г.

177. **Пичугин Г.** – комиссар внутренних дел Тюкинского волостного совета крестьянских депутатов Бирского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

178. **Пашилов Н.** – председатель Удельно-Дуванского волостного совета крестьянских депутатов Уфимского уезда в мае 1918 г.

179. **Попало Л.** – командир БОНВ численностью 50 человек д. Валентиновка Стерлитамакского уезда Уфимской губернии.

180. **Попков** – председатель ВРК станции Кунгур Пермской губернии.

181. **Палкин И. А.** – комиссар военно-административного отдела Верхнеуфалейского волсовета рабочих депутатов Екатеринбургского уезда Пермской губернии в марте 1918 г.

182. **Потапов** - член следственной комиссии комиссариата юстиции Троицкого совдепа в апреле 1918 г.

183. **Петров** - член следственной комиссии комиссариата юстиции Троицкого совдепа в апреле 1918 г.

184. **Падерин** – член Троицкого военно-революционного трибунала в апреле 1918 г.

185. **Псарев** - комиссар (член) Вятского губернского военного комиссариата в мае 1918 г.

186. **Рубашин И. М.** – член «милицейской тройки», созданной при Куяшском ВРК Каслинского региона весной 1918 г.

187. **Рогалев** – товарищ (заместитель) председателя Вятского губревтрибунала.

188. **Реднев** – начальник штаба Каслинского завода Пермской губернии численностью 30 человек, созданного в январе 1918 г.

189. **Ржаницин А.** – начальник Малмыжской уездной милиции Вятской губернии в ноябре-декабре 1917 г.

190. **Рахлин** - член следственной комиссии Вятского губревтрибунала в апреле 1918 г.

191. **Рахолов** - начальник Малмыжской уездной милиции Вятской губернии в январе 1918 г.

192. **Рудаков В. П.** - председатель Песковского волостного ВРК Вятской губернии в январе 1918 г., с февраля - волостного совета крестьянских депутатов.

193. **Саванский** - комиссар управления г. Усолье Пермской губернии в мае 1918 г.

194. **Сухарнов И. П.** - первый председатель ВРК станции Богославской Оренбургской губернии, созданного весной 1918 г.

195. **Сафронов** - первый председатель Вятского губревтрибунала, образованного 13 января 1918 г.

196. **Самойлов А.** – с 7 марта 1918 г. комиссар Оренбургского губернского штаба по борьбе с контрреволюцией, замененного 1 июня на губчека.

197. **Свешников Виктор Михайлович** – председатель Троицкого уисполкома крестьянских, казачьих и мусульманских депутатов, одновременно, с 15 апреля 1918 г., - комиссар юстиции города и уезда.

198. **Смирнов** – командир отряда Красной гвардии Архиповской мельницы Челябинского уезда, созданного в декабре 1917 г.

199. **Саламатов А.** – начальник милиции 3-го участка Уржумского уезда Вятской губернии в ноябре 1917 г.

200. **Соколов** - товарищ (заместитель) председателя Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов в ноябре 1917 г.

201. **Седов Семен Михайлович** - председатель Благовещенского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Уфимского уезда, избранный 28 января 1918 г., одновременно с 22 апреля – комиссар внутренних дел.

202. **Сатюков** - председатель Верхосунского волисполкома Глазовского уезда Вятской губернии в феврале 1918 г.

203. **Суслов** - председатель Шарановского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Орловского уезда Вятской губернии в феврале 1918 г.

204. **Стариков Иван Тимофеевич** - комиссар юстиции Благовещенского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Уфимского уезда, избранный 22 апреля 1918 г.

205. **Сафаргалеев П.** - председатель Кичкиняшевского волостного совета крестьянских депутатов Белебеевского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

206. **Субханкулов А.** - председатель президиума Куручеевского волостного совета крестьянских депутатов Белебеевского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

207. **Слободин М.** – командир БОНВ численностью 300 человек д. Красноярка Стерлитамакского уезда Уфимской губернии.

208. **Синявский Д. Е.** - председатель ВРК Надеждинского завода Пермской губернии.

209. **Сорокин В. А.** - председатель Пермского губисполкома с 21 января по 19 ноября 1918 г.

210. **Старожилов А. К.** - председатель Верхнее-Уфалейского волостного совета рабочих депутатов Екатеринбургского уезда Пермской губернии в марте 1918 г.

211. **Суров М. А.** - член Оренбургского советского окружного суда в апреле 1918 г.

212. **Студинов Петр Иванович** – председатель ЧК Лысьвенского уезда Пермской губернии в июне 1918 г.

213. **Симонов** - комиссар (член) Вятского губернского военного комиссариата в мае 1918 г.

214. **Селянин** - председатель военного отдела Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов в декабре 1917 г.

215. **Созонтов Николай Иванович** – боец красногвардейского отряда Чепецкого волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Вятской губернии в январе 1918 г.

216. **Созонтов Алексей Николаевич** – боец красногвардейского отряда Чепецкого волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Вятской губернии в январе 1918 г.

217. **Серов Василий Андреевич** - боец красногвардейского отряда с Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

218. **Смирнов Василий Николаевич** - боец красногвардейского отряда с Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

219. **Тюков И. В.** - член «милицейской тройки», созданной при Куяшском ВРК Каслинского региона весной 1918 г.

220. **Тряпицин И. В.** - председатель Рождественского волостного совета крестьянских депутатов Челябинского уезда Оренбургской губернии, эсер.

221. **Таранов В.** – первый командир Красной гвардии с. Исаево-Дедово Оренбургской губернии, созданной в марте 1918 г.

222. **Трубинский А.** - председатель Вятского горсовета рабочих и солдатских депутатов в январе-апреле 1918 г.

223. **Тунгусов** - председатель Елабужского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Вятской губернии в декабре 1917 года.

224. **Токарев** - председатель Яранского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Вятской губернии в марте 1918 г., в мае – уездный комиссар управления, левый эсер.

225. **Туманов И. Ф.** (1880-1952) – пом. начальника Уфимского губернского штаба БОНВ с марта 1918 г., ранее - рабочий Миньярского завода, член исполкома Миньярского совета рабочих депутатов, 4 декабря 1917 г. член Уфимского губисполкома. Член РСДРП(б) с 1905 года.

226. **Тарасенков** - член Троицкого уездного военно-революционного трибунала Оренбургской губернии в апреле 1918 г.

227. **Тулупов Илья Лаврентьевич** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

228. **Торабеев Павел Васильевич** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

229. **Успенский** - первый командир Красной гвардии ст. Донецкой Оренбургской губернии.

230. **Удинцев** - местный народный судья 9-го участка станции Юргамыш Челябинского уезда Оренбургской губернии.

231. **Утробин Н.** – командир Красной гвардии г. Вятки в январе 1918 года.

232. **Усов И. С.** (1886-1918) - председатель Месягутовского волостного совета крестьянских депутатов Златоустовского уезда Уфимской губернии в апреле 1918 г, большевик, убит кулаками 4 июня 1918 г.

233. **Ушаков Ф. А.** - председатель Емашинского волостного совета крестьянских депутатов Уфимской губернии с февраля 1918 г, большевик, убит кулаками 4 июня 1918 г.

234. **Утробин В. Н.** – комиссар ВРК Чепецкой волости Вятского уезда в январе 1918 г.

235. **Федосин** – председатель Васильевского волисполкома Нолинского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

236. **Филиппов К.** - председатель Усть-Икинского волисполкома совета крестьянских депутатов Златоустовского уезда Уфимской губернии в апреле 1918 г.

237. **Худяков Л.** - председатель Лынского волисполкома Глазовского уезда Вятской губернии.

238. **Христолюбов Т.** - председатель Сметанинского волисполкома Вятской губернии в январе 1918 г.

239. **Хакимзянов** - председатель Насибашевского волостного совета крестьянских депутатов Златоустовского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

240. **Ханьжин А.** – милиционер 7-го участка Кисбаковской волости Бирского уезда Уфимской губернии в октябре 1917 г.

241. **Хуснутдинов** - член Троицкого уездного военно-революционного трибунала Оренбургской губернии в апреле 1918 г.

242. **Хнычкин Алексей Семенович** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

243. **Хнычкин Иен Давыдович** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

244. **Хнычкин Николай Викторович** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

245. **Чупахин И.** - председатель Наумовского волостного совета крестьянских депутатов Стелитамакского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

246. **Чевереv А. А.** (1887-1921) – командир красногвардейских отрядов г. Уфы в 1918 г., ранее – рабочий Симского завода, с июля 1917 г – солдат караульной роты 103-го Уфимского пехотного запасного полка, со 2 октября 1917 г по 1 апреля 1918 г. – член исполкома Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов. Один из руководителей военной организации большевиков.

247. **Чернядьев И. С.** (1880-1947) – председатель Бирского уездного совнаркома с декабря 1917 г., с апреля 1918 г. - совета рабочих и солдатских депутатов, член РСДРП(б) с 1911 г.

248. **Черепанов Иван** – председатель Верхнее-Синячихинского совета рабочих депутатов Пермской губернии с ноября 1917 г.

249. **Черепанов С. М.** – балтийский матрос, с 28 декабря 1917 г. председатель Яранского уездного ВРК Вятской губернии.

250. **Чернышов Иван Матвеевич** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

251. **Чернышов Дмитрий Матвеевич** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

252. **Шишкин В.** - первый председатель Петропавловского исполкома волостного совета крестьянских депутатов Яранского уезда Вятской губернии, образованного 16 февраля 1918 г.

253. **Шаханов** – председатель Саткинского заводского ревтрибунала Уфимской губернии в январе 1918 г.

254. **Шишкин** – председатель комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем г. Вятки в мае 1918 г.

255. **Шмотин** - местный народный судья 6-го участка Челябинского уезда Оренбургской губернии.

256. **Шубин Н.** - местный народный судья 7-го участка с. Мишкино Мишкинской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии.

257. **Шатунов А.** - председатель Малмыжского уездного исполкома совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Вятской губернии с апреля по октябрь 1918 г.

258. **Шубин И.** - председатель Глазовского уездного исполкома совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Вятской губернии с января 1918 г.

259. **Шехерев** - председатель Ворсинского волостного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Нолинского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

260. **Шарипов** - председатель Альшеевского волостного совета крестьянских депутатов Белебеевского уезда Уфимской губернии в мае 1918 г.

261. **Шепелюк П. П.** (1879-1918) - председатель Стелитамаского ВРК и совета рабочих и солдатских депутатов Уфимской губернии, петроградский рабочий, с мая 1917 г. на Урале, большевик, умер в марте 1918 г. от туберкулеза.

262. **Шарков** - член Троицкого уездного военно-революционного трибунала Оренбургской губернии в апреле 1918 г.

263. **Шишкин** – комиссар по самоуправлению Вятского губисполкома с января 1918 г.

264. **Штылов Федор Игнатович** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

265. **Штыков Сергей Иванович** - боец красногвардейского отряда с. Константиновки Апорекской волости Малмыжского уезда Вятской губернии в марте 1918 г.

266. **Эфтимович А. Р.** – помощник начальника милиции Оренбургско-Орской железной дороги в январе-феврале 1918 г.

267. **Юрлов А. В.** – начальник Ирбитской гормилиции Пермской губернии до апреля 1918 г., с 23 апреля – председатель горревтрибунала.

268. **Юрьев М. С.** (1882-1968) – организатор боевой дружины с. Топорнино Бирского уезда Уфимской губернии, большевик.

269. **Якобойтис** - первый командир Красной гвардии Напильного завода Миасской волости Златоустовского уезда Уфимской губернии в феврале 1918 г., численностью 130 человек.

270. **Язовских** – член первого состава Шадринского ВРК, созданного в январе 1918 г.

271. **Яконин** – первый председатель Шадринского совнаркома, образованного 2 марта 1918 г. в составе 13 комиссаров при уисполкоме.

272. **Ястребов** - начальник милиции 5-го участка г. Челябинска, с 12 марта 1918 г. – старший помощник начальника бюро уголовного сыска.

273. **Ястрембженский И. А.** – первый председатель Курганского уездного ревтрибунала, созданного в феврале 1918 г., портной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М. 1923.
2. Малая Советская энциклопедия. М. 1930. Т. 5. М. 1931. Т. 9.
3. Устькачкинцева А. И. Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 год). Молотовское кн. изд-во. 1953.
4. Бархатов А. В. В Кушве и Нижнем Тагиле в конце 1917-начале 1918 года // В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов - участников октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловское кн. изд. 1957.
5. Башилов Е. А. Моя работа в ЧК // За власть советов. Оренбург. 1957.
6. Дзержинский Ф. Э. Избр. Произведения. М. 1957. Т. 1
7. Каданцев С. М. В Уральской деревне // В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов - участников октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловское кн. изд. 1957.
8. Котов К. Создание Красной гвардии // За власть Советов. Чкаловское кн. изд. 1957.
9. Медведев А. И. Помню, как мы ездили на усмирение. Записки красногвардейца. // В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов - участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957
10. Пичугов С. Г. По неизвестным дорогам // В борьбе за власть Советов. Свердловское кн. изд. 1957.
11. Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск. 1959
12. Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, 1917-1920 г.г. М. 1960.
13. Нижний Тагил. Свердловское кн. изд. 1961.
14. Вакатов Ю. Б. К вопросу об организации советской милиции в Пермской губернии (1917-1918 гг.) // Ученые записки Пермского государственного университета. Юридические науки Т. 104. Ч. 2. 1963.
15. Революционеры Прикамья. Пермь. 1966.

16. Селиванов Н. П. Деятельность коммунистов по созданию органов советской милиции на Урале // Партийные организации Урала в борьбе за успешное строительство коммунизма. Свердловск 1966.

17. Фильченко С. Р. Орские большевики в борьбе за власть Советов // За счастье народное (воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье). Челябинск. 1966.

18. Селиванов Н. П. Большевики Урала в борьбе за создание аппарата уездных советов // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск. 1968.

19. Кизилов И. И. НКВД РСФСР (1917-1930). М. 1969.

20. Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. Минск. 1970.

21. Скробов В. С. Проблемы военной деятельности коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г. – 1920 г.). Свердловск. 1971.

22. Ирошников М. П. К вопросу о сломе буржуазной государственной машины в России // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Сб. статей. Л. 1973.

23. Верховь В. П. Красная гвардия в Октябрьской революции. М. 1976.

24. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. Под ред. С. К. Цвигуна и др. М. 1977.

25. Цыпкина Р. Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции (по материалам губерний Центрального промышленного района, Урала и Поволжья). М. 1980.

26. Курицин В. М. Становление социалистической законности. М. 1983.

27. Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Изд. Саратовского университета. 1983.

28. Страницы незримых поединков. Челябинск. 1986.

29. Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. М. 1987.

30. Скробов В. С. Борьба большевистских организаций Урала за создание и укрепление вооруженных отрядов трудящихся в ходе установления и упрочения Советской власти // Большевистские организации Урала в борьбе за победу социалистической революции. Сб. научных трудов. Свердловск. 1987.

31. Солдаты Октября. Очерки о борцах за установление Советской власти на Южном Урале. Челябинск. 1988.

32. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918-1923 гг. М. 1990.

33. Округин А. А. Партийное руководство созданием и деятельностью чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией на Урале (1918-1920) // Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся масс в вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейцами (1918-1919). Свердловск. 1990.

34. Румянцев Е. Д. Боевые организации народного вооружения на Урале в 1905-1918 гг. // Из истории общественных и политических организаций на Урале. Ч. I. Екатеринбург. 1992

35. Златоустовская энциклопедия. Златоуст. 1994. Т. 1.

36. Морозов Е. Г. Красная гвардия Челябинска и уезда в 1917-1918 гг. // Оренбургскому краю – 250 лет. Оренбург. 1994.

37. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа. 1994.

38. Хильдермайер М. Цена победы: гражданская война и ее последствия // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. 1994.

39. Эдельман Дж. Историческое значение русской гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. 1994.

40. Василенко С. А. К вопросу о целях создания различных видов пролетарской милиции на Южном Урале // Наука-ВУЗ-школа. Сб. науч. трудов молодых исследователей. Челябинск-Магнитогорск. 1995.

41. Мулукаев Р. С., Карташов Н. Н. Милиция России (1917-1993 гг.) Историко-правовой очерк. Орел. 1995.

42. Морозов Е. Г. Организационная структура Боевых организаций народного вооружения Уфимской губернии в 1917-1918 гг. // Двенадцатые Бирюковские чтения. Челябинск. 1996.

43. Политическая история. Россия – СССР - Российская Федерация. Т. 2. М. 1996.

44. Калинин Д. В. Челябинское уголовно-сыскное бюро (март-сентябрь 1917 года) // Итоги и задачи регионального краеведения. Ч. II. Курган. 1997.

45. Ваулин И., Волгов В. Он жив в памяти нашей // Наша малая Родина. Т. 1. Щучье. 1999.
46. Сырых В. М. История государства и права России. Советский и современный периоды. М. 1999.
47. Хрисанфов В. И. История государства и права России. 1917-1999 гг. СПб. 1999.
48. Чистяков И. Слобода Песчанская // Наша малая Родина. Т. 1. Щучье. 1999.
49. Большой юридический словарь. М. 2000.
50. Горячев Ю.Н., Дубленных В. В. Боевые организации народного вооружения // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 2000.
51. Калинин Д. В. Штаб охраны города Челябинска (ноябрь 1917-май 1918 гг.) // Полиция и милиция России: формирование и развитие (к 200-летию МВД). Челябинск. 2000.
52. Кобзов В. С. Органы уголовного сыска Оренбуржья в 1917-1918 гг. // Полиция и милиция России: формирование и развитие (к 200-летию МВД). Челябинск. 2000.
53. Полубинский В. И. Становление уголовного розыска в Российской Федерации // Журнал российского права. 2000. № 12.
54. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург. 2000.
55. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней. СПб. 2001.
56. Екатеринбург. Энциклопедия. Изд. «Академкнига». Екатеринбург 2002.
57. Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. М. 2002.
58. История государства и права России. Учебник под ред. Ю. П. Титова. М. 2002.
59. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. С-Пб. 2002.
60. МВД России. Энциклопедия. М. 2002.
61. Милиция Челябинской области. 1802-2002. Страницы истории. Под ред. В. И. Майорова. Челябинск. 2002.
62. Абрамовский А. А. Революционная юстиция Челябинска в 1917-1918 гг. Челябинск. 2003.
63. Калинин Д. В. Штаб охраны города Челябинска как координирующий революционный орган обеспечения правопорядка

(ноябрь 1917 – май 1918 гг.) // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области). Челябинск. 2003.

64. Петров А. В. Организационно-правовые основы становления органов правопорядка и специальных органов по борьбе с преступностью на Южном Урале (1917 – 1923 гг.) Челябинск. 2003.

65. Управление ФСБ России по Свердловской области. 1918-2003. Екатеринбург 2003.

66. Абрамовский А. А. Становление советской судебной системы и уголовного судопроизводства (октябрь 1917 – июнь 1918 г.г.). М. 2004.

67. ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. М. 2004.

68. Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. М. 2004.

69. Мозохин О. Б. ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М. 2004.

70. Абрамовский А. А. Председатель Оренбургской Губчека И. Ф. Лобов // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала. V-я региональная научно-практическая конференция. Челябинск. 2005

71. Абрамовский А. А. Председатель Уральской Облчека Ф. Н. Лукоянов // Природное и культурное наследие Урала. Материалы III-й региональной научно-практической конференции. Челябинск. 2005.

72. Сысоев Н. Г. Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. М. 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел 1. Исполнительные комитеты советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в механизме формирования системы правоохранительных органов	6
Глава 1. Создание местных комиссариатов внутренних дел и отделов управления.....	6
Глава 2. Военные отделы совдепов – организаторы Красной гвардии.....	19
Раздел 2. Обеспечение охраны общественного порядка и безопасности граждан на Урале.....	28
Глава 3. Всеобщее вооружение народа: система органов правопорядка Прикамья	28
Глава 4. Создание органов охраны правопорядка в Оренбуржье.....	40
Глава 5. Формирование советских правоохранительных структур в Уфимской губернии	57
Глава 6. Обеспечение личной и имущественной безопасности граждан в Вятской губернии.....	68
Раздел 3. Особенности создания и функционирования аппаратов уголовного розыска.....	77
Глава 7. Формирование института уголовного розыска в российской правоохранительной системе	77
Глава 8. Становление советского уголовного права: региональный аспект.....	83
Глава 9. Создание советских аппаратов уголовного розыска на Урале	94
Раздел 4. Формирование и развитие органов государственной безопасности.....	102
Глава 10. Создание Всероссийской чрезвычайной комиссии.....	102
Глава 11. Становление уральских «чрезвычайек».....	117
Глава 12. Правовые основы деятельности учреждений госбезопасности в первый год пролетарского государства.....	124
Примечания.....	132
Приложение	152
Список использованной литературы.....	171

Александр Андреевич Абрамовский

**В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ...
(Правоохранительные органы Урала
в первый год советской власти)**

Монография

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка: *С.А. Сафонова*

Подписано в печать 06.11.2008. Формат 60x84/16.
Усл. печ. 11,0 л. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ № 112. Тираж 999 экз.

Участок оперативной полиграфии
ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России
454081, г. Челябинск, ул. Либединского, 41

А. А. Абрамовский

**В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ...
(Правоохранительные органы Урала
в первый год советской власти)**

Челябинск
2008

К 90-летию милиции и ВЧК

А. А. Абрамовский

**В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ...
(Правоохранительные органы Урала
в первый год советской власти)**

Челябинск
2008